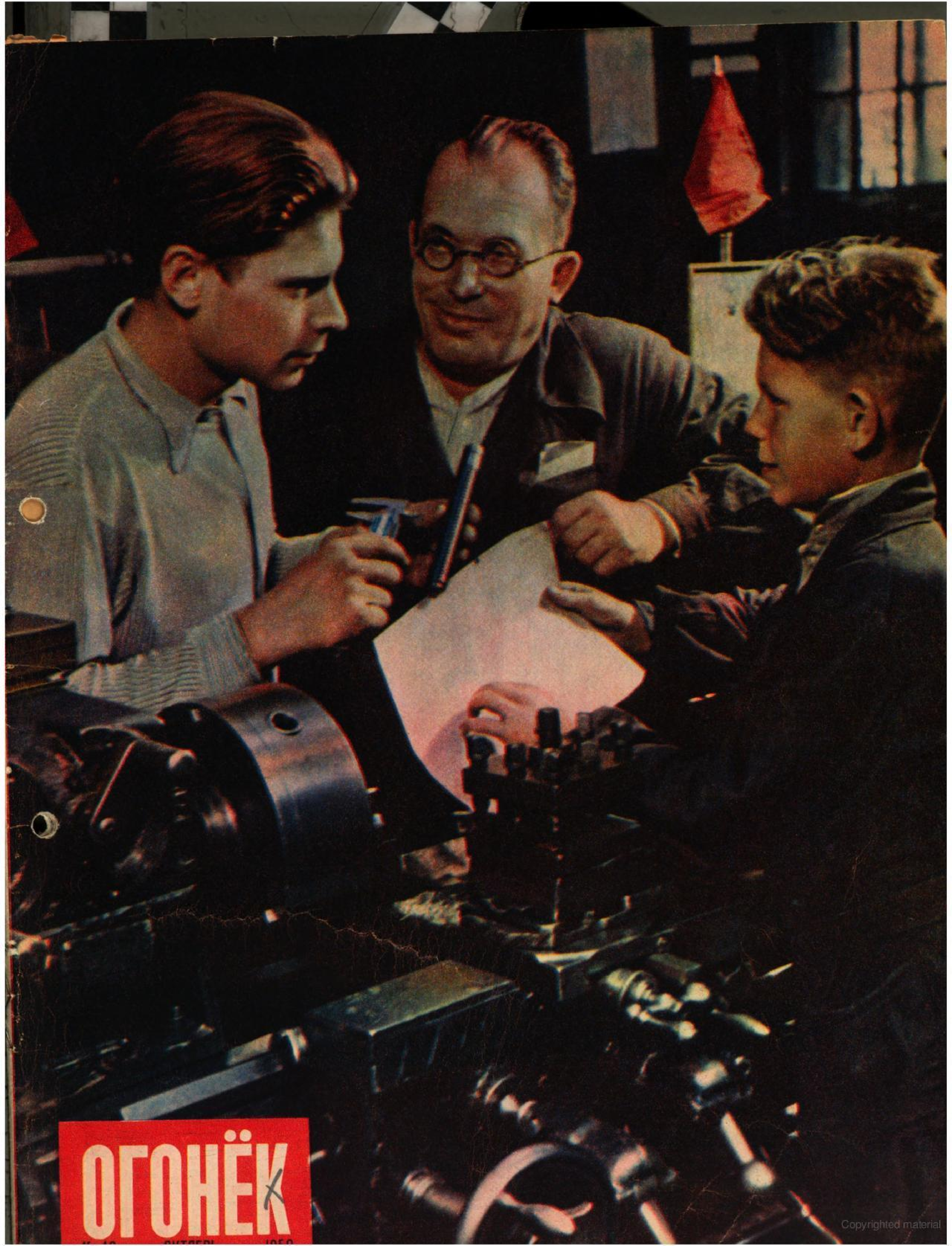

ОГОНЁК

На первой странице обложки: С самого основания московского ремесленного училища № 5 работает в нем мастер П. Т. Тихонов (в центре). Он подготовил много квалифицированных токарей. Знатный токарь-скоростник машиностроительного завода В. И. Галунин (слева) пришел десять лет назад в ремесленное училище и окончил его в первом выпуске. Теперь он знакомится с работой Владика Браславского, учащегося здесь первый год.

Фото Дм. Бальтерманца и Е. Умнова

На последней странице обложки: Инструкторы альпинизма Александр Хоменко (слева) и Николай Семенов в горах западного Кавказа.

Фото В. Руйковича

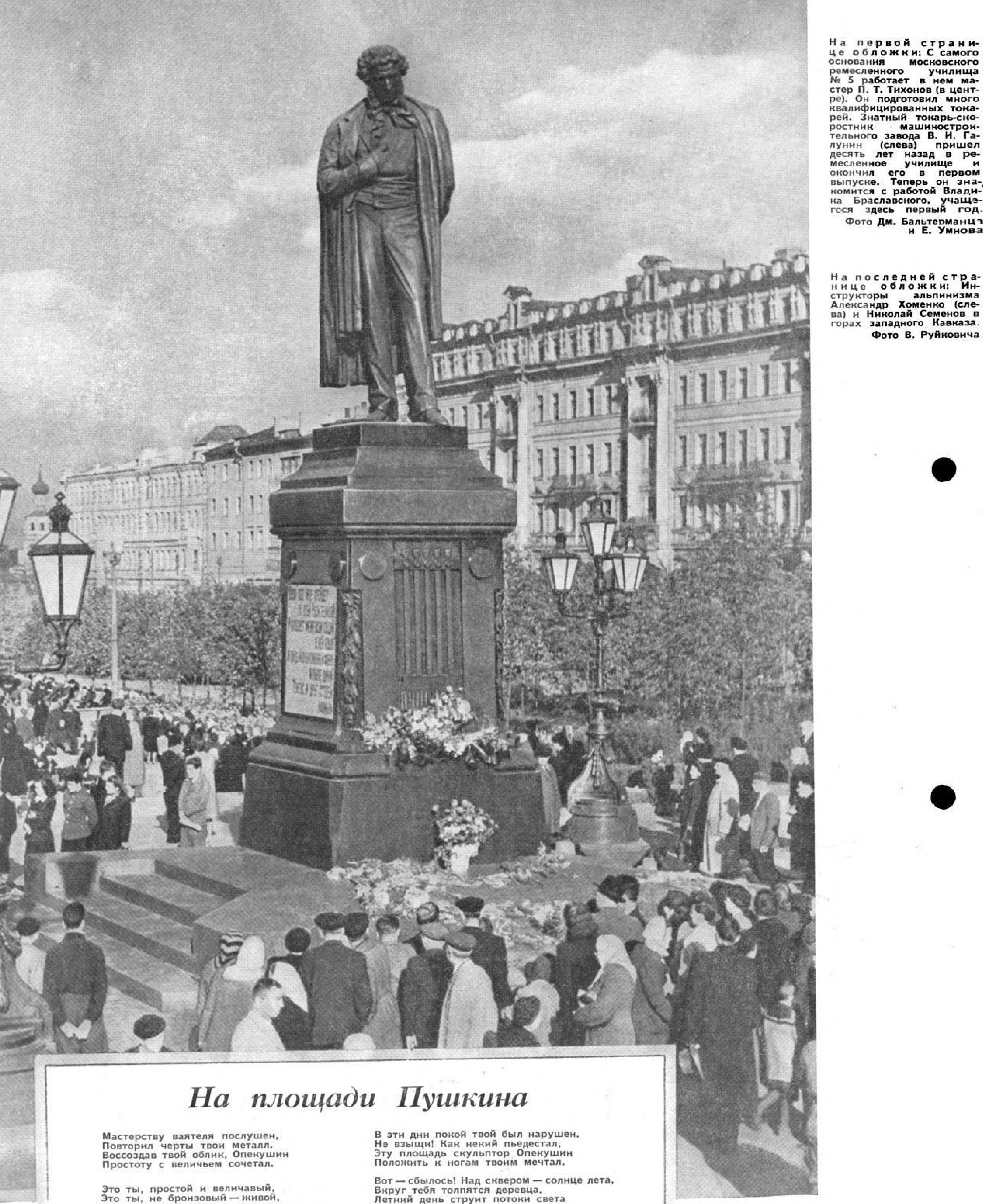

Фото Е. Умнова

На площади Пушкина

Мастерству ваятеля послушен,
Повторил черты твои металл.
Воссоздав твой облик, Опекушин
Простоту с величьем сочетал.

Это ты, простой и величавый,
Это ты, не бронзовый — живой,
Здесь стоишь под жгучим солнцем славы
С непокрытой гордой головой.

Много лет ты не сходил с Тверского,
В холод, в зной, под моросью дождя
Мы тебя встречали, как живого,
Второпях бульваром проходя.

В эти дни покой твой был нарушен.
Не взыщи! Как некий пьедестал,
Эту площадь скульптор Опекушин
Положить к ногам твоим мечтал.

Вот — сбылось! Над сквером — солнце лета,
Вкруг тебя толпятся деревца.
Летний день струит потоки света
На черты любимого лица.

Гул Москвы, подобный славословью,
Льется в сквер. Ты высишься над ним,
Окружен народною любовью,
Шумом лип и небом голубым.

Эмиль КРОТКИЙ

В.С.К.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

28-й год издания

ОГОНЁК

№ 40 (1217) 1 ОКТЯБРЯ 1950

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

МАО ЦЗЕ-ДУН — Председатель Центрального народного правительства Китая.

(К первой годовщине со дня провозглашения Китайской Народной Республики.)

СЛАВНАЯ ГОДОВЩИНА

Год назад, 1 октября, древняя китайская столица выглядела по-весеннему. Нескончаемые потоки праздничных народных шествий затопили улицы и площади Пекина. Под ликующие возгласы сотен тысяч трудящихся вождь героической Китайской коммунистической партии Мао Цзе-дун от имени народа-победителя торжественно провозгласил рождение Китайской народной республики. Это был день торжества китайского народа, день осуществления его давней, заветной мечты. Созданием нового, народного государства была увенчана долгая и трудная борьба, которую вел китайский народ за освобождение родины от империалистической и феодальной кабалы. День 1 октября 1949 года стал переломной датой в истории китайского народа. Для Китая наступила новая эпоха, эпоха национальной независимости, свободного, демократического развития.

Победа народной революции в Китае пробила еще одну широкую брешь в расшатывающемся здании мирового империализма. Китайский народ, сбросивший цепи бесправия и гнета, умножил силы великого лагеря демократии и мира, возглавляемого Советским Союзом. Новые широкие горизонты национально-освободительной борьбы открыла победа китайской демократии перед угнетенными народами колоний. Трудящиеся всех стран увидели еще одно подтверждение неодолимой жизненности и исторической правоты великих идей Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

Успехи китайского национально-освободительного движения исторически обусловлены Великой Октябрьской социалистической революцией, существованием страны победившего социализма. Как и все революционные явления нашей эпохи, освободительная борьба китайского народа неразрывно связана с именем и деятельностью великого корифея науки, вождя трудящегося человечества товарища Сталина.

Почти четверть века назад товарищ Сталин осветил мощным прожектором научного предвидения характер и перспективы китайской революции. Он определил ее как соединение двух потоков революционного движения — борьбы против феодальных пережитков с борьбой против империализма. Прозорливо предвидя два возможных пути развития китайской революции, товарищ Сталин указывал, что решающим условием для ее победы является завоевание пролетариатом гегемонии в революционной борьбе. Эти мудрые сталинские положения вооружили китайских коммунистов ясным пониманием целей борьбы, помогли им создать и возглавить общенародный революционный фронт во главе с рабочим классом и двинуть вперед национально-освободительное движение китайского народа. Исторический ход революционной борьбы в Китае и ее победоносное завершение в наши дни полностью подтвердили гениальное сталинское учение о характере и движущих силах китайской революции.

Труды товарища Сталина о революции в Китае проникнуты глубокой революционной верой в силы китайского народа, в неизбежность его победы. Враги рабочего класса, правые и «левые» изменники и капитулянты, при первых неудачах китайской революции пророчили ей гибель. Товарищ Сталин писал в 1925 году: «Силы революционного движения в Китае неимоверны. Они еще не сказались как следует. Они еще скажутся в будущем».

Из живительного источника сталинской веры в революционную энергию народа Китая китайские коммунисты черпали новые силы в борьбе. Громя оппортунистов и капитулянтов, они добивались нового подъема национально-освободительного движения. Выступая с приветствием в Москве в день 70-летия товарища Сталина, вождь китайского народа Мао Цзе-дун сказал: «Товарищ Сталин является учителем и другом народов всего мира, учителем и другом китайского народа. Ему принадлежит развитие революционной теории марксизма-ленинизма и в высшей степени выдающийся, колоссальный вклад в дело международного коммунистического движения. Китайский народ в тяжелой борьбе против угнетателей всегда глубоко и остро чувствовал и чувствует всю важность дружбы товарища Сталина».

Китайская народная республика, ныне вступающая во второй год своего существования, возникла в итоге победы Народно-освободительной армии Китая над вооруженными силами гоминдановской контрреволюции и американскими империалистами. Эта выдающаяся победа армии китайского народа, вызвавшая восхищение всего прогрессивного человечества, была облегчена и ускорена исторической победой Советского Союза во второй мировой войне над германским фашизмом и японским империализмом. «Если бы не существовало Советского Союза,— говорил Мао Цзе-дун в июле 1949 года,— если бы не было победы в антифашистской второй мировой войне, если бы — что особенно важно для нас — японский империализм не был разгромлен, если бы в Европе не появились страны новой демократии... то нажим международных реакционных сил, конечно, был бы гораздо сильнее, чем сейчас. Разве мы могли бы одержать победу при таких обстоятельствах? Конечно, нет».

Китайская народная республика встречает свою первую годовщину бурным ростом нового, передового, демократического во всех областях общественной и политической жизни, в хозяйстве, культуре, быту. Это новое крепкой молодой порослью смело тянется вверх, пробиваясь сквозь бурьян отсталости и бескультурья, которым веками зарастала китайская земля под властью помещиков и капиталистов.

Расхищение богатств страны иноземными капиталистами, феодальные пережитки в деревне, грабеж японских оккупантов, гражданская война — все это привело к тяжелой хозяйственной разрухе. Сложную задачу восстановления народного хозяйства Китая смело и настойчиво начала решать Китайская коммунистическая партия, возглавившая могучую трудовую инициативу народа — отныне хозяина своей страны. Экономика республики вступила на путь восстановления.

Опираясь на великий опыт Советского Союза, Центральное народное правительство республики поставило целью восстанавливать и развивать в первую очередь тяжелую промышленность как основу подъема и перестройки всего народного хозяйства. На Северо-Востоке, в промышленном сердце Китая, к весне этого года работало уже 90 процентов всех заводов и шахт. Подымается из развалин промышленность и в других районах Китая. В результате самоотверженного труда сотен тысяч китайских граждан к концу прошлого года была восстановлена железнодорожная сеть на всей освобожденной территории Китая. Повышается покупательная сила народного юаня — денежной единицы республики.

Немало сделано и для возрождения отсталого и подорванного войной сельского хозяйства страны. В прошлом году на Северо-Востоке и Севере было завершено великое демократическое преобразование — земельная реформа, охватившая 145 миллионов сельского населения. Безземельные и малоземельные крестьяне получили 37 миллионов гектаров земли.

В остальных районах Китая с сельским населением около 264 миллионов человек земельная реформа будет проведена в ближайшие три года на основе нового закона, принятого Центральным народным правительством. Но уже теперь в этих районах положение крестьянских масс облегчено снижением арендной платы и ссудного процента. Народная власть организует большие мелиоративные работы: обводняются засушливые районы, восстанавливаются и строятся каналы и плотины. Земледельцы получают в кредит семена и инвентарь. По примеру Советского Союза в Китайской народной республике создаются первые государственные сельские фермы — рассадники новой техники и передовой агрономии. Первыми вестниками кооперирования крестьянства являются несколько десятков тысяч кооперативных снабженческо-сбытовых обществ, группы крестьянской взаимопомощи.

В новом Китае благосостояние трудящихся улучшается вместе с ростом и укреплением народного хозяйства. Повышается на государственных предприятиях реальная заработная плата рабочих. Введена система страхования, организуется широкая медицинская помощь. Установлена равная оплата труда для мужчин и женщин. Законы республики строго охраняют права рабочих на частных предприятиях.

Образование перестает быть в новом Китае достоянием узкой привилегированной верхушки. Победа народной революции разбудила гигантскую тягу народных масс к знанию. Она привела в школы ликбеза и усадила за букварь десятки миллионов трудящихся китайцев. Свыше 17 миллионов детей и подростков обучается в начальной и средней школах, 130 тысяч студентов заполняют аудитории высших учебных заведений. Это лишь первые шаги культурной революции в Китайской народной республике.

Тесная дружба и сотрудничество с Советским Союзом и странами народной демократии — важнейшая основа дальнейшего демократического развития Китая. Братский союз советского и китайского народов, двух величайших народов мира, закреплен в советско-китайском договоре, подписанном 14 февраля 1950 года в Москве. Этот договор и связанные с ним соглашения ярко выражают сталинскую внешнюю политику мира и равноправного сотрудничества между народами. Они показывают бескорыстное желание Советского Союза помочь китайскому народу укрепить свою демократическую государственность, обеспечить свободу, независимость и процветание Китая.

Черные силы империализма и реакции во что бы то ни стало стараются помешать китайскому народу мирно трудиться на своей освобожденной земле. Американские душители свободы азиатских народов не хотят примириться с позорным крахом их колонизаторской политики в Китае. Они не могут забыть миллиардов долларов, затраченных на поддержку палача китайского народа Чан Кай-ши. Начав разбойничью интервенцию в Корее, они мечтают снова заковать и китайский народ в цепи колониального рабства.

Агрессивная политика США против Китайской народной республики за последнее время еще более обострилась. По приказу Трумэна, преступно нарушившему Каирское и Потсдамское соглашения, американские вооруженные силы проводят фактическую оккупацию Тайваня, неотъемлемой части территории Китайской народной республики. Возмущение китайского народа вызвали наглые нарушения американскими самолетами воздушных границ Китайской народной республики.

В эти дни, когда американские интервенты, сеющие смерть над городами Кореи, замышляют новые кровавые авантюры против китайского народа, Советский Союз, верный союзник и друг народного Китая, твердо и последовательно отстаивает на международной арене законные национальные интересы Китайской народной республики. Эта могучая поддержка, которую Советский Союз оказывает Китаю, своему другу и соседу, оценивается китайским народом, как доказательство действенности дружбы двух великих стран, на которые устремлены с надеждой взоры всех честных сторонников мира.

Рука об руку с Советским Союзом и странами народной демократии народный Китай борется за обуздание поджигателей новой мировой войны, за сохранение мира, за торжество демократии. С помощью великого Советского Союза китайский народ успешно залечивает раны войны, ликвидирует наследие прошлого, подымает свое хозяйство, укрепляет свою культуру.

В день славной годовщины Китайской народной республики советские люди вместе со всем прогрессивным человечеством шлют наилучшие пожелания великому китайскому народу, строящему на своей обновленной земле новую, счастливую жизнь.

СТАЛЬ

МЭЙ И

Аньшань дает Китаю сталь, и народ с гордостью называет его «народной столицей стали». Здесь завод неотделим от города, а город — от завода.

В ноябре 1948 года народные воины освободили Аньшань. Аньшаньский металлургический комбинат, располагающий мощными предприятиями тяжелой промышленности, был разрушен гоминдановцами. Цехи заросли лопухами и бурьяном в рост человека.

Когда Аньшань находился в руках чанкайшистских банд, трубы его заводов не дымили, в доменных печах застыли плавки давних дней. Отступая под натиском Народно-освободительной армии, гоминдановцы пытались окончательно уничтожить Аньшаньский комбинат, разрушить и расхитить последнее уцелевшее оборудование. Рабочие предотвратили это преступление. Они создали вооруженный отряд для охраны заводов и спасли 1800 ящиков с оборудованием, подготовленным гоминдановцами для вывоза.

Восстановительные работы были неимоверно трудны. Нужно было отремонтировать и пустить в ход поломанные машины. Не хватало техников, инженеров, квалифицированных рабочих. А к северу от Аньшаня продолжались еще ожесточенные бои. Начался голод.

Но трудности не испугали нас. Из Северной Маньчжурии было подвезено продовольствие. На заводы вернулись 300 опытных рабочих, сражавшихся в рядах Народно-освободительной армии. Они сплотили вокруг себя активистов из вооруженной охраны заводов и возглавили коллектив.

Аньшаньские рабочие впервые почувствовали себя тогда настоящими хозяевами своего комбината. Многие из них принесли в цехи ценные инструменты, которые хранили долгие годы. В течение одного месяца было собрано более двухсот тысяч различных инструментов и важных деталей.

Чтобы помочь фронту, рабочие развернули соревнование. И не прошло четырех месяцев, как часть восстановленных заводов возобновила работу.

Производственные заслуги многих тружеников Аньшаня были отмечены почетными наградами.

На комбинате впервые были открыты вечерние школы и краткосрочные курсы для подготовки квалифицированных металлургов. За один год около тысячи рабочих выросли и стали знающими, энергичными руководителями производства. Одиннадцать из них работают теперь директорами и заместителями директоров заводов.

Новая жизнь зашумела в стенах старых заводов, и в радостном, бурном ее движении с каждым днем все полнее и ярче раскрывались неиссякаемые творческие силы тружеников свободного Китая.

Первый план восстановления производства на Аньшаньском металлургическом комбинате составили специалисты, работавшие еще во времена Маньчжоу-Го. Исходя из старых представлений и существовавших норм выработки, они считали, что подготовка рабочих низка и поэтому план выполнить будет очень трудно. Однако, пока специалисты вели разговоры, рабочие план перевыполнили. Тогда робкие специалисты разработали новый план. Через два месяца и этот второй план, исходивший уже из более высоких норм, также был перекрыт.

Специалисты старой школы растерялись перед такой небывалой творческой силой, перед энтузиазмом рабочего класса и его высокой сознательностью. Им ничего не оставалось, как составить третий, еще больший план. Но и он скоро был перевыполнен. Рабочие с презрением смотрели на так называемые «стандартные» нормы периода Маньчжоу-Го.

— Это — для рабов, для народа порабощенной страны, — говорили они.— Мы должны создать свои собственные нормы, нормы хозяев страны!

Лозунги «Создадим новые нормы выпуска продукции!», «Создадим новые нормы выработки!» стали клятвой рабочих, подобной тем священным клятвам, которые давали перед боем воины Народно-освободительной армии Китая.

В прошлом году восстановленные предприятия Аньшаньского металлургического комбината в большинстве своем превысили уровень выпуска продукции, существовавший при Маньчжоу-Го.

В сентябре 1949 года рабочие Чжао Го-ю и Чжан Шаньцзюй установили новые производственные рекорды, выполнив нормы выработки на 500 и 620 процентов. Партия, правительство и профсоюзы поддержали смелую инициативу новаторов. Их выдающееся достижение встретило горячий отклик среди широких народных масс. Лозунг «Установим новые рекорды!» зазвучал на всех крупных и мелких государственных заводах Северо-Востока. Рабочие комбината стали в первые ряды этого движения.

В конце прошлого года, всего лишь за каких-нибудь три месяца, на 170 наиболее значительных заводах и рудниках Северо-Востока около 51 тысячи рабочих установило новые рекорды.

На Аньшаньском комбинате домна № 1 ежедневно давала 400 тонн чугуна, а в результате движения за новые рекорды и усовершенствования оборудования печь стала давать до 550 тонн. К концу года суточная производительность домны возросла до 620 тонн.

Говоря об успехах Аньшаньского комбината, мы не можем не сказать о той помощи, которую оказывают китайскому народу в экономическом строительстве советские специалисты. Для Аньшаньского комбината эта помощь имеет решающее значение. Под руководством и при помощи советских инженеров был разработан новый метод коксования. В результате использования их предложений быстро поднялась выплавка 1-й и 2-й доменных печей Аньшаньского комбината, а в июле впервые был перевыполнен и план выплавки стали.

Советские специалисты работают самозабвенно, не считаясь ни с чем. Рабочие питают к ним глубокую признательность.

Почти каждый день Аньшаньский комбинат одерживает новые победы. Весной прошлого года американские, так называемые, специалисты и их гоминдановские подпевалы высмеивали наш план восстановления. Они заявляли: «Аньшаньский металлургический комбинат очень велик, коммунистам его не поднять. Для того чтобы восстановить его, потребуется не меньше 10 лет».

Эти смертельные враги китайского народа слишком недальновидны, они никогда не смогут понять, какой ум и какие силы проявил и проявит в будущем китайский рабочий класс под руководством Китайской коммунистической партии и при помощи дружественного Советского Союза.

Рабочие Аньшаньского комбината знают, на кого они сейчас работают. В прошлом, будь то японский управляющий или же гоминдановский «директор», все они смотрели на рабочих, как на рабов.

Сейчас сами рабочие стали хозяевами своей жизни, своей судьбы. Каждую субботу рабочий и служащий может пойти к самому ответственному лицу комбината — к директору или к секретарю партийного комитета. В приемной оживленно, здесь можно говорить обо всем: о работе, руководстве, домашних делах.

К концу прошлого года заработная плата была в шесть раз больше, чем год назад, когда только что был освобожден Аньшань. Рабочие, устанавливающие рекорды, получают помимо заработной платы дополнительное вознаграждение. Создаются столовые, клубы, больницы, общежития, ясли. Каждое утро дети идут в школу. Жены рабочих посещают курсы ликвидации неграмотности.

Изгнанный с завода гоминдановцами старый рабочий Чжу Бао-чэнь недавно установил рекорд. Чжу Бао-чэнь не забыл, как в 1948 году, во время гоминдановского господства, он наряду с другими рабочими питался отрубями и травами. Тогда жители Аньшаня пухли от голода. Мы также не забыли и того, как во времена господства японских империалистов каждый день 10—15 наших товарищей погибали или получали тяжелые увечья: на комбинате тогда никто не заботился о технике безопасности. С 1918 по 1945 год на Аньшаньском комбинате количество погибших и изувеченных составило 150 тысяч человек.

Теперь на комбинате в ходу крылатая фраза: «Оглянись назад, подумай о теперешнем положении; для того чтобы довести революционную войну до конца, мы должны увеличить производство!»

Подобные настроения рабочих понять очень легко.

* * *

Аньшаньский металлургический комбинат — важнейшая база для создания тяжелой промышленности народного Китая. Он вместе с другими индустриальными центрами Северо-Востока, такими, как Фушунь, Бэньсиху, Мукден, является костяком промышленного строительства Северо-Востока, как сам Северо-Восток стал костяком промышленного строительства всего народного Китая.

В нынешнем году народный Китай вложит в строительство огромную сумму денег, половина из нее приходится на Северо-Восток. Быстрое восстановление Аньшаньского комбината означает быстрое восстановление промышленности Северо-Востока.

В этом году продукция государственной промышленности Северо-Востока по сравнению с прошлым годом почти удваивается. Рабочий класс Северо-Востока верит в то, что этот план будет выполнен полностью.

Важнейшая гарантия этого — безграничный трудовой энтузиазм рабочего класса. Движение за новые рекорды, как пламя, вспыхнувшее на Аньшаньском металлургическом комбинате, привело к тому, что производительность труда на государственных заводах Северо-Востока неуклонно повышается. Этот факт показывает не только быстрый рост трудовой активности освобожденного рабочего класса, но и то, что производственная мощность наших государственных предприятий неуклонно растет.

В то время как движение за новые рекорды распространяется по всему Китаю, на Северо-Востоке оно уже вступило в высшую фазу своего развития. Здесь думают о том, как рекорды передовых рабочих сделать достоянием всего коллектива.

Аньшаньский комбинат еще не полностью восстановлен. Мы уверены: он будет не только восстановлен, но и расширен. Это нужно китайскому народу, — значит, это будет воплощено в жизнь!

Перевод с китайского
А. Котова и Н. Номероцкого

Рабочий поселок в Аньшане.

ЛЮДИ *свободного* КИТАЯ

Зорко и бдительно охраняют границы родины воины Народно-освободительной армии Китая.

Вот уже год, как над необозримыми просторами китайской земли развевается государственный флаг Китайской народной республики. После столетий феодального гнета, после нескончаемо долгих лет империалистического грабежа китайский народ, знавший лишь нищету, голод и бесправие, впервые стал безраздельным хозяином своей земли и творцом своего будущего.

Под солнцем свободы и независимости, завоеванных в героической народно-освободительной войне против внутренних и иностранных поработителей, меняется с каждым днем облик великой страны. Радостно трудиться земледельцу на обретенной им земле. Творческим и вдохновенным стал труд рабочего, отныне работающего на народ. Невиданный подъем культуры, которая становится достоянием всех трудящихся, делает благодарной и плодотворной работу интеллигенции. Меняется судьба людей Китая — каждому открыта отныне широкая дорога к обеспеченной жизни, к знанию, к применению своих способностей и талантов.

Впервые за много веков лицо человека нового Китая озарено улыбкой радости и довольства. Глаза его светятся гордостью за свою свободную родину, верой в ее мощь, в торжество правого дела трудящихся. Смело и уверенно смотрят вперед миллионные массы китайского народа, идущего в рядах великого содружества свободолюбивых народов, возглавляемого Советским Союзом.

Рабочие-металлурги — это те, чей самоотверженный труд укрепляет индустриальный фундамент отечественной экономики (фото слева).

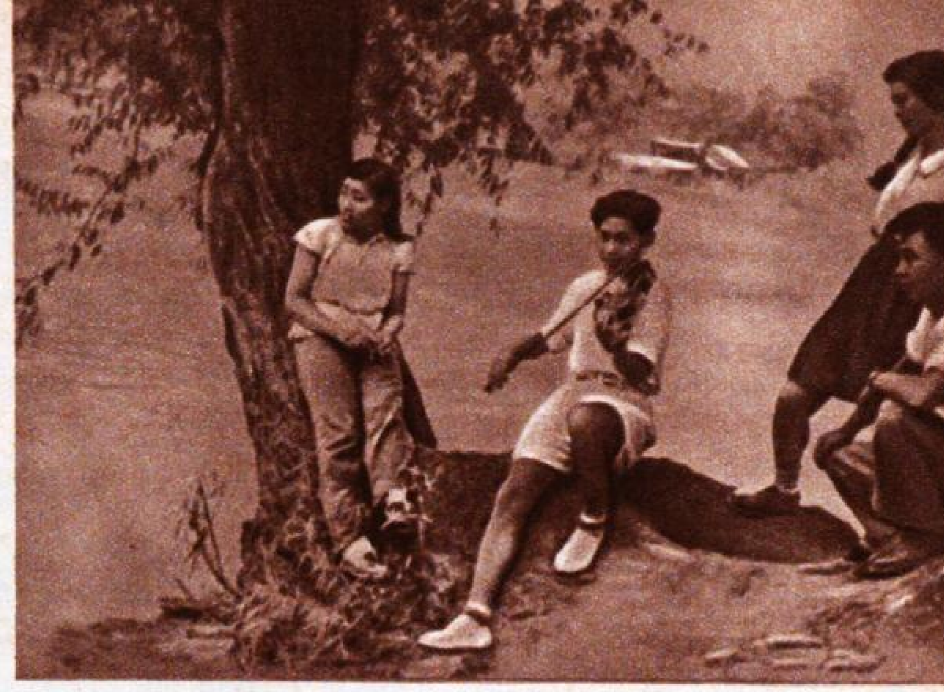
Спокойно и уверенно держит в своих руках штурвал комбайна молодой китайский комбайнер. Новая техника на полях Китая — дар советского народа (фото слева, внизу).

Единодушен трудовой порыв народа. Рабочие государственного хозяйства Чи Хэн в Хубэе одобряют план работ по уборке урожая.

Хорошо выходить на свое поле, куда не ступит больше нога хищного феодала! Хорошо трудиться дружной семьей равноправных земледельцев, объединенных в крестьянскую группу взаимопомощи!

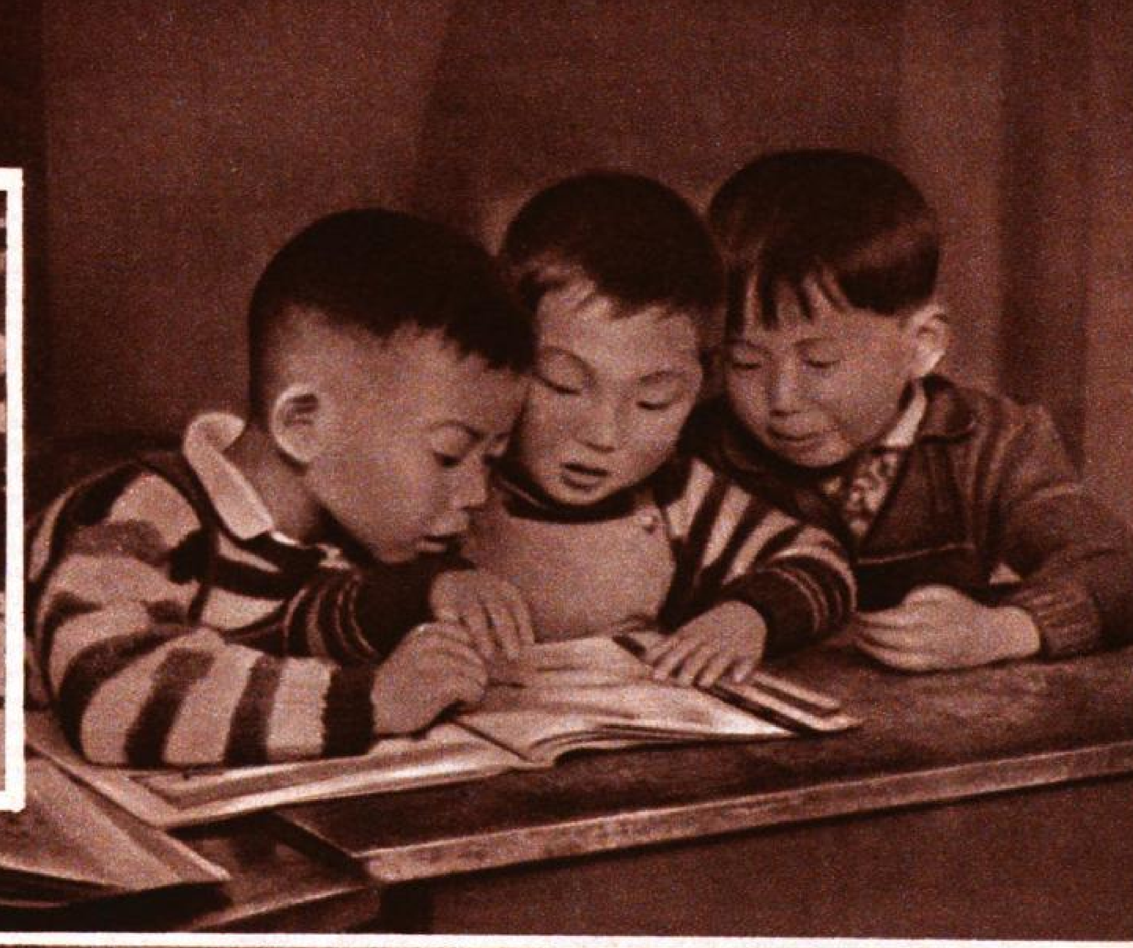

Народное правительство делает все, чтобы обеспечить молодежи здоровые условия труда и культурный отдых. Юноши и девушки Пекина проводят досуг в парке бывшего императорского дворца.

Им принадлежит светлое будущее, за которое боролись и которое строят их отцы. Детский сад в Шеньяне — один из многих очагов воспитания детей в духе нового, передового (фото справа).

Все в новом Китае жадно тянутся к культуре, радостно пожинают ее плоды. Эти молодые солдаты Народно-освободительной армии пишут веселую пьесу, которую они сами разыгрывают на подмостках военного клуба.

Китайские женщины знают, что борьба за мир — это борьба за жизнь и счастье их детей. В детской консультации, куда они принесли своих ребят, матери подписывают Стокгольмское Воззвание (фото внизу, слева).

Молодежь выпускает голубей — символ мира, за который борется китайский народ вместе со всем прогрессивным человечеством (фото внизу, справа).

История села Шуанхэ

ЛЮ ЦИ

Облик китайской деревни быстро меняется.

Шуанхэ — обыкновенное китайское село. Оно расположено на Северо-Востоке, в провинции Сунгари, в районе Хадянь, уезда Ачэн. По условиям производства эта деревня ничем не отличается от других.

События, происшедшие в последнее время в Шуанхэ, аналогичны событиям, развернувшимся в тысячах и тысячах сел и деревень Китая, где уже завершена земельная реформа.

1. Есть новые арбы, есть лошади, будет много новых домов

Если постоять у дороги, ведущей из Шуанхэ в уездный город Ачэн, часто можно видеть, как по ней катится большая новая арба со свежевыкрашенным кузовом, ярко блестящим на солнце. Возница, он же хозяин арбы, сидит на ее краю. Одет он в шубу, весело помахивает кнутом и с довольным выражением слушает звуки колокольчика, болтающегося на шее лошади.

Если вы обойдете село, то заметите, что почти у каждого дома выстроена конюшня. Владельцы лошадей — раньше они были батраками или арендаторами — весело готовят корм лошадям или чистят их железными гребенками.

В дом сельского правления непрерывно приходят крестьяне. Они подают заявления с просьбой, чтобы правление помогло им купить лесоматериал для строительства новых домов. В селе насчитывается около 400 дворов. Прошлой зимой обратилось в правление за такой помощью свыше 200 дворов, а в 1947 году, тотчас после проведения земельной реформы, во всей деревне новые дома построили только 4 семьи!

В соседнем селе Шуанцзинтун освободившиеся от помещичьего гнета крестьяне купили за 50 дней 22 лошади. А недавно снова послали представителей закупить еще 12 лошадей.

Бывший батрак этого села Лю Лянь-шэн с довольным видом сказал мне:

— На второй год после проведения земельной реформы, зимой 1948 года, бывшие батраки и бедняки нашей деревни закупили очень много скота...

Новые дома сменяют прежние убогие хижины.

2. Ин Си покупает костюм...

Ин Си до земельной реформы был батраком и 20 лет своей жизни проработал на помещика. За три года, с 1947 по 1949, он износил 3 ватных костюма. В 1948 году он купил немного самого дешевого домотканного полотна и сделал новый костюм, но подкладка осталась старой. В прошлом году он купил в кооперативе синей диагонали лучшего сорта и сшил пиджак.

Описывая свою жизнь в течение этих трех лет, он сказал:

— В 1947 году я бедствовал и с питанием и с одеждой, в позапрошлом году с питанием я обошелся, но с одеждой было все еще туго, а в прошлом году я обеспечил себя и питанием и одеждой...

Семья этого тридцатипятилетнего крестьянина состоит из семи человек. В 1947 году костюмы имели только два члена семьи, работавшие в поле. Женщины и дети провели зиму, кутаясь в одеяла. В прошлом году семья обменяла зерно на 50 метров ткани, и все оделись.

Ин Си скопил еще немного денег и обменял свою старую лошадь на хорошую.

В этом году он собирается распахать участок целины. Ин Си говорит:

— Раз есть земля и лошадь, у семьи есть основа жизни.

Другой крестьянин, Чжан Гуй-ю, живет немного получше, чем Ин Си. В 1948 году все восемь членов его семьи были уже одеты. Однако в новое удалось одеться только двоим — отцу и сыну. В прошлом году была обшита вся семья, причем все из нового: новый верх, новая подкладка, новая вата. Сам Чжан купил в универмаге рабочую спецовку, а на ноги — парусиновые ботинки и белые обмотки. На голове он носит меховую ушанку.

— Ну и жилистый ты мужичок! — подзадоривают его крестьяне.

Сам Чжан Гуй-ю, стоя у прилавка кооператива, высоким голосом повествует:

— В прежние годы и зимой и летом приходилось носить одно и то же: с деньгами, чорт побери, было туго, а в прошлом году я имел уже смену одежды!

Бывший батрак Ли Гуй-линь с гордостью сказал мне:

— Прежде приобрести новый костюм было великим делом. В прошлом же году в нашем селе уже нельзя было видеть людей, закутанных в одеяла.

Да, еще позапрошлой зимой в этом селе можно было всегда видеть взрослых, одетых в одеяла, и сидящих дома голых ребятишек. Треть крестьян не имела ватных брюк. В прошлом году сорок шуб, которые получил кооператив, были моментально раскуплены.

3. Нужно благодарить председателя Мао Цзе-дуна

Крестьяне прекрасно понимают, кто принес эту новую жизнь.

— Если нужно кого благодарить, то в первую очередь председателя Мао Цзе-дуна. Если бы не он, у нас не было бы такой жизни, — говорит крестьянин Лю Чжань-юань.

Старый крестьянин Ли Гуй-линь неторопливо произносит:

— Честно говоря, если бы не было Мао Цзе-дуна и нашего замечательного правительства, как бы ты ни старался, ничего бы не вышло. В прошлом году с меня взяли продналог на 1,3 даня зерна меньше, чем в позапрошлом году. От снижения налогов народ получил много выгод.

Сама жизнь перевоспитывает крестьян. Сейчас они глубоко верят, что надо во всем следовать призывам компартии.

4. К еще большему трудовому подъему

Крестьянин Чжан Гуй-ю так выразил мнение своих односельчан:

— Посмотришь на нашу жизнь — и чувствуешь, что чем дальше, тем она становится лучше.

Растет количество начальных школ. Почти все дети ходят в школу.

Молодежь повсюду обсуждает вопросы, как организовать трудовую взаимопомощь. Женщины также широко принимаются за дело и учатся, как лучше организовать подсобное производство.

Крестьяне трудятся с большим подъемом. Их трудовой энтузиазм пылает, как пламя.

Все они помнят слова из письма коммунистической партии:

«Ради нашей счастливой жизни, ради того, чтобы защитить плоды нашего пробуждения, и ради окончательной победы над реакционерами, для того, чтобы индустриализировать страну, мы должны работать с напряжением всех сил, давать нашей родине еще больше продовольствия и сырья».

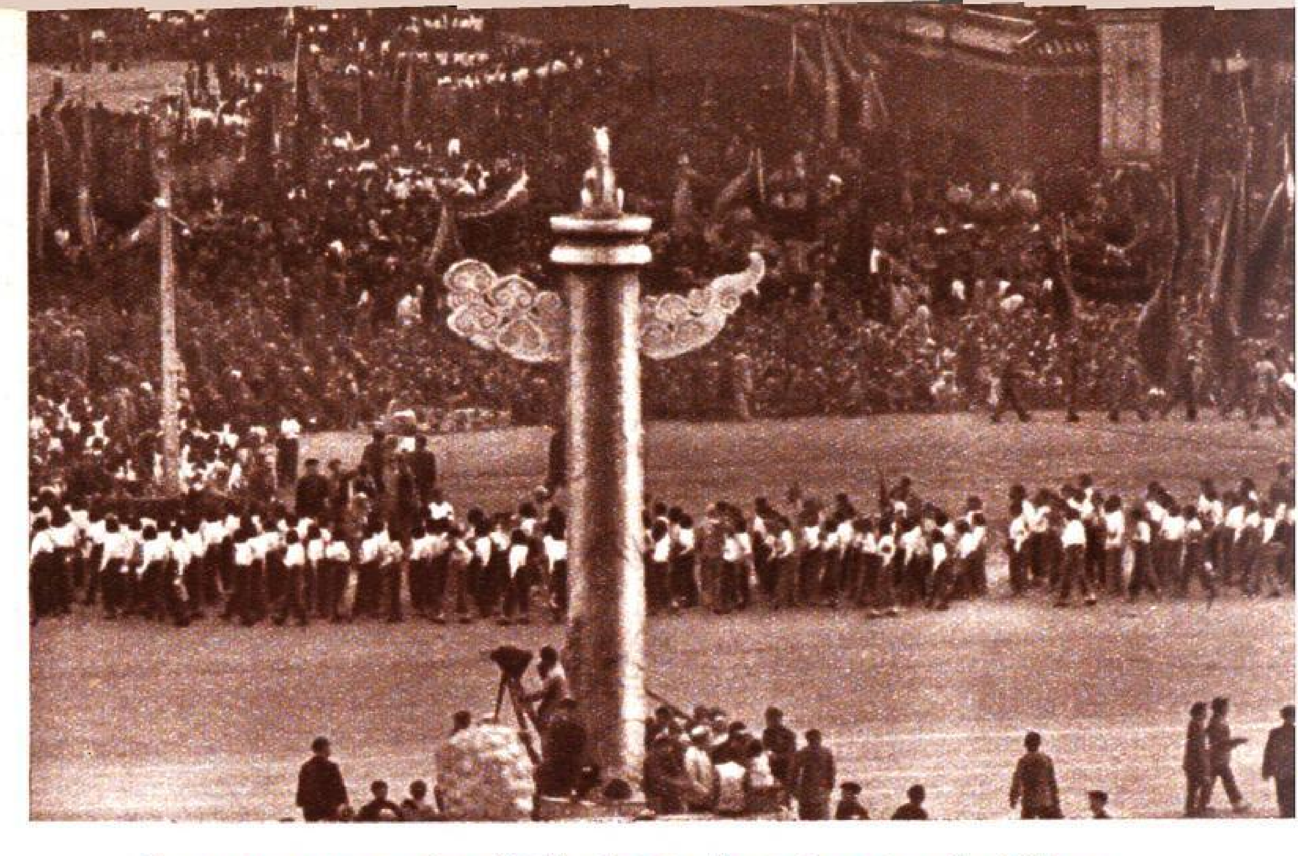
Перевод с китайского

Безземельный крестьянин получил грамоту на пользование землей.

ПЕКИН В СЕНТЯБРЕ

Леонид ВЫСОКООСТРОВСКИЙ

Пекин в день провозглашения Китайской народной республики 1 октября 1949 года.

Спала жара, прекратились опустошительные ливни. В июле они сносили заборы, создавали глубокие и бурные потоки на улицах.

Сейчас солнечные лучи щедро заливают город. Наступила осень — самая золотая пора года.

Но осень эта, как и в прошлом году, носит свой особый отпечаток. Год назад в сентябре страна готовилась к провозглашению народной власти. Ныне народ празднует годовщину со дня основания республики, отмечая славную дату достижениями созидательного труда.

Борьба за новые трудовые успехи — вот чем живет в эти дни китайская столица. Старый Пекин снискал себе новую славу. Она в трудовых подвигах рабочих, в открывающихся школах. На каждом шагу вы видите ростки новой жизни независимого Китая. Это придает особый облик нынешней осени, богатой весенними красками.

Утром мэр города генерал Не Жун-чжэнь начинает трудовой день с того, что выслушивает доклады о работах по благоустройству столицы. Они весьма интересны, эти доклады. Если сложить их воедино, то получится объемистая книга, повествующая о больших делах, совершенных за истекший год. Правда, генерал Не Жун-чжэнь скромно говорит, что сделано еще мало.

— И, собственно, не стоит читать эти доклады, лучше посмотреть все в натуре,— добавляет он.— Когда видишь воочию что-нибудь, то, естественно, картина выступает отчетливее... Итак, пойдемте на улицу!

У подъезда многоэтажной гостиницы, носящей одноименное с китайской столицей название, вы слышите методический стук молотков. Несколько сот полуобнаженных рабочих обтесывают серые угловатые глыбы, придавая им изящную форму. Другие несут обтесанный камень в разные концы площади.

Лицо площади меняется с каждым днем. Она становится шире, покрывается крепким бетоном, обрамляется чуть приподнятыми тротуарами.

Ежедневно над благоустройством Пекина трудятся двадцать тысяч человек. Строительство на две трети сократило безработицу в Пекине. Со временем и остальные безработные найдут свое место в трудовой жизни: масштаб строительных работ все расширяется.

Перестраивается улица Хатамен. Она уже не такая, как в прошлом году: стала шире, прямолинейней. У городской стены можно увидеть тысячи смуглых людей. В плетеных корзинах, подвешенных на бамбуковые коромысла, они один за другим непрерывным потоком несут землю, щебень, известку. Это реконструируются ворота на Хатамене. Выстроенные в давние времена, они стали теперь помехой для городского транспорта. Сквозь стену пробивают три прямых проезда.

Улица Вундинмен расположена во внешнем городе. Она отличается большим своеобразием. В переводе Вундинмен означает «улица Постоянной тишины». На деле это улица самых беспокойных шумов, порожденных усердием владельцев множества мелких лавчонок и ремесленников. Маленькие палатки, лотки, кузницы, киоски сплошной шеренгой растянулись тут на полтора—два километра, их товары и изделия выставлены прямо на тротуаре.

Как только вы, миновав большие ворота, выходите на Вундинмен, вас оглушает какофония звуков. Каждый из них имеет определенное назначение. Вот гремит резким, дребезжащим тоном медная труба. Мелодию сопровождают удары в железо. Это означает, что точильщик приглашает вас поточить ножи, ножницы, бритвы.

«Чок-чок», — отбивает в маленький барабанчик покупатель старья. Бьет в барабан размером побольше торговец горячими пирожками. Во весь голос кричит продавец зелени. Звякает металлическими тарелками владелец закусочной. Тут же надрывается радиола, рекламирующая мелодии новых пластинок. И если ко всему этому прибавить звонки потоком льющихся велосипедистов, выкрики рикш, то можно составить себе представление о симфонии этой улицы.

— Однако здесь весело,— заметил я Сиу Чил-ену, работнику городского управления.

— Да, но так стало недавно, — ответил он,— год назад вы бы видели иную картину.

И Сиу Чил-ен рассказал любопытную повесть об осушении Пекина.

Подземное хозяйство Пекина было сооружено около пятисот лет назад. Назначение его несколько иное, чем имеют подземные уличные сооружения в городах Европы. Главное, что требуется от всей этой системы труб, — способствовать быстрому стоку воды во время невиданных ливней, которые так часто случаются здесь летом. С конца прошлого века подземным хозяйством города никто не занимался. Трубы забило тиной, песком, илом. Город принимал все более неприглядный вид. Во время дождей он заболачивался; это способствовало распространению эпидемических заболеваний.

Большая грязная канава тянулась и по середине улицы Вундинмен. Во время дождей она быстро переполнялась водой, затопляя мостовую, тротуары и даже дома. Плыл тогда по волнам скудный скарб ремесленников и торговцев. Разрушались здания.

Жители Пекина терпели бедствия. Больше всего страдал от наводнений внешний город, где беднота жила в легких постройках, сделанных из бамбука и дешевых тканей. Но последние годы стал затопляться и внутренний город.

Для того, чтобы двинуть вперед благоустройство Пекина, надо было сначала избавить город от сточных вод. С помощью советских специалистов Народное правительство разработало план осушительных работ.

На строительство подземного хозяйства были поставлены шестьдесят тысяч рабочих, некоторые воинские части Народно-освободительной армии. Предстояли огромные земляные работы. Можно было предполагать, что недостаток экскаваторов, транспорта, а также кирок и лопат, затянет реконструкцию города на многие годы.

Но вышло по-иному. Вдохновение, охватившее людей, сбросивших с себя ярмо иностранных поработителей, почувствовавших себя хозяевами родной столицы, помогло преодолеть трудности. Десятки тысяч кубометров земли были вынуты вручную; примитивным способом промывались системы стоков, были вычищены канавы, уложены бетонные трубы. К июню нынешнего года — к началу дождей — работы были в основном закончены, и подземное хозяйство Пекина начало нормально действовать.

Город перестал захлебываться в ливневых потоках, и впервые за многие годы этим летом здесь не было наводнения.

Вот почему, может быть, так особенно шумно и весело в сентябре на улице Вундинмен. Забота Народного правительства уберегла людей от колоссальных убытков.

В столице Китайской народной республики два миллиона жителей. Однако город не имел современного транспорта. Сотни лет здесь человек возил человека. И сейчас еще в городе до двадцати тысяч рикш. Но городские власти уже заботятся о том, чтобы создать современный вид транспорта. Часть рикш обеспечивается другой работой, часть получает земельные наделы и переезжает на село.

Двадцать четыре трамвайных вагона — таково наследство, доставшееся городу от гоминдановских правителей. Теперь количество вагонов доведено до ста. Раньше Пекин не имел автобусов, ныне их семьдесят восемь. Протяженность трамвайных и автобусных линий достигла двухсот пяти километров. Новый городской транспорт будет расширяться.

Мне показали многочисленные статистические сводки, повествующие о подъеме промышленности, торговли, о высокой выработке электроэнергии. Они свидетельствуют о неуклонном росте продукции. Мастерские пекинской трамвайной компании 31 августа завершили годовой производственный план — на четыре месяца раньше срока. Себестоимость электроэнергии, подаваемой в город, снизилась на сорок семь процентов, воды — на шестнадцать процентов. Изготовление текстиля увеличилось на двадцать семь процентов, железных изделий — на пятнадцать, ковров, составляющих важную статью китайского экспорта,— больше чем в два с половиной раза. В этом году около тысячи пятисот образцовых рабочих награждены премией.

Таков язык статистики. Цифры не требуют комментариев.

...Пекин в сентябре!

Послушайте, почитайте, что здесь говорят.

«Хорошей работой на благо народа внесем свой вклад в дело борьбы за международную безопасность!» — гласят плакаты.

«Больше продукции лучшего качества!» — пестрят заголовки в газетах.

«Привет представителям образцовых рабочих, крестьян и воинов!» — такие новые надписи иероглифами появились на улицах.

Делегаты народа, приехавшие со всех концов обширного Китая, собираются во Дворце труда рапортовать Мао Цзе-дуну о сделанном за год.

Это будет съезд героев труда.

Таким выглядит Пекин в канун годовщины со дня провозглашения Китайской народной республики.

Пекин, сентябрь.

Молодое пополнение РАБОЧЕГО КЛАССА

В. П. ПРОНИН

Министр трудовых резервов СССР

Россия является пионером в области профессионально-технического образования. Еще в первой половине XVIII века, с зарождением промышленности на Урале, начали создаваться горнозаводские школы по подготовке рабочих «всякого мастерства».

В шестидесятых годах прошлого века преподаватели Московского технического училища впервые в мире разработали научное обоснование системы обучения промышленному труду. Система эта в 1876 году демонстрировалась в Русском отделе Всемирной промышленной выставки в Соединенных Штатах Америки.

«Русская система производственного обучения рабочих» была впоследствии заимствована многими зарубежными государствами и внедрена в практику учебных заведений Америки и Европы.

Вместе с тем, однако, профессионально-техническое образование в царской России находилось в зачаточном состоянии. Во всей стране до революции насчитывалось лишь около трехсот ремесленных школ. Государство не отпускало средств на их содержание, школы кое-как перебивались при помощи частных пожертвований.

Только советская власть предоставила трудовому народу широкие возможности обучения любым профессиям. Профессионально-техническая подготовка и коммунистическое воспитание рабочей молодежи всегда были в центре внимания большевистской партии и советского государства.

Великий сталинский план построения коммунизма в нашей стране, дальнейшее развитие народного хозяйства требовали постоянного пополнения промышленности, транспорта и строительства высококвалифицированными рабочими. Товарищ И. В. Сталин неоднократно указывал на то, что мы не можем безразлично относиться к тому, как у нас пополняется рабочий класс.

«Задача дальнейшего расширения нашей промышленности требует постоянного притока новой рабочей силы на шахты, рудники, транспорт, фабрики и заводы. Без непрерывного пополнения состава рабочего класса невозможно успешное развитие нашей промышленности.

...Перед государством стоит задача организованной подготовки новых рабочих из городской и колхозной молодежи и создания необходимых трудовых резервов для промышленности».

Так гласил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 года.

По всей стране была организована сеть ремесленных, горнопромышленных и железнодорожных училищ и школ фабрично-заводского обучения самых различных специальностей. Все поступающие в них юноши и девушки обучаются бесплатно, обеспечиваются обмундированием, питанием, общежитием, учебниками и учебными пособиями. Для оснащения классов и кабинетов было выделено самое современное производственное оборудование.

Программа обучения построена так, чтобы каждому молодому рабочему не только привить профессионально-технические навыки, но и дать ему основы общего образования и тем самым открыть перед ним перспективы всестороннего интеллектуального развития. Большое внимание уделено массово-политической работе среди учащихся, чтобы воспитать молодых рабочих сознательными гражданами социалистического общества, патриотами советской Родины, строителями коммунизма.

За десять лет в системе государственных трудовых резервов было подготовлено несколько миллионов квалифицированных рабочих для промышленности и транспорта.

В годы послевоенной пятилетки ремесленные и железнодорожные училища и школы ФЗО полностью удовлетворяли нужды народного хозяйства в рабочей силе и в первую очередь нужды ведущих отраслей промышленности: угольной, горнорудной, металлургической, а также железнодорожного транспорта, строительства. На многих крупных предприятиях вчерашние ученики-ремесленники составляют сейчас более половины всех рабочих, а кое-где даже 80—90 процентов.

Среди молодых рабочих, получивших образование в ремесленных училищах и школах ФЗО, немало стахановцев, инициаторов новых высокопроизводительных методов труда. Воспитанник горнопромышленной школы, машинист врубовой машины Константин Пантус на шахте № 1—2 «Новая Голубовка» в Донбассе за два года самостоятельной работы выполнил свое пятилетнее задание. Пантусу присвоено почетное звание «Мастер угля». Окончившая школу ФЗО комсомолка Татьяна Василенко, бригадир штукатуров в тресте «Запорожстрой», за отличную работу награждена орденом Трудового Красного Знамени. Воспитанник барабинского железнодорожного училища Владимир Голенков — знатный машинист Омской дороги. Он награжден орденом Ленина, избран депутатом Верховного Совета РСФСР.

Имена питомцев ремесленных училищ мы встретим и среди лауреатов Сталинской премии: токаря Воткинского машиностроительного завода Романа Денисова; старшего горнового Серовского металлургического завода Геннадия Фукалова; работницы Уральского автозавода имени Сталина, инициатора массового движения за социалистическую сохранность оборудования Нины Назаровой. Можно назвать также московского металлурга Виталия Михайлова, бакинского нефтяника Мирзу Бедирханова и многих других товарищей.

В годы блокады из Ленинграда был эвакуирован на Урал подросток Ваня Проничкин. Окончив школу ФЗО, он начал работать проходчиком на одном из бокситовых рудников. Через несколько лет за создание скоростных методов проходки стахановцу И. Н. Проничкину была присуждена Сталинская премия. Ныне Иван Николаевич успешно заканчивает курс в Свердловском горном техникуме, готовясь стать командиром производства.

За минувшие десять лет накоплен немалый опыт профессиональной технической подготовки молодых рабочих, установлены полностью оправдавшие себя методы обучения и воспитания. Непрестанно растут кадры мастеров-педагогов. Выпущено 250 названий специальных учебников. Училища получают новое учебное оборудование. Только в 1949 году было вновь организовано более 3700 учебных мастерских и участков, 600 новых кабинетов, изготовлено для школ и училищ 117 тысяч комплектов современного инструмента.

Курс обучения во всех училищах и школах ФЗО строится так, чтобы с первых же дней прививать молодежи передовые трудовые приемы.

Освоению новой техники способствует широкая техническая пропаганда. В училищах работают многочисленные кружки, проводятся конференции учащихся-рационализаторов. Многие предприятия шефствуют над училищами и школами ФЗО, Лекции и консультации для учащихся проводят профессора и преподаватели Ленинградского университета и Политехнического института, члены Азербайджанского научного инженерно-технического общества нефтяников в Баку и т. д.

При подготовке советских трудовых резервов претворяется в жизнь мысль Владимира Ильича Ленина, что «...ни обучение и образование без производительного труда, ни производительный труд без параллельного обучения и образования не могли бы быть поставлены на ту высоту, которая требуется современным уровнем техники и состоянием научного знания».

В самой системе подготовки молодых рабочих, созданной по мысли великого Сталина, заложены основы преодоления противоположности между физическим и умственным трудом, основы всестороннего развития способностей советского человека.

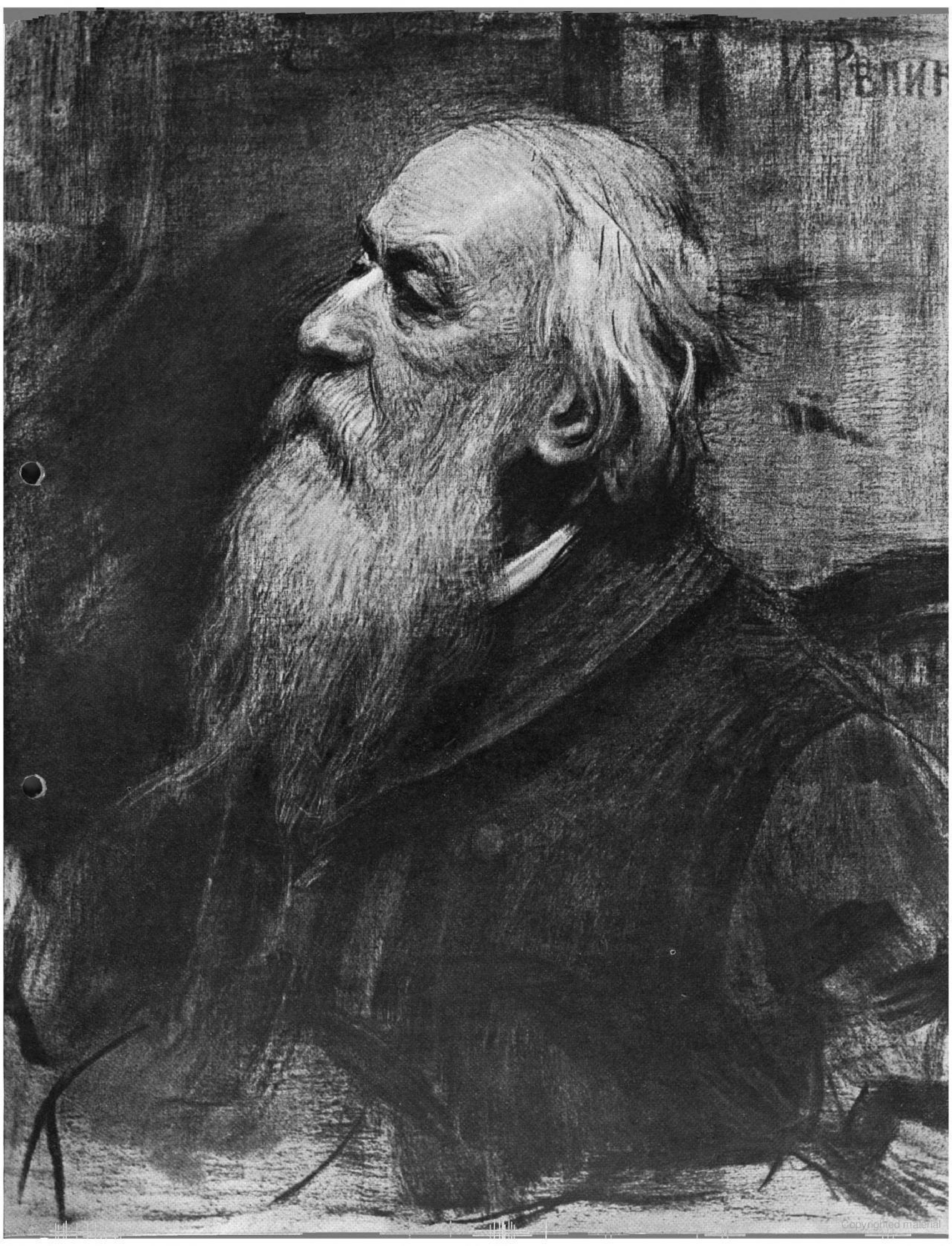
Дальнейший рост нашего народного хозяйства, прогресс техники предъявляют с каждым годом все более повышенные требования к качеству подготовки молодых рабочих. Растет сеть школ ФЗО и ремесленных училищ, создаются учебные заведения, в которых готовятся рабочие новых, ранее не существовавших квалификаций. Машинисты угольных комбайнов, экскаваторов, монтажники и регулировщики радиоаппаратуры, слесари-сборщики по точному приборостроению, плазовые разметчики и судопроверщики для верфей, шкиперы для речного флота, специалисты по художественной печати... Уже один этот перечень профессий дает представление о разнообразии огромных запросов промышленности и транспорта СССР, о широких возможностях, которые открыты перед каждым советским подростком, желающим приобрести производственную квалификацию.

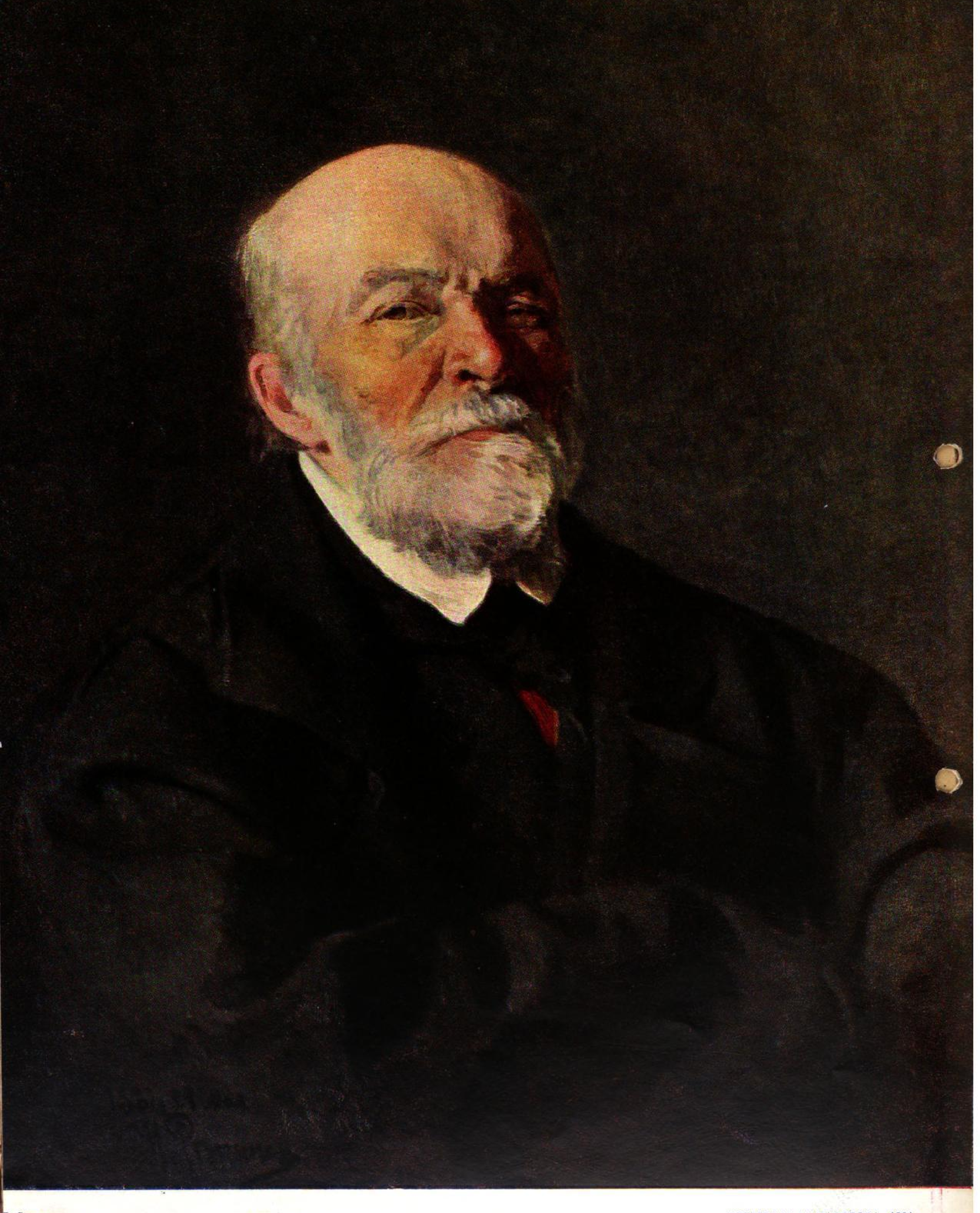
Недавно в Москве гостила делегация антифашистской молодежи Финляндии. Знакомясь с жизнью и бытом советских людей, гости посетили в числе прочих мест одно из ремесленных училищ, а затем Министерство трудовых резервов. В дружеской беседе молодые финны выражали самое искреннее восхищение всем, что они увидели.

— В Финляндии юноши и девушки, начинающие трудовую жизнь, не могут и мечтать ни о чем подобном. Подумать только: государство дает молодому рабочему все — образование, воспитание, бесплатно кормит и одевает его! Это возможно только в стране, где власть принадлежит народу,— говорили финские гости.

Воспитанники ремесленных училищ и школ ФЗО окружены отеческой заботой партии и правительства. В распоряжение молодежи предоставлены многочисленные стадионы, клубы, библиотеки. В свободное от учебы время юноши и девушки заполняют свой досуг художественной самодеятельностью, занятиями физкультурой. На традиционных соревнованиях и смотрах каждый год выявляются талантливые музыканты, танцоры, певцы, выдающиеся спортсмены.

Десятилетний юбилей государственных трудовых резервов почти совпадает с окончанием первой послевоенной пятилетки. Перед советским народом встают новые величественные задачи дальнейшего укрепления мощи любимой Родины. Деятельное участие в решении этих задач призваны принять те, кто сейчас впервые с волнением подходит к станкам, те юноши и девушки, которые в стенах ремесленных училищ и школ ФЗО ныне делают первые шаги по пути к трудовой жизни.

И.Репин

Е. Репин. ПОРТРЕТ Н. И. ПИРОГОВА. 1881 г.

Государственная Третьяковская галерея.

ДРУЗЬЯ-ТОВАРИЩИ

Арк. ЭРИВАНСКИЙ

1

Ламповщица уже дважды выглядывала из своего окошка. Даже выходила за дверь и смотрела по сторонам. Но ничего утешительного не увидела. Все лампочки подземных рабочих ночной смены на месте: каждая висит под своим номером, и лишь двух нет как нет.

На строительстве шахты по лампе определяют, где человек: если она не сдана, значит, ее хозяин не поднялся вместе со всеми. Человек остался под землей!

Ламповщица должна тут же письменно донести о случившемся начальнику горного цеха. А карандаш в дрожащей руке оказывается неожиданно хрупким. В душе ламповщицы соседствуют два чувства: тревога и надежда, что все обойдется. Не бывало на строительстве несчастных случаев, но вдруг...

Начальник горного цеха с одного взгляда прочитывает: «Довожу до вашего сведения, что с ночной смены не сданы в ламповую лампы № 88 и № 748. Прошу принять меры».

— Это кто же? — спрашивает он. — Один — Федор Лебедь, я знаю, а второй?

— Шарков Михаил.

— Молодой? В том году из школы выпущенный?

— Ну да.

Федор Петрович Лебедь — бывалый горняк, этот не спасует. Руководит он сквозной бригадой и вполне мог задержаться, скажем, для инструктажа. Хотя в утреннюю смену в забой спустились надежные люди — звено Денисевича, — а все-таки мог и Лебедь остаться. Мало ли что, ведь скоростную проходку ведут! А вот Шарков... это странно.

Строгая инструкция обязывает начальника горного цеха принять экстренные и настойчивые меры к розыску. Прежде всего надо спросить сменного техника: он поднимается из шахты последним и должен знать, что случилось с проходчиками...

2

Взрывы, приглушенные низкой кровлей, следуют через каждую секунду: запальщик — умелый человек. Проходчики пережидают, устроившись в темной нише вентиляционного штрека, по которому струится нагнетаемый с поверхности свежий воздух. Это совсем близко от забоя. А взрывы напоминают далекие орудийные выстрелы. И вслед за рокочущей вспышкой воздух толкается о людей, будто рядом хлопают дверью, и язычки пламени в лампах испуганно вздрагивают.

Запальщик, а за ним по хорошей привычке и все остальные считают вслух:

— Третий!.. Четвертый!.. Пятый!..

Откатчики с главного откаточного штрека, машинисты электровозов, дежурные и ремонтные слесари, предупрежденные сменным техником, заранее ушли «на струю свежего воздуха». Им тоже слышно, как аммонит сотрясает выработку и рушит глыбы породы. И они тоже считают:

— Шестой!.. Это у Лебедя в забое рвут... седьмой!.. Хотят еще одного цикла за смену достичь... восьмой!.. Девятый!.. Все!

Но выходить еще нельзя. Надо подождать, пока воздух вынесет облако дыма и газов от взрыва. Вначале темномутное, стремительно отброшенное от забоя, это облако движется затем все медленнее и наконец приноравливается к скорости воздушной струи. Тогда оно плывет, вытягиваясь и светлея, как дым от костра, гонимый ветерком. А по главному откаточному штреку к стволу шахты воздух уже несет лишь разорванные клочья светло-серого тумана, чуть пахнущего серой.

Проверять, можно ли приступить к делу, отправляется вместе с запальщиком и Федор Петрович Лебедь.

Услышав его крик «Давай!», проходчики спешат в проветренный забой, и в несколько минут вырастает свежеоструганная крепежная рама.

Неумолчно трещат молотки: ими Денисевич и Бороденок зачищают штрек, подправляя могучую, но неточную работу взрывчатки. Быстро мелькают лопаты Федора и Алексея Фокиных: брат брату не уступает, и воздух все время заполнен кусками породы, летящей на перегружатель.

Любо глядеть старому шахтеру, как работают эти парни. Держаться вместе — навык, воспитанный в них еще горнопромышленной школой. А закалена привычка в полутемном, сыром забое. Здесь по-настоящему иначе и нельзя трудиться, как только очень дружно, чтоб все звено было, словно один дюжий, ловкий и умудренный человек.

Но что это? Федор Петрович видит не четырех, а пятерых проходчиков. Боком, чтоб не помешать, пробирается он по узкому штреку к забою и возле каждого приподнимает свою лампу. Вот свет ее озаряет широкое, по-детски припухлое лицо с карими живыми глазами.

— А ты чего здесь?

— Так вы остались? — говорит Шарков. — И я хотел помочь друзьям-товарищам.

— Это ж не твое звено, парень.

— Мало что! А бригада одна, молодежно-комсомольская.

— Ну ладно тебе агитацию разводить! — добродушно перебивает старый шахтер. — Давай быстрей на-гора, там, небось, целый переполох, с фонарями тебя ищут.

Проходчики уже зачистили левую сторону забоя. Денисевич отложил молоток и взялся за бур. Бороденок передвинулся вправо. Лебедь сказал сам себе: «Правильно»,— повернулся и пошел, без промаха ступая по шпалам узкоколейки. Теперь он был спокоен: ребята поняли как сподручней расправиться с этим проклятым клином породы — клином, тормозящим всю скоростную проходку.

Не выпуская из рук молотка, Бороденок все чаще оглядывается назад, в глубь выработки, где висят друг за другом три отвеса, укрепленные маркшейдером и считающиеся неприкосновенными. Он проверяет, нет ли отклонений от заданного направления: главный откаточный штрек будущей шахты должен быть идеально ровным и точным.

3

Бороденок давно пообедал, прибрал со стола и, надев выходной бостоновый костюм, старательно и долго расправлял галстук. А теперь пишет письмо в деревню. В процессе сочинения он безжалостно треплет свой роскошный чуб.

Шарков, отдыхавший после ночной смены, уже проснулся. Но вставать ему неохота. Он валяется в постели и донимает приятеля:

— Нет, ты скажи, как же ваше звено дошло до такой жизни? А если Федор Петрович и я завтра не останемся с вами? Тогда как? Нет, ты скажи? Заплачете?

Михаил Шарков, Виктор Денисевич и Дмитрий Бороденок учились в одной группе и жили в одной комнате. Они и после школы обосновались вместе, пока Денисевич не переехал в другой дом — для семейных. Холостяки остались вдвоем и по школьной привычке продолжают жить общим коштом и имеют общий кошелек. Бороденок и Шарков в одной бригаде, но в разных звеньях, а следовательно, в разных сменах, как заведено у проходчиков. И, возвращаясь с работы домой, каждый находит в духовке заботливо и по вкусу приготовленный обед.

Зудение Шаркова мешает. Чтоб собраться с мыслями, Бороденок перечитывает написанное:

«Здравствуйте, дорогая мамаша и сестренка Женя!

Кланяется вам мой дружок Миша Шарков. Работаем мы все еще на скоростной проходке. Про нас и в газете написали, которую прилагаю, чтоб вам почитать. И дяде Сене покажите. Наше звено обогнало мишино, так он сердится и жужжит над ухом, мешает писать вам.

Брось ты беспокоиться. Работа наша хорошая и живая, кругом машины. Не веришь — приезжай, сама после уборочной, посмот-

Виктор Денисевич и его товарищи перед спуском в шахту.

Фото В. Кузьмина

ришь. В шахтах нашего Мосбасса теперь горят особые белые трубки, и свет от них совсем, как в поле. На строительстве пока таких ламп нет. А есть на шахте 33. Я вам про нее писал. Это та, что мы первую строили.

За книжку Женя пусть не сердится. В прошлое воскресенье ездили мы в Сталиногорск, и я искал ей эту книжку. А купил, между прочим, вам два шерстяных платка. Платки одинаковые, мягкие и будут вам на зиму. Скоро вышлю посылку. Вот только подберу сапоги хромовые для Жени. А насчет книги пусть лучше напишет в Москву в «Книгу — почтой». Так будет вернее.

Интересно, слышали вы в колхозе, как в День шахтера про нас по радио передавали? Это было не насчет работы, а насчет того, что мы всем звеном написали, что хотим, чтоб нам исполнили марш «Мы резервы трудовые, мы ребята боевые». Перед маршем по радио сказали, что исполняют по просьбе молодых горнопроходчиков Виктора Денисевича, Дмитрия Бороденка, Алексея Фокина и Федора Фокина. Миша обиделся, что мы его фамилию не вписали. А он был на работе, когда мы писали в Радиокомитет...»

Шарков, убедившись, что приятеля не разговорить, быстро одевается и, порывшись на книжной полке, уходит: надо поспешить, а то библиотека закроется.

Бороденок часто, чаще, чем другие ребята, пишет домой обстоятельные письма, но сегодня ему не везет: не успевает захлопнуться дверь за Шарковым, как в соседней комнате раздаются звуки баяна. Музыка Бороденку не помеха, но не такая, как эта. За стеной медленно и нудно растягивают и складывают баян. Меха в неопытных руках то низко протяжно гудят, то вдруг «подпускают петуха». Это упражняется Федор Фокин. Он поспорил с товарищами, что за месяц одолеет баян, и теперь «выигрывает» пари.

Отчаявшийся Бороденок кладет неоконченное письмо в коробочку с конвертами и направляется к соседям. В сторону вошедшего никто не оборачивается: Федор с закрытыми глазами склонился ухом к своему баяну, а Алексей зажал уши обеими руками и уткнулся в книгу. Бороденок роняет стул. Оба брата вздрагивают.

— Я, кажется, вам помешал,— говорит он преувеличенно вежливо.— Простите, я только хотел рассказать, что я сейчас прочитал.

— Что за книга? — интересуется чернявый и коренастый Алексей. Он любит так же читать, как Бороденок — писать письма.

— Это не в книге, а в газете. Там сооб-

щается, что в Москве разработан проект нового дома.

— Высотного? — спрашивает Федор и перестает терзать баян.

— Да нет. Дом небольшой — шестиэтажный, со звуконепроницаемыми стенами, специально для музыкантов. Там будут жить баянисты, барабанщики и...

— Напрасно хлопочешь,— перебивает Федор. — Я туда не поеду. Мне и здесь хорошо.

В доказательство он снова растягивает баян, но тут же умолкает. В комнату входит Денисевич.

— Мить, а где Миша? — спрашивает он у Бороденка.

— Ушел. Может, в библиотеку. Не знаю.

— Сейчас на комитете комсомола мы обсуждали вопросы дисциплины. Ребята говорили о поступке Шаркова. Из-за него на строительстве паника поднялась. Думали, что-нибудь случилось с ним.

— Странно,— говорит Федор Фокин, снимая с плеча баян. — Человек хорошее хотел сделать, а его уже прорабатывают.

— Еще только будем! Администрация никаких мер к нему не примет. А мы на комсомольском собрании о дисциплине с ним поговорим.

— А я категорически не согласен,— заявляет Алексей Фокин и встает, будто собрание уже началось. — Надо всегда разбираться, из каких побуждений человек так сделал. Шарков хотел помочь. И не нам, а бригаде в целом, человек болел за дело. А если так...

— Тут, я вижу, регламент надо устанавливать для выступающих,— улыбается Денисевич.

— Я могу уложиться в одну минуту,— вставляет слово Дмитрий Бороденок. — И скажу, что для Миши очень не лишним это будет. Для его же пользы. У него с дисциплинкой всегда слабовато было. И в школе тоже. На уроках разговаривал. А помните, как он в женское платье переодевался?

— Зато всем было весело,— перебивает Алексей Фокин.

— Ты, Митя, тоже хорош был,— поддерживает брата Федор. — На уроках горного дела напропалую подсказывал.

— И тебе тоже.

— И мне. Разве я отрицаю? Но первое время все мы не очень золотыми были.

Ребята увлекаются воспоминаниями. Перебирают в памяти не только смешные и лихие истории. Теплым словом поминают они воспитателя Шатыркина, который первый объяснил, что подсказка на уроке — плохая услуга, а вовсе не взаимная выручка, как думалось ребятам. С благодарностью говорят о мастерах, прививших им профессиональные навыки и любовь к своему ремеслу.

Да, из горно-промышленной школы они вышли знающими и умелыми шахтостроителями. Нет такого дела под землей, которое не было бы им сподручно. Уголек рубать? Пожалуйста. Штрек крепить? Сейчас. Пути настилать? И это можно. Бурить? С удовольствием! Бетонировать рудничный двор? Давайте только бетон!

А еще учили их быть смелыми и стойкими, идти трудностям наперекор.

Как же не вспоминать добрым словом такую школу!

4

Ранним утром прошел дождь, не по-осеннему короткий. Он словно подлил масла в темнокоричневый тлеющий отвал породы. Терриконник закурился сильней и, как сопка, окутался голубоватой вялой дымкой. Поднимаясь выше острой макушки, дымка выцветает и блекнет на фоне яркосинего, тоже не по времени радостного неба. Кажется, терриконник не дымит, а просто парит, как и все вокруг на строительной площадке: светлеющие под лучами теплого солнца штабели досок, кучи земли, клетки быстро высыхающих кирпичей.

Круглые сутки беспокойно и шумно на стройке. Гремят бетономешалки, с натугой переваривая свой рацион из бута, песка и цемента. Сигналят, словно на пожаре, шоферы грузовиков, убежденные, что каждый только и думает, как бы стать им поперек дороги. Вспышками потрескивают сварочные аппараты, Лишь каменщики, кладущие второй этаж здания,— выше земной суеты. Невозмутимо пристукивают они кирпичи рукоятками своих инструментов. Но и эта смиренная кротость до поры до времени: пусть попробуют только не подать им во-время раствор!..

К восьми часам утра на строительстве шахты становится особенно шумно: приезжает новая смена. Появляются люди в резиновых костюмах.

Из нарядной ребята тесной группой идут за Виктором Денисевичем, который в мешковатой, стоящей коробом спецовке уже не худощав и строен, а толст и неуклюж.

Навстречу им широко, вперевалочку шагает Михаил Шарков в мокрой, наброшенной на плечи тужурке и таких же резиновых штанах, хлопающих о сапоги.

— Ну и работнички! — восклицает Шарков, и его изломанные брови поднимаются еще выше над блестящими и удивленными глазами.— Добрые люди потрудились вволю и спать идут, а они только глаза продрали.

— Ребята, дорогу Шаркову! — немедленно откликается Бороденок. — Добрый человек к кастрюле спешит. Шутка ли, всю ночь не ел!

— Будет вам! — спокойно и веско говорит Денисевич, и его голубые глаза становятся серьезными. — Как дела в забое, Михаил?

— Как и вчера. Без калош лучше и не лезьте, простудитесь. А прошли мы, стыдно сказать, только сто сорок сантиметров.

— А мы не меньше ста пятидесяти пройдем.

— Ладно, скажу бригадиру, что вы такое обязательство взяли... Да, наработались мы здорово! Как черти,— поясняет Шарков. Он зевает широко, сладко и потягивается так, что трещат не то косточки, не то рукава рубахи.

Мокрая клеть выскакивает из ствола и, подпрыгнув, останавливается. Откатчики стаскивают вагонетку с породой на рельсы, и железо отрывисто лязгает о железо. На освободившееся место мягко шагают молодые проходчики в резиновых сапогах. Раздается четыре резких звонка — предупреждение машинисту: люди едут! И клеть проваливается в мрак и промозглую сырость.

С неприятной назойливостью бьются о железный зонт клети водяные потоки, стекая стремительными струями на дно ствола, как на дно огромного колодца.

Строящиеся подземные галереи заполнены шумом и гулом: это работают перегружатели, транспортеры, лебедки, а главное — мощные насосы. Их гофрированные толстые шланги, склоненные то тут, то там, очень напоминают слоновьи хоботы. Молча и сосредоточенно высасывают они своими ноздреватыми «храпками» миллионы литров холодной подлоченной воды. Много, очень много придется поработать насосам, чтобы высушить двенадцать километров штреков и сделать их удобными для шахтерского труда.

Ребята бредут к своему штреку по воде, и она у их ног, в скользящих светлых кругах от качающихся огоньков — грязнокоричневая, а дальше — густочерная.

Глубь земли сулит такие же неожиданности, как и открытое море. Человека под землей подстерегает не меньше испытаний, чем моряка, над которым в тяжелый момент — пусть и грозный, но широкий небосвод. Над горняком — всегда низкий и всегда неверный свод породы.

Заступая на вахту, моряк оглядывает горизонт. Спускаясь в забой, проходчик выстукивает кровлю. И если она звенит, — веселей откликается сердце. Но вчера звук шел глухой, и Денисевич сказал товарищам:

— Смотрите, не зарываться вперед. Крепить, как положено.

Через час, а может быть, через два (под землей трудно уследить за временем) молоток Алексея Фокина, срубавшего верх угольного пласта, ткнулся в мягкое и замолк. Проходчик рванул молоток к себе и крикнул:

— Песок!

Тут же хлынула вода струей тугой и резкой, как из брандспойта. Всей толщей своей она давила в это маленькое отверстие, стремясь вырваться из плена, в котором томилась, может быть, миллион лет.

Маркшейдер прокладывает направление штрека, как штурман — курс корабля. Команда судна вольна обойти штормовой район. Горняки обязаны вести штрек главного направления прямо вперед, несмотря ни на что.

И бригада стала пробиваться на главном направлении горячо и самоотверженно. Работали круглые сутки: в три смены. Холодный поток рушился на них, заливал с ног до головы. Отправляясь в забой, ребята надевали по два резиновых костюма. Это не спасало, но они продирались вперед, вбивая перед собой под сыпучую, мокрую кровлю толстые доски — посад. Шли трудно. Скорость проходки измеряется метрами, а теперь ее считали на сантиметры.

— Сто пятьдесят семь сантиметров дали! Не стыдно и два обеда съесть. Придется Шаркову раскошелиться, — шутил Бороденок.

Так они трудились не день и не два, а пять долгих и трудных месяцев и только жалели, что нельзя в шахте покурить: иной раз так хотелось сделать хоть одну глубокую затяжку.

Угольный пласт с каждым днем снижался, и вода стремилась по нему, как по каменному руслу. Еще недавно хлестала она по головам проходчиков, а теперь стала бить прямо в лицо. И еще хуже воды был песок, который потоки несли с собой и размывали по штреку.

В напряжении этих месяцев трудовая дружба бригады проходчиков была, как товарищеская спайка моряков в бурю, когда все, словно один человек, грудью встают против бушующей стихии. А стихия не унималась. Работать становилось все труднее в штреке, который должен был «сбиться» со штреком соседней шахты. Наконец это случилось: две галереи сошлись ровно сантиметр в сантиметр — проходчики нарезали штрек точно по курсу, проложенному маркшейдером. И когда в этот штрек придут шахтеры, тут будет светло и сухо.

Во всяком новом деле кто-то должен быть пионером и принять на себя первые трудности, напасти и неприятности, чтобы очистить и подготовить путь для других. На войне это саперы, а под землей — горнопроходчики, любящие романтику своей трудной профессии, умеющие преодолевать любые препятствия.

Выйди в поле

М. ИСАКОВСКИЙ

Выйди в поле утренней порою,—
Небо сине, дали широки.
Самолет всплывает над землею,
По земле спешат грузовики.

Зреет жито на колхозных нивах,
Свежим сеном пахнет на лугу.
Дед-пастух коров неторопливых
У реки пасет на берегу.

На листве еще дрожат росинки,
Птичий гам несется из кустов.
И в венке из полевых цветов
Девушка проходит по тропинке,

Складная и легкая такая,
Как виденье юности самой...
Это все страна моя родная,
Мирный край благословенный мой,—

Мирный день советского народа,
Озаренный солнцем золотым..
И его мы от любого сброда,
От любого лиха оградим!

СРАЖЕНИЕ НА ПЕРЕВАЛЕ

Сергей БОРЗЕНКО

Артиллерийский расчет одной из частей Народной армии выводит орудие на новую позицию.

Нам предстояло проехать через Мункейский перевал. Знающие люди предупредили: «Днем на перевале не оставайтесь». Машину там спрятать негде, а американские самолеты кружат там, словно воронья стая.

Подъезжая к перевалу, мы услыхали ружейную и автоматную перестрелку, разгоравшуюся впереди. Звуки стрельбы приближались, и вскоре за одним из поворотов дороги мы увидели роту солдат Народной армии, залегших в канаве и ведущих огонь по противоположной стороне ущелья, разделенного быстрой горной рекой. Нас остановили и сказали, что ехать дальше нельзя, так как банда лисынмановцев и американцев, застрявшая в тылу, обстреливает дорогу.

Было два часа ночи, светало в пять. Впереди перевал и еще километров полтораста пути. Ждать, пока ликвидируют банду, значило потерять сутки времени. Мы решили на полном ходу проскочить вперед.

В одном месте машину обстреляли почти в упор, и автоматчики, сопровождавшие нас, должны были открыть ответную стрельбу. Через несколько минут мы были вне досягаемости огня и вскоре начали подъем. Я жил на Кавказе, побывал на Карпатах и в Трансильванских Альпах, славящихся своими голыми отвесными скалами, но перевала, подобного по крутизне Мункейскому, не видал нигде.

Светила яркая луна, холодные лучи ее освещали ничем не огражденную дорогу, словно ввинчивающуюся в светлое небо и как бы продолжавшуюся дальше — по Млечному Пути — на юг. Слева, будто крепостные стены, громоздились дикие скалы; справа зияли черные бездонные ущелья, в которых глухо шумели водопады. Взглянешь вниз — кружится голова.

Это была идеальная природная крепость. Казалось, один батальон, вооруженный пулеметами, мог задержать здесь целую армию. Я подумал о генерале Народной армии, решившемся на штурм этих острых гребней. Где он воевал раньше, где учился, сколько лет ему? Надо иметь много мужества, предприимчивости и находчивости, чтобы броситься на эти неприступные высоты...

Узкой, не шире пяти метров, дороге, казалось, не будет конца. Чем выше мы поднимались, тем холоднее становился воздух и скудней растительность. В начале подъема дорога прорезала рощи каштанов, потом пошли лиственницы, затем их сменили высокие кедры, но и они вскоре исчезли, только худосочные карликовые японские сосны продолжали цепляться за камни. Но вот и они пропали, и началось нагромождение совершенно обнаженного сурового камня.

Наметанный глаз улавливал на дороге расположенные в шахматном порядке квадратики — следы от вынутых мин. То и дело попадались простреленные навылет, побуревшие от огня американские танки «Шерман» и «Генерал Грант». Мертвые танки интервентов приходилось объезжать, рискуя свалиться вниз. Следы грандиозного сражения виднелись на каждом повороте дороги. То нам загораживал путь перевернутый вверх гусеницами транспортер, то ствол противотанковой пушки, вдавленной в камень; иногда ярко вспыхивала под лунным светом куча расстрелянных артиллерийских гильз. Мелькали густые сети колючей проволоки, штабеля боеприпасов, могилы с воткнутыми в них наспех выструганными крестами, исписанными американскими именами.

В одном месте, на повороте, где дорога несколько расширялась, я увидел грузовую машину, с верхом скрывшуюся в воронке, еще попахивающей сладковатым запахом тола. Видимо, сюда раньше ухнула тяжелая бомба, а затем утомившийся шофер, должно быть, на мгновение ослабил внимание и с хода влетел в воронку, которую еще не успела засыпать бригада добровольцев-крестьян, дежурящая на перевале. С трудом мы объехали обреченный грузовик. Если он не будет вытащен за ночь другими машинами, его сожгут самолеты, меченые американской белой звездой.

Метрах в четырехстах от вершины пришлось задержаться — к счастью, не больше чем на четверть часа. Тяжелая фугаска обвалила здесь скалу и загромоздила глыбами дорогу. Мы подъехали, когда крестьяне торопливо заканчивали ее очистку, сбрасывая в гудящую пропасть камни. Американское командование прилагает все усилия, чтобы закрыть перевал для движения, но это не удается. Не помогают ни самолеты, ни парашютисты, сбрасываемые на близлежащие горы. Перевал живет напряженной жизнью, и, пожалуй, за все время его существования через него не проехало столько народа, как за месяцы войны.

Утром я был в прохладной палатке начальника штаба фронта генерал-лейтенанта Кан Гена. Я рассказал молодому генералу о наших злоключениях в пути и высказал свое восхищение мужеством и отвагой войск, сумевших с боем преодолеть перевал.

Бесстрастное лицо генерала оживилось. К желтым скуластым щекам его прилил румянец, черные глаза радостно заблестели.

Кан Ген подсел ближе и медленно, как бы взвешивая каждое слово, рассказал, как войска Народной армии овладели Мункейским перевалом. И по тому, с каким увлечением говорил генерал, было понятно, что операция проводилась по его плану, что это он был автором и душой сражения, развернувшегося в горах.

— Американские инженеры успели подготовить на перевале оборону. Об этом свидетельствовали траншеи, окопы полного профиля, дзоты, колючая проволока и гаубичные площадки,— говорил Кан Ген, разворачивая аккуратно сложенную, потертую на изгибах карту, испещренную красными и синими стрелками.

Но мы уже располагали точными данными об обороне хребтов и перевалов. Эти ценные сведения доставляли нам крестьяне с юга...

Кан Ген помолчал с минуту и продолжал:

— На Мункейском перевале американское командование рассчитывало остановить наступление Народной армии. Местность благоприятствовала обороне и никуда не годилась для наступления. Оценив военную обстановку, мы решили, что исход атаки в нашу пользу решают быстрота перехода и стремительность нападения. Американские солдаты были подавлены отступлением, у большинства пленных были в кровь растерты ноги. Их интенданты сожгли склады с продовольствием, и армия несколько суток отходила без продуктов, грабя население. Морально-боевой дух наших войск был на высоте. Солдат Народной армии могла остановить только смерть.

Наши летчики докладывали, что американцы взрывают и жгут свои склады, расположенные до перевала; за перевалом же не видно ни одного пожара, только заметно движение вражеских войск, спешащих на север на выручку отступающим. Было ясно, что хребет с единственной дорогой через перевал американцы решили использовать для жестокой обороны.

Мы не стали подтягивать свои развернувшиеся войска и собирать их в кулак. Я мечтал еще до перевала опрокинуть подразделения, прикрывающие отход главных сил противника, выйти на путь его отступления и, оседлав перевал, окружить вражеские силы.

После тридцатичасового непрерывного марша с боями мы подошли к перевалу. На солдат было страшно смотреть, многие из них последние километры двигались с закрытыми глазами, не слыша даже выстрелов. Полагался отдых, но я отдал приказ идти в атаку. Мы уже успели изучить противника, знали его силу и слабость. Американцы не могли выдержать такого напряжения, какое выдерживали мы.

Наши солдаты брали американцев в плен на дорогах целыми взводами: они спали в кюветах. Поэтому мы и решили не давать врагу покоя и наступать непрерывно. Я смотрел снизу на горы, и у меня кружилась голова от их крутизны. Только один раз в жизни можно отважиться на штурм подобных твердынь.

Я знал, что взятие высот достигается не фронтальной атакой, а сочетанием ее с обходом и охватом. Атака с фронта должна проводиться меньшими силами и лишь отвлекать внимание, сковать обороняющегося, большую же часть наших солдат и техники следовало направить в обход перевала, для атаки противника с фланга и тыла.

Это первостепенное положение горной войны, видимо, знал и неприятель. Я тогда пренебрег этим положением и атаковал главными силами в лоб. Бросил вперед на дорогу танки, они с хода разметали колючую проволоку и раздавили несколько пушек.

В разгар боя мне доложили о приходе крестьян, спустившихся с гор и пожелавших видеть старшего начальника. Я пошел к ним. Передо мной были старик и три его сына — все четверо похожи друг на друга. Они предложили свои услуги в качестве проводников и обещали провести стрелков по горным тропинкам в город Мункей, расположенный по ту сторону перевала. На мгновение у меня зародилось подозрение, но я поборол его. Вряд ли простые люди согласились бы на провокацию, чтобы заманить в западню своих братьев.

— Можете ли вы провести наших солдат на вершину Хохондзи? — спросил я.

Не раздумывая, они ответили, что могут.

Голая, будто обглоданная, вершина Хохондзи господствовала над перевалом. Захват командующей высоты позволял наступающему выйти во фланг и тыл обороняющегося. Было выделено два стрелковых батальона автоматчиков, им придали по пулеметному взводу, и они, усталые, но полные решимости, ушли за крестьянами в двух направлениях.

Оборона в горах прерывчата, с промежутками, через них можно просачиваться в тыл врага, но надо знать, где находятся эти промежутки. Проводники знали.

Генерал Кан Ген прервал свой рассказ и показал на карте крохотную точку, обозначавшую гору Хохондзи.

— За ночь мы продвинулись вверх, в направлении перевала, метров на триста. Но что это были за метры! — продолжал генерал. — Каждый шаг давался дорогой ценой. Американцы взорвали несколько скал и завалили дорогу. Пришло еще несколько проводников с предложением провести войска в тыл американцев. Мы попросили их собрать крестьян и помочь расчистить обва-

В гостях у О. Б. Лепешинской

О. Б. Лепешинская.

Фото Ал. Лесс

Лифт поднимает нас на одиннадцатый этаж огромного серого дома на берегу Москвы-реки. Дверь в квартиру отперта — так бывает в семьях в дни больших событий.

Из окон просторной комнаты Ольги Борисовны далеко далеко видна Москва, освещенная лучами заходящего солнца. На столе среди бумаг стоит голубая фарфоровая ваза с букетом роз.

В комнату вошла седая коротко остриженная женщина с живыми, блестящими из-под очков глазами и строгим лицом. Говорит она громким, немного резким голосом. Это доктор биологических наук, профессор О. Б. Лепешинская, чьи многолетние труды получили всенародное признание и высочайшую оценку — Сталинскую премию первой степени. В ее монографии «Происхождение клеток из живого вещества и роль живого вещества в организме» разработаны важнейшие проблемы цитологии — науки о клетках — и полностью разоблачена лженаучная, реакционная теория зарубежных биологов.

— Рассказать вам о себе? Но это ведь долгая история. Мне семьдесят девять лет, и я далеко не с юного возраста кабинетный ученый. Ну, да ладно, что с вами делать. Сегодня уж день такой.

Телефонный звонок прерывает нашу беседу.

— Да, я... Спасибо, спасибо большое. Устала, конечно... Снимали меня на цветную пленку, как какую-нибудь кинозвезду, в разные места возили. Выступление по радио записывали, а вот сейчас корреспонденты мучают, — улыбаясь в мою сторону, говорит она в трубку. — Да, телеграммы идут с утра. Друзей у меня, оказывается, больше, чем я думала. Ну, жду, непременно жду вас.

Ольга Борисовна встает с дивана, зажигает свет и, взглянув на свой стол, где в голубой вазе вспыхнули алые розы, говорит:

— А вы видели вазу, которую мне сегодня в институте подарили? Очень тепло встретили меня.

Строгое лицо старой женщины согревается доброй улыбкой.

— Дружный у нас коллектив, как большая семья, — с общими интересами и единой волей. А как работают! Растут и бесконечно ищут! Ну, что ж рассказать о себе? — говорит Ольга Борисовна, снова усаживаясь на диван. — Родилась я в Перми, в богатой семье Протопоповых...

Страстная, не терпящая несправедливости девочка первое представление о социальном неравенстве получила в родительском доме. Поняв, как наживала богатство ее семья, Ольга Борисовна решила жить самостоятельно. По окончании гимназии девушка хотела поступить на фельдшерские курсы в Петербурге. Ей пришлось за короткий срок сдать экзамены на аттестат зрелости по программе мужской гимназии, и лишь после этого ее приняли на курсы.

...Петербург девяностых годов прошлого столетия. Знакомство с революционными кружками, встречи с людьми, близкими по духу и устремлениям. Со всем пылом отдалась молодая девушка революционной работе. В 1894 году Ольга Борисовна познакомилась с В. И. Лениным. В том же году по поручению товарищей она получила, как фиктивная невеста, свидание в тюрьме с революционером Пантелеймоном Николаевичем Лепешинским, за которого потом вышла замуж. С ним Ольга Борисовна прожила до самой его смерти — сорок девять лет.

Пошли долгие годы революционной деятельности: аресты, ссылки, побеги, скитания из города в город, изгнание... В Женеве Лепешинские организовали партийную столовую для эмигрантов-большевиков. Ольга Борисовна сама стряпала, кормила товарищей, устраивала лекции, митинги, выполняла многие поручения.

Снова на родине. Вновь мечты о высшем образовании, о научной работе. Тридцати девяти лет от роду поступила Ольга Борисовна в женский медицинский институт и в 1915 году получила диплом на звание лекаря с отличием.

Годы становления советской власти опять отодвинули заветное стремление к научной деятельности. Вся кипучая, неистощимая энергия большевика отдается общественной, партийной работе. Наркомпрос, ответственные поручения ЦК ВКП(б), организация школы-коммуны в Белоруссии, создание детского дома в Поволжье во время голода...

С 1920 года Ольга Борисовна, возглавив небольшой коллектив научных работников, получила наконец возможность вести научную работу в Московском университете. В те годы университет был еще цитаделью консервативной, буржуазной профессуры. Со жгучей ненавистью и презрением отнеслись эти «жрецы науки» к большевичке, вздумавшей стать ученым. Но им не удалось сломить волю человека, всю жизнь посвятившего борьбе с реакционерами всех мастей. Воля, неустанный труд, целеустремленность, любовь к науке принесли и здесь победу О. Б. Лепешинской.

Великая Отечественная война временно прервала научную деятельность коллектива, но с марта 1943 года работа его возобновилась. И каждый день приносил новые неопровержимые доказательства правильности пути советского ученого-большевика...

Стук в дверь прерывает нашу уже почти закончившуюся беседу. В комнату входит Ольга Пантелеймоновна Лепешинская — дочь и ближайший помощник Ольги Борисовны, научный сотрудник ее лаборатории, автор ценных исследований. Протягивая матери пачку телеграмм, она говорит тихим голосом:

— Там друзья пришли, хотят поздравить, а тебе отдохнуть бы надо.

— Ничего, ничего, пусть идут все! — оживленно говорит Ольга Борисовна. — Некогда отдыхать!

— Неутомимая у меня мать, — улыбается Ольга Пантелеймоновна. — настойчивая до предела. Когда ей было шестьдесят пять лет, она решила сдать нормы ГТО. И сдала, представьте. Она плыла пятьдесят метров с гранатой в руке! Весь берег был усеян народом, и все волновались, когда увидели, что седая женщина поплыла, держа в вытянутой руке гранату. Усталая, но довольная и веселая вышла она на берег и сдала совершенно сухую гранату.

...Перед нами встала огромная, замечательная жизнь настоящего человека, жизнь кристально чистого большевика, страстного ученого, бойца за коммунистическое завтра. Перед такими людьми старость кажется бессильной, она разбивается об их железную волю.

Ф. ПЕЩАНСКАЯ

лы. Явилось столько людей, что для всех не хватало работы. Многие подбирали трофейное оружие и стреляли в противника. Рассыпавшись во все стороны, они карабкались на скалы, увлекая за собой солдат. У некоторых были веревочные лестницы и канаты, очень нам пригодившиеся.

Крестьяне знали козьи тропки, о которых ни американцы, ни лисынмановцы не догадывались. Одетые в белые полотняные одежды, они зачастую оказывались выше дерущихся частей, неожиданно появлялись с автоматами на гребнях, отрогах и скатах. Одежды их снизу казались белым пламенем, охватившим горы, все выше и выше подбирающимся к вершинам...

Стрельба велась прямой наводкой, из пушек палили в упор, как из пистолетов. Стоило какому-нибудь американскому пулеметчику пустить очередь, как его немедленно накрывали снарядом. Темная ночь и горный рельеф затрудняли американцам наблюдение. В мертвенном свете ракет все приобретало какие-то фантастические размеры: казалось, не люди, а богатыри рвутся вверх, к звездам. Казалось, ничто живое не могло удержаться на этой кипящей от взрывов земле. На ней смогли стоять и идти вперед солдаты справедливой армии...

В полдень пришли крестьянки и в горшках принесли солдатам вареный рис. Женщины не хотели уходить, они занялись перевязкой раненых. Глядя на них и их мужей, я вновь подумал, что американцы воюют не только с нашей армией, а со всем корейским народом.

В сумерки мы сменили передовые части подошедшими резервами и возобновили атаку. А в полночь далеко впереди услышали мы долгожданную стрельбу и увидели три зеленых ракеты, распарывающие небо, — условный сигнал о том, что господствующая высота Хохондзи взята нашим батальоном, ушедшим в тыл. Через два часа второй батальон, успевший к тому времени забраться на хребет, начал атаку на террасы перевала с нескольких направлений.

Заслышав стрельбу у себя в тылу, солдаты противника обратились в бегство. Американская тяжелая артиллерия открыла огонь по лисынмановцам и своим улепетывающим солдатам. Но никакая сила их не могла уже остановить.

Обход опорных пунктов врага, атака с тыла, занятие путей отхода — эти основные виды маневра при наступлении в горах — решили участь Мункейского перевала, — продолжал генерал Кан Ген. — Шестая дивизия противника была полностью уничтожена. В плен попало много американских солдат и офицеров, было взято несколько колонн автомашин, танки и пушки. Фронт американцев был смят. Наши войска спустились вниз и вышли на оперативный простор. Неприступные горы остались позади...

Неожиданно генерал поднялся и вытянулся. На пороге палатки стоял Командующий. Спокойное, одухотворенное лицо его осветилось теплой улыбкой. Видимо, он очень любил Кан Гена.

— Говорит, наверное, о перевале? — спросил Командующий. — Обязательно напишите о нем. Взятие Мункейского перевала — одна из блистательных побед Народной армии над американскими интервентами!

...Через несколько дней в газете «Нодон Синмун» я увидел знакомое лицо в траурной рамке. Газета сообщала о гибели Кан Гена, смелого генерала и солдата, с шестнадцатилетнего возраста сражавшегося против оккупантов в партизанских отрядах Ким Ир Сена.

Генерал погиб в возрасте тридцати двух лет, взорвавшись на мине. Тело его доставлено в Пхеньян и похоронено на горе Моранбон.

Я поехал на Моранбон. Стоя над холмом свежей земли, покрытым знаменами и цветами, я подумал о другом месте, с которым навсегда будет связано имя героя, — о вершине Мункейского перевала, оказавшегося вершиной военной славы Кан Гена.

Пхеньян,
сентябрь 1950 г.

ДЛЯ СТАЛИНСКИХ НОВОСТРОЕК

Конвейер могучих машин

Когда человек, представляющий себе строительство на старый лад, как гигантский людской муравейник, попадет на великие стройки сталинской эпохи близ Куйбышева и Сталинграда, в Туркмении и на Днепре, он будет поражен открывшейся перед ним картиной. С изумлением всматриваясь в панораму гигантского строительства, он, может статься, даже спросит недоуменно:

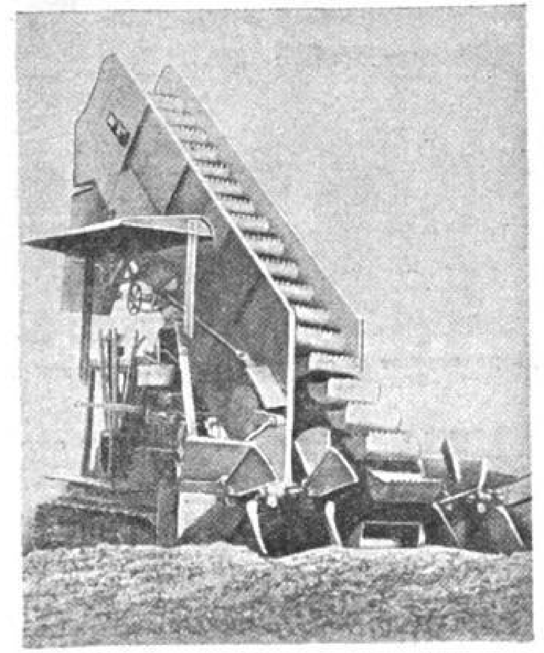
— А где же, собственно, люди, строители?

И ему ответят:

— Как это где? На машинах, у механизмов!

Выдающиеся успехи нашей отечественной техники и высокий уровень развития советского машиностроения обеспечивают полную механизацию всех основных работ на великих сталинских стройках. Начиная с рытья котлованов и кончая укладкой бетона — все здесь будут делать машины, управляемые советскими людьми.

Многие из этих машин, необычайно причудливых по своим очертаниям и подчас беспримерных по своим возможностям, кажутся сошедшими со страниц фантастических романов. Но они уже существуют, испытаны на деле, и машиностроители производят их в серийном порядке.

Многоковшовый погрузчик «Т-61».

В общей сложности на волжских, туркменском и днепровском строительствах будут применяться сотни типов высокосовершенных механизмов разнообразного назначения. Подавляющее большинство из них создано творческим трудом советских ученых и конструкторов в содружестве с рабочими-машиностроителями за годы послевоенной сталинской пятилетки.

Таков, например, новый тип советского грейдера-элеватора. Эта мощная землеройная машина режет грунт и отбрасывает его в сторону на десять метров, выполняя до 400 кубических метров земляных работ в час. Между тем производительность труда землекопа, вооруженного лопатой, составляет в день лишь пять кубических метров легкого грунта, да и то при условии, что отвозить вырытую землю будет кто-нибудь другой. Таким образом, одна эта машина выполняет за час дневную работу 80 землекопов.

В стенах Всесоюзного научно-исследовательского института строительного и дорожного машиностроения, где были разработаны конструкции большинства наших современных строительных механизмов, можно ознакомиться и с десятками других чудесных машин. Созданные в соответствии с указаниями товарища Сталина, волей большевистской партии, они коренным образом меняют характер строительных работ, сводят на нет извечный «черный труд» строителей, обеспечивая вместе с тем исключительно высокие темпы строительства.

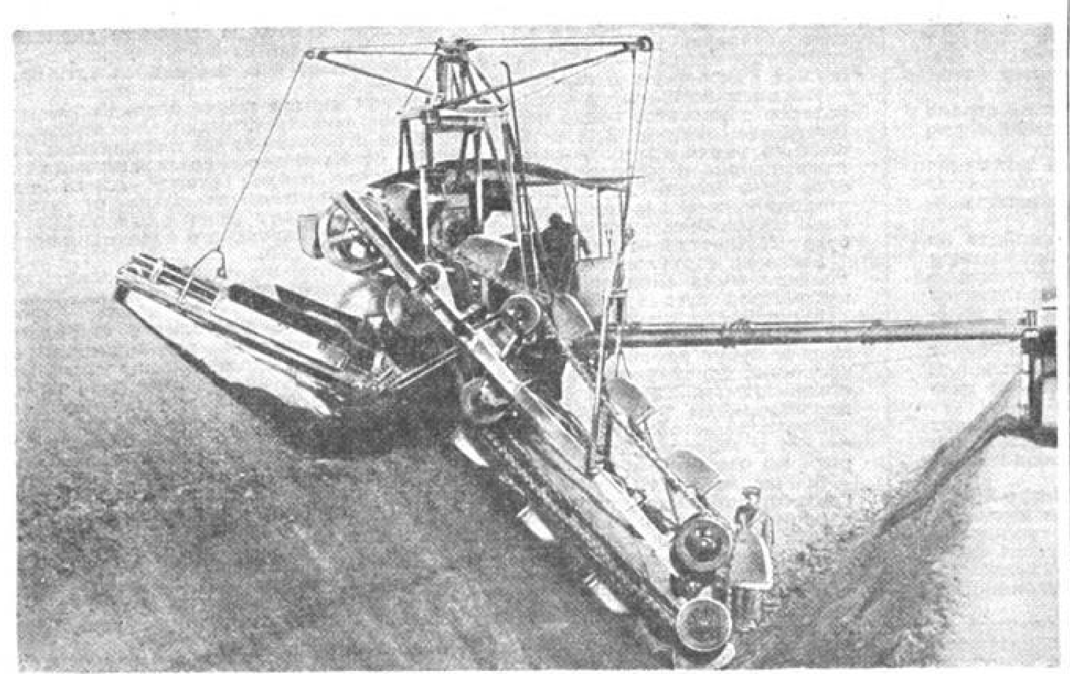
В распоряжении советских строителей целая серия отечественных экскаваторов всевозможных типов, значительно превосходящих по своим качествам зарубежные образцы. У нас есть экскаваторы одноковшовые и многоковшовые, экскаваторы для выравнивания откосов каналов и многие другие. Одноковшовый экскаватор, управляемый одним человеком, заменяет по меньшей мере 50 рабочих.

Среди новейших советских строительных механизмов есть и машины для перемещения грунта, и машины для погрузки грунта в транспорт, и катки различных мощностей для уплотнения высоких насыпей и плотин, и автоматические бетонные заводы, значительно превосходящие все, что достигнуто в этом отношении зарубежной техникой. Не имеют себе подобных и наши современные вакуумные установки, которые отсасывают из бетона влагу и воздух, упрочняют бетон и обеспечивают его схватывание за десять минут, в то время как прежде это отнимало долгие часы, а то и сутки.

Дополняя друг друга, многочисленные и разнообразные машины создадут на великих сталинских стройках почти сплошную цепь механизации, своеобразный строительный конвейер. Сотни и тысячи могучих машин, ведомых опытными рабочими, поднимут огромные пласты земли на берегах Волги и Днепра, в песках Туркмении. Другие машины доставят грунт туда, где это надобно, а третьи, автоматически изготовляя бетон и укладывая его, будут возводить плотины.

В конструкторских залах и лабораториях Всесоюзного научно-исследовательского института строительного и дорожного машиностроения с чертежных листов сквозь колонки цифр технических расчетов уже отчетливо проступают контуры новых, еще более производительных и совершенных машин, которые в ближайшие год — два придут на стройки. Коллектив института неустанно трудится над дальнейшим повышением уровня механизации всех строительных работ. Строители деятельно помогают в этом конструкторам, делясь с ними опытом, предъявляя к ним все возрастающие требования.

В. МАРКОВ

Ирригационный экскаватор «ЭМ-502».

Там, где изготовляют турбины

Сборка зубчатого венца мощного экскаватора в гидротурбинном цехе Ленинградского металлического завода имени Сталина. На переднем плане (слева направо): бригадир Г. Столяров и старший мастер сборки Г. Бугров.

В этом цехе строили турбины для Волхова и Днепра. Совсем недавно отсюда отправили последнюю из многих железнодорожных платформ, на которые были погружены части мощной турбины, устанавливаемой на Щербаковской ГЭС в верховьях Волги.

И здесь же, в гидротурбинном цехе Ленинградского металлического завода имени Сталина, будут построены машины для Куйбышева и Сталинграда. Эскизные проекты этих уникальных турбин уже лежат на столах инженеров конструкторского бюро, что в верхнем этаже цеха...

А внизу гидротурбинщики заняты пока выполнением необычного для них задания: цеху поручена обработка зубчатых венцов для шагающих экскаваторов.

Подобных машин нет еще нигде в мире. Ковш шагающего экскаватора захватывает сразу десятки кубометров земли и отбрасывает их далеко в сторону. Труд тысяч людей заменяет один такой агрегат. Стоит ли говорить, как понадобятся эти машины на строительстве волжских гидростанций и Главного Туркменского канала, где предстоит вынуть миллионы кубометров земли!

Зубчатый венец — важнейшая деталь шагающего экскаватора — представляет собой огромную шестерню, имеющую в диаметре 8 метров. Эта шестерня составляется из четырех сегментов, пригоняемых друг к другу с максимальной точностью.

Собирал гигантское стальное колесо старший мастер Георгий Бугров. Двадцать семь лет трудится этот человек в гидротурбинном цехе. На его глазах зарождалось советское гидростроение. Он помнит турбину, которую можно было поднять руками, и он же участвовал в постройке мощнейших турбин для Днепра...

Колесо готово. Теперь нужно нарезать на нем 224 зуба. Но где взять зуборезный станок, который обработал бы этакую махину? Нет таких станков. И поэтому решено было впервые в практике зуборезного дела провести эту операцию на расточном станке, по разметке, с помощью специальных шаблонов.

Сложную разметку выполнил Алексей Дмитриев. Вот уже несколько лет подряд ему присваивается звание «Лучший разметчик Ленинграда». Недавно он закончил заводской техникум. С ним часто советуются конструкторы.

Зубья нарезали молодые расточники Виктор Краевский и Александр Родин. На первом колесе они это сделали за двадцать дней, на втором — за десять, а на третьем собираются закончить работу еще быстрее.

М. АНДРЕЕВ

ДЛЯ СТАЛИНСКИХ НОВОСТРОЕК

У ташкентских ирригаторов

В лабораториях этого института решались сложнейшие проблемы, связанные почти со всеми крупными гидротехническими сооружениями Средней Азии.

Труды Средне-азиатского научно-исследовательского института ирригации (САНИИРИ)— одного из старейших научных учреждений Узбекистана — широко известны в стране. Но никогда еще в большом коллективе ученых-ирригаторов не царила атмосфера такой взволнованной приподнятости, как сейчас, когда советские люди решили вернуть на старый путь Аму-Дарью, построить Главный Туркменский канал.

Аму-Дарья вместе с водой несет огромное количество плодородного ила и песка. Оседая в русле реки, они засоряют его, и после паводка все выше и выше выступают узкие песчаные островки, чтобы следующим летом появиться в другом месте.

Уже несколько месяцев на Аму-Дарье работает экспедиция института. Научные сотрудники изучают на месте транспортирующую способность воды, чтобы установить, как лучше обеспечить пронос плодородного ила на колхозные поля. Труды ученых окажут большую помощь строителям Главного Туркменского канала.

Исследования ведутся непосредственно на месте, на берегу Аму-Дарьи, и в лаборатории.

Журчат бурливые потоки воды, вырываясь сквозь открытые щиты небольшой модели плотины. По середине русла такого же миниатюрного канала, начинающегося за плотиной, вода уносит с собой мелкий песок. Пусть невелика модель, но все процессы здесь проходят так же, как и на больших сооружениях.

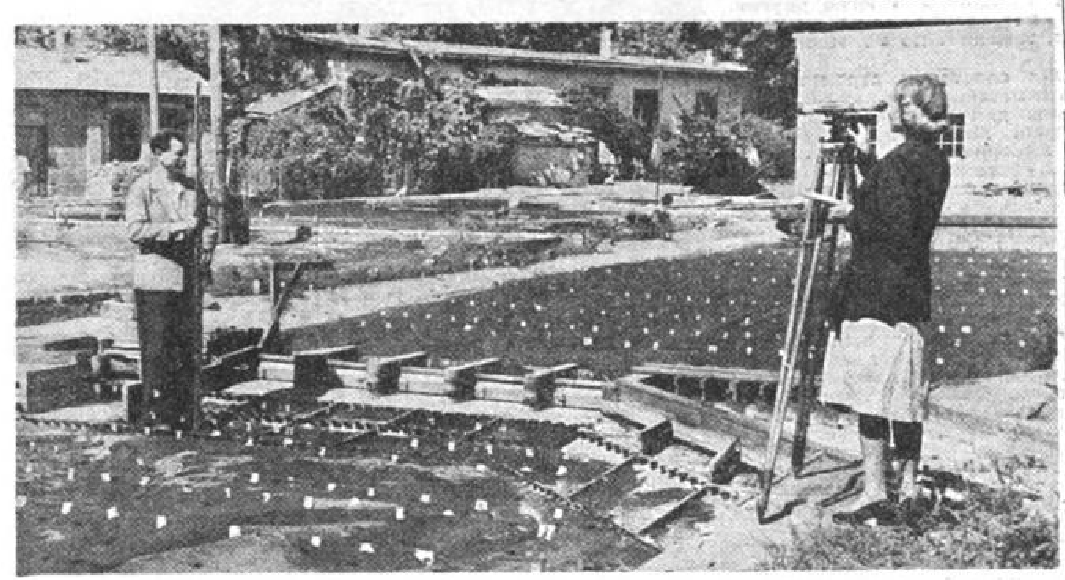
В институте нам рассказали о многих ведущихся здесь научных работах, тесно связанных со строительством Главного Туркменского канала. Под руководством старшего научного сотрудника И. А. Якштаса разработана конструкция пескосброса для самопромывающихся гидротехнических устройств.

Доктор технических наук В. П. Захаров и кандидат наук А. П. Ушаков долгое время изучали эксплуатацию рек Средней Азии в зимнем режиме. Свои исследования ученые рассчитывают использовать на Аму-Дарье.

Группа научных сотрудников под руководством А. Н. Ляпина содействует внедрению новой системы орошения.

Нет, кажется, сейчас в институте такой лаборатории, сотрудники которой не задумывались бы: чем мы можем помочь людям, которые будут строить и эксплуатировать Главный Туркменский канал?

Н. СОЛОВЬЕВА

Как улучшить конструкцию плотин? Решением этого вопроса занята группа сотрудников Средне-азиатского научно-исследовательского института ирригации.
На снимке: Младший научный сотрудник Т. М. Бердникова и лаборант В. Б. Кулаченко у модели плотины.

Фото В. Косовского

Механизмы Ростокинского завода

На заводском дворе готовят к отправке на Волгу мощный бетононасос.

На Ростокинский завод строительных машин пришло письмо от слесаря Коваленко и инженера Барша. Завод командировал их на великие стройки — помочь волжанам освоить бетононасос, который выпускают ростокинцы.

«Дорогие товарищи! — пишут в своем письме Коваленко и Барш. — Сообщаем вам, что сегодня машины № 8 и № 11 уложили 850 кубометров бетона. Нареканий нет, насосы работают безотказно. Строители говорят, что наш завод может гордиться своей продукцией».

Ростокинские машиностроители счастливы тем, что на них возложена почетная задача — обеспечивать механизмами строительство волжских ГЭС и Главного Туркменского канала. Машины, о которых писали В. Коваленко и Е. Барш, — это мощные бетононасосы отечественной конструкции. Ростокинский завод первым освоил их производство.

— Эта машина, — говорит главный инженер завода тов. К. Барляев, — позволяет полностью механизировать трудоемкий процесс транспортировки и укладки бетона и в несколько раз ускоряет процесс. Наш завод выпускает также виброхоботы — механизмы для укладки бетона в глубоких котлованах. Производство виброхоботов впервые в СССР освоено на нашем заводе.

Преображение земель Южной Украины и Крыма

(Беседа с начальником «Укрводстроя» тов. А. Е. БОЧКИНЫМ)

Величественная программа преображения земель юга Украины и северных районов Крыма, начертанная партией и правительством по замыслу великого Сталина, с энтузиазмом встречена советским народом. С чувством большой ответственности приступают строители к реализации этой программы.

Как ни богат опыт сооружения гидроузлов, накопленный в нашей стране за годы сталинских пятилеток, новая грандиозная стройка выдвигает ряд сложных, ранее неизвестных технических задач.

Огромные массы днепровской воды должны быть поданы на орошение засушливых степей Украины и Крыма самотеком. Это значит, что трассы будущих каналов должны быть рассчитаны на использование естественного уклона местности.

Забирая воду из Днепра выше плотины Днепрогэса, канал пойдет на юго-восток, к рекам Молочной и Коче. Чтобы преодолеть водораздел между этими реками, понадобится на протяжении четырнадцати километров сделать глубокую выемку в песчаном грунте. Земляная плотина перегородит реку Молочную и прилегающую к ней пойму. Образуется огромное водохранилище.

На своем пути из Украины в Крым днепровская вода должна будет пересечь морской залив Сиваш. Понадобится уберечь ее от засоления. Для этого канал на отдельных участках будет огорожен высокими дамбами, а местами заключен в трубы.

Ближе к Керчи рельеф местности меняется, низменная степь переходит в возвышенность. Чтобы вода достигла Керчи, надо будет поднять ее на несколько метров. С этой целью на трассе Северо-Крымского канала будут сооружены две насосные станции.

На значительном своем протяжении Южно-Украинский и Северо-Крымский каналы будут проложены в песчаных почвах, которые, как известно, обладают сильными фильтрующими свойствами. Для предотвращения фильтрации и потери воды потребуется одеть русло и берега канала в так называемый «водонепроницаемый плащ» из суглинистых почв и бетона.

Запасы воды для орошения южно-украинских и северо-крымских земель образуются за счет паводковых излишков водохранилища Днепрогэса. Сейчас эти излишки непроизводительно сбрасываются в нижний бьеф, стекая затем в Черное море. С окончанием строительства картина изменится. В весенние месяцы излишки днепровского паводка будут накапливаться в водохранилище на Молочной, а затем в течение мая — июля подаваться по каналу и оросительной сети для полива пшеничных и хлопковых полей.

Мощным источником воды для орошения явится также водохранилище, которое образуется после сооружения гидроэлектростанции близ Каховки. Почти весь нижний Днепр превратится в огромное озеро площадью в несколько тысяч квадратных километров. От Каховского водохранилища по левобережью в направлении на юго-восток пойдет второй канал для орошения земель Херсонской области. Соединительная ветвь от этого второго канала обеспечит дополнительную передачу воды в Северо-Крымский канал. Орошение земель правобережья из Каховского водохранилища будет осуществлено посредством насосных станций.

Всего на сооружении всех объектов «Укрводстроя» предстоит вынуть до трехсот миллионов кубометров грунта, уложить несколько миллионов кубометров бетона и железобетона.

Выполнение этих гигантских работ немыслимо без самого широкого применения механизации. На строительстве каналов, водохранилищ и плотин будут работать мощные экскаваторы и гидромониторы сложных новейших конструкций. Научно-исследовательским институтам, проектным организациям, заводам машиностроения предстоит немало потрудиться над созданием этих механизмов.

Предполагается развернуть работы одновременно по всей трассе — на севере и на юге. Намечено создать семь строительных районов на территории Украины и два — в Крыму.

Сейчас на многих участках трассы работают изыскательские партии. Геологи, почвоведы, топографы, гидрологи изучают рельеф местности, состояние грунтов, подпочвенные воды и т. д. В будущем году после окончания изысканий начнется составление проекта.

Предстоит проложить десятки километров железнодорожных подъездных путей, шоссейных дорог, линий связи, построить жилые поселки, создать карьеры, каменоломни, кирпичные заводы и другие предприятия, производящие строительные материалы. Развернется также усиленная подготовка кадров.

По всей Украине будут созданы многочисленные курсы, готовящие строителей и механизаторов разных специальностей. Немало квалифицированных рабочих дадут новостройке заводы, МТС и колхозы Украины и Крыма. Десятки тысяч советских людей будут участвовать в сооружении Южно-Украинского и Северо-Крымского каналов.

В «ПЕНАТАХ»

...В тенистом парке «Пенаты» утопает в цветах могила Ильи Ефимовича Репина. На постаменте бюст художника, вылепленный с натуры в 1910 году скульптором Андреевым. Место для могилы определено самим Репиным — рядом с холмом, который Илья Ефимович называл «Чугуевской горой».

30 лет прожил Репин в усадьбе, расположенной в дачном поселке Куоккала, на Карельском перешейке. Здесь он написал много картин. Сюда, в «Пенаты», к великому мастеру приезжали Горький, Павлов, Стасов, Глазунов, Шаляпин...

В 1940 году в репинской усадьбе был создан мемориальный музей. Он стал местом паломничества советских людей со всех концов страны.

Во время войны «Пенаты» оказались на территории, занятой фашистскими оккупантами. Когда советские войска вернули Карельский перешеек Родине, страна услышала горестную весть: гитлеровцы сожгли «Пенаты», уничтожили все беседки, хозяйственные постройки, вырубили парк.

Сохранились реликвии, вывезенные музейными работниками в начале войны: картины и рисунки Репина, его личные вещи, привязная палитра, которой пользовался Илья Ефимович во время болезни, костюмы натурщиков, весь рукописный архив и фотографии.

Все это тщательно оберегается, как и ворота сгоревшей усадьбы, кусты можжевельника в парке, посаженные художником...

«Пенаты» будут восстановлены. Пока же в парке развернута выставка репродукций произведений Репина, фотографий, отображающих отдельные моменты из жизни художника.

Десятки тысяч ленинградцев и отдыхающих в многочисленных санаториях и здравницах Карельского перешейка побывали этим летом в «Пенатах».

В дни, когда отмечается 20-летие со дня смерти И. Е. Репина, делегации трудящихся возлагают на могилу великого русского художника венки. Репинские реликвии будут экспонироваться на конференции, посвященной творчеству великого художника, которую Академия художеств СССР проводит в Ленинграде.

А. ОРЛОВ

Табак нового урожая

В колхозах Абхазии в разгаре ломка листьев табака. Все меньше и меньше остается участков, на которых еще видны высокие, густые растения. Сушильные сараи полны первосортных табаков.

Желтые грузинские табаки — Самсун, Мцарский и другие — лучшие в мире. Они идут на все табачные фабрики страны как сдабривающий материал, который повышает качество папирос.

Прекрасной урожайности табаков добилась бригада Героя Социалистического Труда Прокофия Сванидзе из села Хейвани, Гагринского района. Она собирает 30 центнеров с гектара. Замечательны успехи табаководов колхоза имени Руставели — А. Джеджелава и В. Момпория.

Сейчас по шоссе к заготовительным пунктам движутся машины, груженные табаками нового урожая. Первые кипы доставил колхоз имени Орджоникидзе. Его примеру последовали другие сельхозартели. Заготовительные пункты сдают табак на ферментационные фабрики.

М. МАРТЫНОВ

Герой Социалистического Труда бригадир колхоза имени Сталина (село Хейвани, Гагринского района, Абхазской АССР) Прокофий Сванидзе осматривает табак нового урожая.
Фото С. Короткова

КОРОТКО

20 ТЫСЯЧ НАРОДНЫХ ПЕСЕН, записанных в разных районах Союза, хранятся в архиве фонограмм отдела фольклора Института русской литературы Академии наук СССР. Это крупнейшая музыкальная сокровищница страны. Особенно много песен о гениальных вождях В. И. Ленине и И. В. Сталине, о Великой Отечественной войне советского народа. Немало и старых революционных песен. Большой размах принял сбор фольклора в послевоенные годы.

ДВОРЕЦ КОЛХОЗНИКА построила объединенная сельскохозяйственная артель «Шрома» в селе Магаро, Сигнахского района, Грузинской ССР. Во дворце театральный зал на 700 мест с вращающейся сценой, лекционный зал, комнаты отдыха, библиотека, агротехнический кабинет, комнаты для занятий кружков, гостиница,

Борьба за мир — главная тема искусства

«Борьба за мир, которую ведет сейчас все передовое человечество, должна стать и становится главной темой нашего искусства». Высказанная разными словами, эта мысль звучала из уст артистов и поэтов, композиторов и певцов.

Один за другим подымались они на трибуну просторного и нарядного зала Центрального дома работников искусств (ЦДРИ), и притихшая аудитория внимательно слушала слово ведущих деятелей советского искусства, стоящего на страже мира.

В форме заостренного политического памфлета, клеймящего поджигателей новой войны, построил свое выступление поэт Н. Грибачев. Насыщенная глубоким чувством, яркая речь артиста Художественного театра Н. Боголюбова была воспринята как обязательство верности фронту мира. От

Выступление народного артиста РСФСР Н. Боголюбова на вечере «Советское искусство в борьбе за мир».
Фото А. Гостева

лица матерей, оберегающих жизнь своих детей, призывала советских художников вложить весь опыт, талант и знания в борьбу за мир одна из лучших артисток Малого театра, Е. Гоголева.

Лирические строки стихов С. Щипачева и Е. Долматовского, прекрасное по силе и выразительности пение солистки Большого театра А. Турчиной, выступления других московских артистов были подчинены одной и той же теме — теме борьбы за мир.

Этим собранием начал в новом сезоне клуб работников искусств серию вечеров под названием «Советское искусство в борьбе за мир». В прошлом сезоне состоялось пять таких вечеров. Призыву к борьбе за мир посвящены ныне и творческая встреча молодых артистов со строителями Дзержинского района и вечер новых произведений, написанных советскими композиторами и поэтами.

* * *

ЦДРИ совместно с Центральным комитетом профсоюза работников искусств в течение ближайших месяцев проведет смотр творческих активов домов работников искусств Москвы, Ленинграда и других городов. Смотр пройдет под лозунгом «Борьба за мир, за демократию, против поджигателей войны!»

Команда ЦДКА — чемпион СССР

Команда ЦДКА покидает поле после очередной своей победы.
Фото А. Бурдукова

Так уж сложился ход первенства страны по футболу в этом году, что еще до конца соревнований определился победитель. Команда ЦДКА после ничьей с тбилисским «Спартаком» независимо от результатов двух последних матчей обеспечила за собой титул чемпиона.

Тридцать шесть раз должна была выйти каждая команда на поле и встретиться с равноценными противниками для того, чтобы подойти к итоговой черте. В течение пяти месяцев шла борьба на крупнейших стадионах страны, и это требовало как от отдельных игроков, так и от всех футбольных коллективов большого напряжения, исключительной воли. Армейцы продемонстрировали такую сыгранность, такую отличную форму, что только три команды — московское «Динамо», ВВС и рижская «Даугава» — могут похвалиться победой над ними.

В успехе команды большая заслуга ее тренера — заслуженного мастера спорта Б. Аркадьева. Он последовательно держит курс на молодежь, умело работает с ней и каждый год выпускает на поле все новых и новых выдающихся игроков. Рядом с известными мастерами ЦДКА Грининым, Николаевым, Деминым уверенно выступают теперь молодые футболисты Зайцевский, Петров. Еще недавно никому не известные игроки Башашкин, Коверзнев, Нырков, В. Соловьев, Чистохвалов, Чайчук стали теперь опытными мастерами и с большим успехом выступали в нынешнем сезоне. Хорошо показали себя и вратари команды Никаноров и Чанов.

Московское «Динамо», завершив календарь убедительной победой над ВВС — 6 : 0, — заняло второе место.

Состязания сильнейших легкоатлетов

В течение недели на стадионе имени Н. С. Хрущева в Киеве проходило первенство СССР по легкой атлетике. 23 сентября борьба сильнейших легкоатлетов закончилась.

Героем первенства, безусловно, была московская динамовка заслуженный мастер спорта Александра Чудина. Она завоевала звание чемпиона СССР в прыжках в высоту с новым всесоюзным рекордом — 168 сантиметров. На следующий день она в финале барьерного бега на 80 метров опередила всех.

Не успев отдохнуть после этого трудного соревнования, Чудина поспешила в один из секторов стадиона, где уже начался финал по прыжкам в длину, и снова одержала победу!

Выступая в пятиборье, талантливая спортсменка завоевала золотую медаль чемпиона, набрав 4783 очка, что также является всесоюзным рекордом.

Новый рекорд удалось установить московской динамовке Софье Малышиной. В беге на 200 метров она обогнала рекордсменку страны Евгению Сеченову, первой вышла на прямую и с нарастающей скоростью помчалась к финишу. Стрелки секундомеров зафиксировали новый рекорд страны — 24,7 секунды.

С большим интересом зрители следили за финалом бега на 400 метров для женщин. Накануне, во время одного из забегов, ленинградка Зоя Петрова (профсоюзы) установила новый всесоюзный рекорд — 56,7 секунды. Петрова достигла этого рекорда в острой борьбе с молодой спортсменкой Надеждой Смирновой (Советская Армия). В финале они встретились снова, и обе одновременно коснулись финишной ленты. Определить чемпиона удалось только на следующий день по фотопленке. Первое место присуждено Надежде Смирновой.

Такая же острая борьба разгорелась и у мужчин. В беге на 400 метров с одинаковым временем пришли к финишу динамовец Сергей Комаров и армейский спортсмен Павел Кияненко. Опять пришлось прибегнуть к помощи фотопленки, и в результате звание чемпиона было присуждено Комарову.

В прыжках с шестом заслуженный мастер спорта Николай Озолин взял с первой же попытки 4 метра 20 сантиметров. Ему снова присуждено звание чемпиона СССР. Командное первенство завоевали спортсмены профсоюзов.

М. ЗАСЛАВСКИЙ

МЫ МОЖЕМ И ДОЛЖНЫ ОСТАНОВИТЬ ВОЙНУ

Д. ПРИТТ,
вице-председатель генерального совета Английского комитета защиты мира

Д. Притт.

Роль Советского Союза в борьбе за мир исключительно велика.

Едва ли следует объяснять, почему Советский Союз является первым борцом за мир. Это естественно вытекает из социалистического развития этой страны, из колоссальных потерь, которые она понесла в войне, из гигантского масштаба восстановительных работ, в связи с чем Советская страна «нуждается в мире, как в воздухе»,— так сказал мне один простой советский человек. И, наконец, сама природа советского строя исключает какие бы то ни было мотивы для стремления к войнам.

В жизненно важной борьбе за мир Советский Союз является руководителем миролюбивых народов, миролюбивых людей всех стран. Прожектором марксистского предвидения он освещает путь этой борьбы.

Непреложную волю советского народа к миру продемонстрировал исключительный успех, который имела в СССР кампания по сбору подписей под Стокгольмским Воззванием. Тем самым была выражена спокойная решимость советских людей противостоять агрессии.

Разумеется, прогрессивные элементы капиталистических стран должны помнить, что Советский Союз не может делать за них их работу в борьбе за мир; они сами должны помнить о лежащей на них ответственности. Но СССР, естественно, являющийся вождем всех прогрессивных сил и стран, может, оказывая своим примером моральную поддержку, вдохновлять силы, направленные на борьбу за мир и укреплять в них веру в успех этого справедливого дела. Можно сказать, что активное участие Советского Союза в борьбе за мир ведет к спасению бесчисленных миллионов человеческих жизней.

Эта мысль постоянно сопутствует мне в нынешнем моем посещении Советского Союза, где я был уже раньше три раза — в 1932, 1936 и 1946 годах.

Едва ли стоит возвращаться к тому, что известно всему свету. Россия была бедной страной, когда вступила в первую мировую войну 36 лет тому назад; затем, как результат войны, последовала разруха; потом — гражданская война, интервенция и голод; далее последовали годы, полные усилий строить и восстанавливать; наконец, строительство достигло невиданного размаха, и когда жизнь уже стала легче, наступили суровые годы Великой Отечественной войны, тяжелые потери человеческих жизней и материальных богатств, годы неисчислимых жертв и высокого героизма, следы которых я видел при моем посещении в 1946 году Ленинграда, Сталинграда и других городов Советского Союза.

С тех пор советский народ неутомимо посвящает свои силы делу восстановления, обходясь без всякой помощи извне. Мне посчастливилось снова приехать в Советский Союз — и я словно новыми глазами увидел и оценил его достижения, осознал огромную силу социалистической экономики и ощутил необъятность задач, над решением которых страна только начинала работать во время моего предыдущего приезда.

То, что я увидел, настолько грандиозно и так воодушевляюще, что холод моего английского темперамента улетучился. И хотя у меня сохранилась способность к критической оценке фактов, которой должен обладать юрист и политический деятель, то, что предстало перед моими глазами, оказалось совершенно неотразимым по своей убедительности.

Мои самые радужные надежды оказались бледнее действительности. Я увидел, что советский народ, вдохновляемый великим вождем И. В. Сталиным, строит то самое человеческое счастье, которого никогда не знала мировая история.

Когда я пытаюсь окинуть взглядом сегодняшний день Советского Союза, я затрудняюсь решить, с чего следует начать. Я, разумеется, не удивился тому, что свойственный советскому народу интерес к культуре и ее достижениям еще больше углубился за эти годы. Высокий уровень знаний и технической эрудиции городского и сельского населения, всеобщее стремление к образованию, забота и нежное внимание к детям — все это вновь — и еще больше, чем раньше,— бросилось мне в глаза.

Поразителен также рост советской науки. Христиане в старину говорили о «вере, которая может сдвинуть горы»; Советский Союз признает и применяет на деле науку, которая двигает горы. Советские люди овладевают электрической энергией, перегораживая течение рек; они меняют самое это течение, заставляя его служить человеку; они превращают миллионы гектаров негодных земель в плодородные и добиваются от земли урожаев, каких не знала история сельского хозяйства. Трудно даже представить себе, каковы будут дальнейшие достижения советской науки и какие новые чудеса она сможет явить миру!

Однако самое чудесное, что можно увидеть в Советском Союзе, это плоды упорной работы мысли, планирования; все это дало поразительные результаты в восстановлении разрушенного войной. Что мог я предполагать, отправляясь в колхоз на Украине, в котором после освобождения от немецко-фашистских оккупантов осталось не больше одной целой хаты, одна корова и один трудоспособный мужчина? Восстановление начали женщины, мужчины присоединились к ним только после окончания войны — и люди отстроили свой колхоз. За один — два года были восстановлены жилые дома и колхозные постройки, доведено до довоенного поголовье скота. Земля стала эффективно обрабатываться, урожаи становятся все обильнее, несмотря на год тяжелой засухи. Люди живут зажиточно.

Я говорю им: как все это замечательно! Что же они отвечают мне? Если хотите знать, они отвечают мне так: «О, это еще недостаточно хорошо для нас. Мы собираемся выстроить совершенно новый город вместо нашей деревни: это будет агрогород. В нашем хозяйстве будет еще больше машин, работать мы будем еще более планово и урожаи будем получать еще более высокие. Наш новый агрогород, утопающий в зелени молодых фруктовых садов, вместит все население колхоза; каждый получит дом с большим числом комнат, с лучшими удобствами; мы будем иметь все хорошее, что дает город,— театры, кино, клубы, гостиницы. Мы уничтожим все эти хаты, которые сами строили. Мы еще с ними миримся, но они уже для нас недостаточно хороши».

Всего только одно тридцатилетие назад эти люди были нищими и забитыми крестьянами. Сегодня они на моих глазах создают новую, лучшую цивилизацию в деревне.

Они работают, читают, учатся. И в то же время они успевают танцевать и петь. И я спрашиваю себя: каков будет их следующий шаг вперед?

Единственная в мире подлинная демократия, демократия советская, рождает много таких и других достижений на пути своего развития. Достижения эти — плод народной инициативы, инициативы «снизу». Этот народный почин вырастает из опыта трудящихся, который они приобрели в самостоятельном управлении своей страной, критикуя самих себя и все время совершенствуя свою работу.

Обращаясь к материальному уровню жизни,— а это вопрос немаловажный,— я должен отметить, что все больший ассортимент товаров широкого потребления, которые производятся во все больших количествах, становится разнообразнее и лучше по качеству. Люди лучше одеты, чем четыре года назад, они лучше питаются. В них чувствуется еще больше жизнерадостности, еще больше веселья и юмора и в то же время больше, чем когда-либо прежде, спокойной уверенности в будущем.

Есть люди, которые спросят меня по возвращении: боится ли Москва атомной войны?

Вот ответ: Москва строит, строит и строит, в том числе 7 или 8 небоскребов!

А что я могу сказать по поводу лживой басни о том, что Советский Союз будто бы тратит все свои усилия на подготовку к войне и сокращает до минимума мирные расходы?

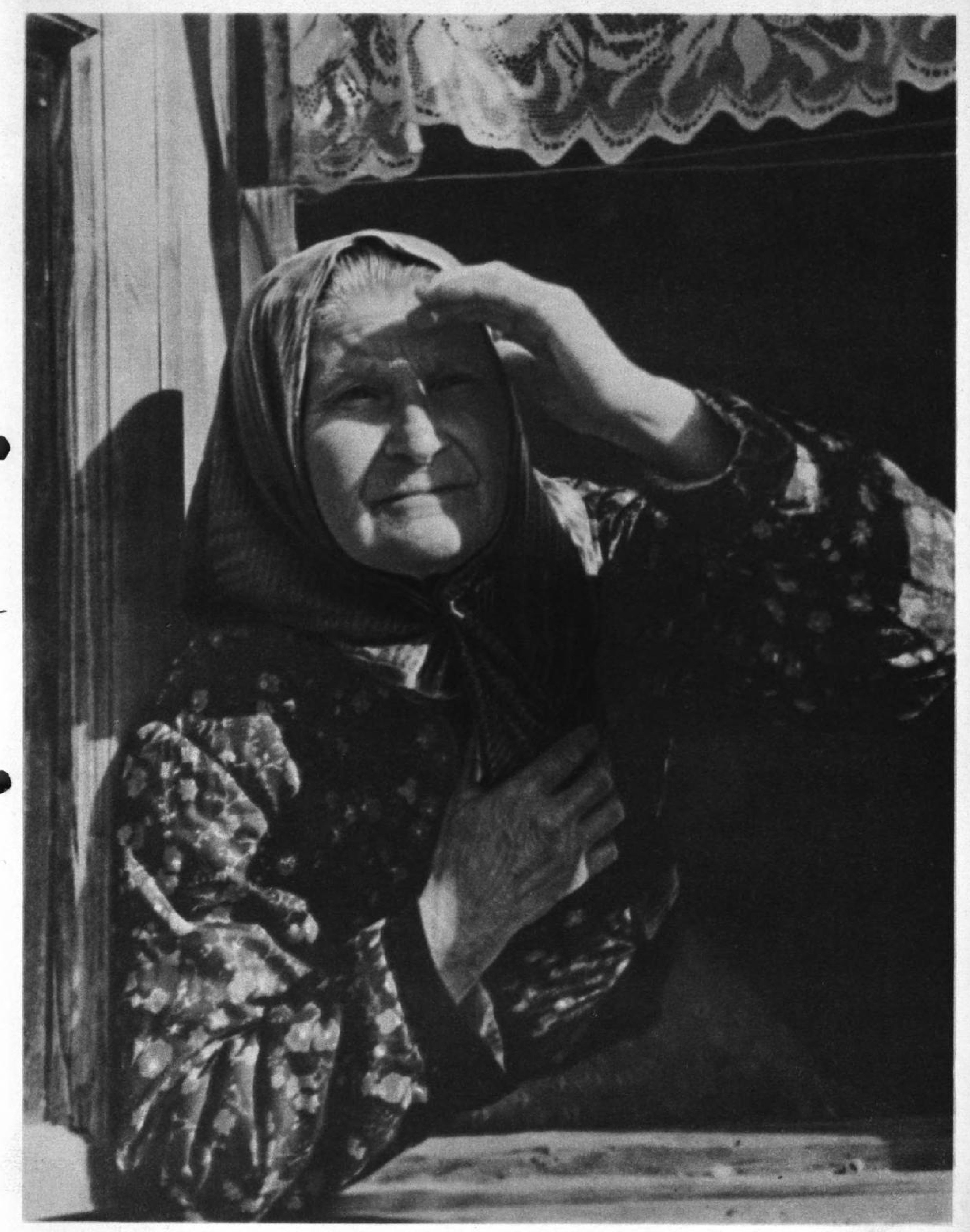
Вот ответ: Советский Союз строит, строит и строит жилые дома, школы, университеты, больницы, театры, детские сады, агрогорода, санатории и дома отдыха, строит целые новые города, создает и реализует проекты строительства гигантских гидроэлектростанций и каналов. В то же время в Советском Союзе уделяют много внимания тому, чтобы производилось больше продовольствия, больше одежды, больше книг, больше всего, что нужно народу. Выделяются огромные средства на развитие науки, служащей мирным целям и культуре, счастливой и полнокровной жизни народа.

Да, это новая и прекрасная цивилизация! Еще предстоит большая работа по восстановлению, еще придется решить много проблем, еще возникнут и будут решены многие задачи. Но это уже прекрасная и новая цивилизация. И я горд и счастлив быть ее современником. Я знаю, что Советский Союз стоит на пороге новых, еще больших успехов, дальнейшего замечательного прогресса.

Тридцать лет назад Линкольн Стеффенс сказал о Советском Союзе: «Я увидел будущее, и оно уже — в действии». Со своей стороны, я мог бы сказать: «Я тоже вижу, что будущее, о котором говорил Стеффенс,— оно стало настоящим и оно — в полном действии». Я не могу сейчас предвосхитить будущее Советского Союза, настолько грандиозны его планы. Но я знаю: и они станут реальностью.

Ничто не может остановить развитие этой новой цивилизации. Даже война могла бы только задержать это развитие. А мы, миролюбивые народы земли, можем остановить войну. Мы должны это сделать. И мы это сделаем.

Перевод с английского **А. КУБИЦКОЙ.**

Кажись, Васин самолет...

Фотоэтюд Б. Кузьмина

Над Донцом.

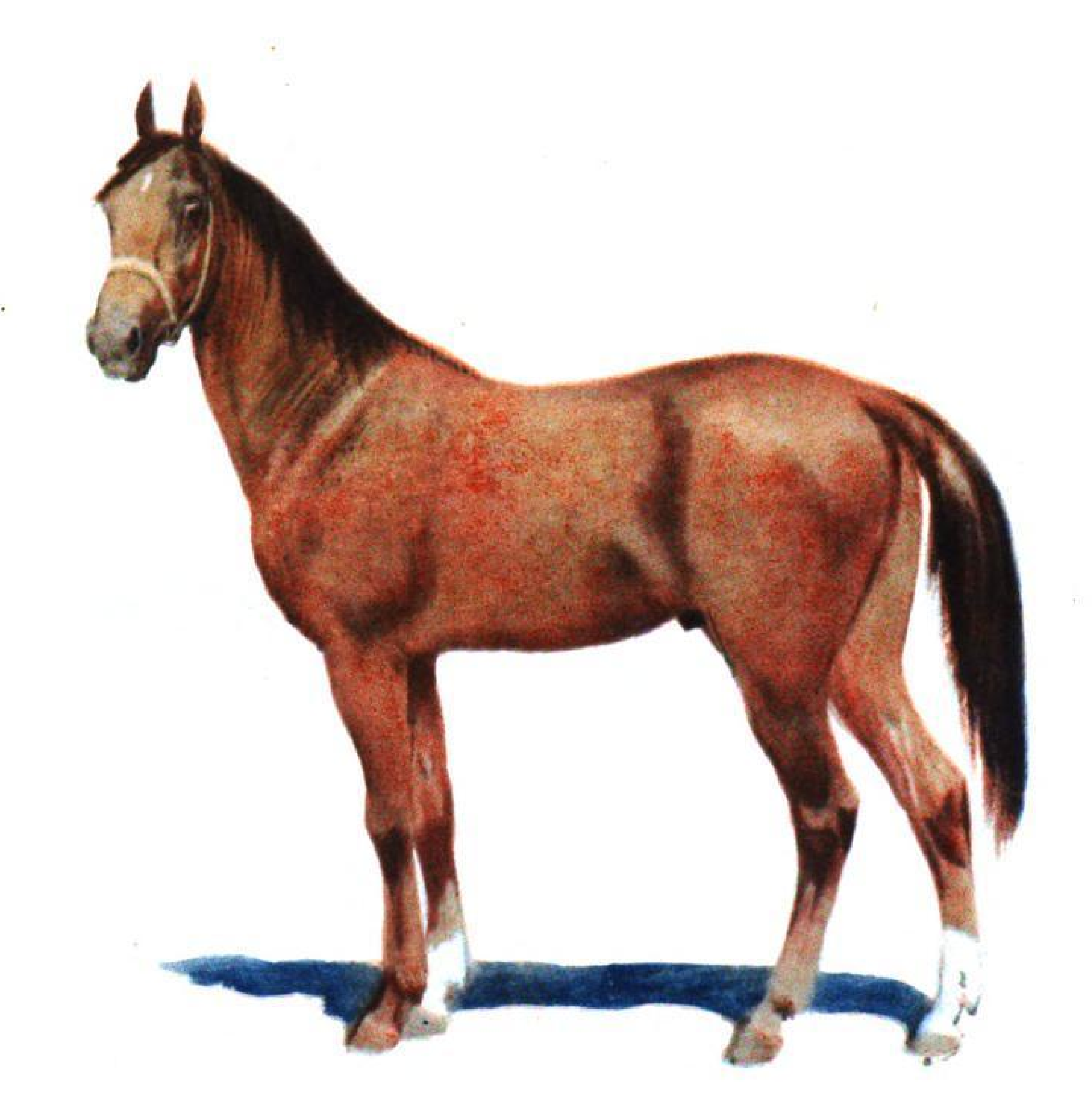
ПО РОДНОЙ СТРАНЕ *(из альбома художника)*

О. Верейский

(собственный корреспондент «Огонька»)

Город Каменск-Шахтинский.

Табун.

Донской жеребец «Вихрь».

Конец лета.

Фото И. Шагина.

ПОДДУБЕНСКИЕ ЧАСТУШКИ

(Из записок землеустроителя)

Сергей АНТОНОВ

Рисунки В. Климашина

7

Люба и Гриша стояли на поле, склонившись над колосьями пшеницы, и Люба разминала на своей длинной, узенькой ладони колосок. Было чистое, безоблачное утро, только вдали висела маленькая румяная тучка. Рыжеватая пшеница пологим уклоном уходила вниз, туда, где виднелся зеленый вагончик тракторной бригады и кривая жердь антенны, и ветер гнал по широкому полю одну за другой золотистые волны.

— Значит, ты считаешь, можно? — с насмешкой спрашивала Люба.

— А что, по-твоему, нельзя? — с еще большей насмешкой в голосе спрашивал Гриша.

— А что, можно?

Спор шел о том, созрело ли зерно для жатвы и можно ли пускать комбайн.

На дороге стоял только что подъехавший «натик», от которого струился прозрачный пар, и комбайн «Сталинец-6».

— Ты же видишь, восковая спелость,— говорил Гриша.

— Да ты давни, давни ногтем. Смотри, из него вода бежит!

— Где вода бежит?

— Смотри. Сырое еще зерно!

— Что ты мне голову морочишь. Будем начинать! — решительно заявил Гриша.

Люба смотрела на него с изумлением. Сегодня с ним невозможно было сговориться. Лицо его было озабоченно и непреклонно. Он стоял перед Любой в комбинезоне, таком новеньком, что ясно виднелись все стежки двойного белого шва на карманах. Воротник комбинезона был расстегнут ровно настолько, чтобы виднелся вчерашний шелковый галстук. Сегодня рано утром директор МТС временно передал Грише комбайн. Передача была короткой. Директор напомнил Грише то, что он давно знал, потом обнял его, чмокнул в щеку и, кажется, даже прослезился. Гриша стал полновластным хозяином агрегата. Помощник комбайнера, тракторист и девушки, работающие на копнителе, подчинялись ему. Он имел право подписывать документы, и без его подписи никакие акты о количестве скошенных гектаров не были действительны. Он отвечал за все простои и неполадки. И кроме того он, Гриша, бывший школьник и колхозник Синегорья, а теперь штатный работник МТС, должен был не ронять чести орденоносной станции.

— Заводи,— сказал Гриша трактористу.

— А ты знаешь,— предупредила его Люба,— здесь был Василий Степанович и запретил начинать уборку. Зерно сырое.

— Знаем мы эти штуки,— сказал Гриша,— ему неохота зерно сушить. Ему охота сразу из-под комбайна в амбар возить. Поехали.

— Куда же мы поедем, товарищ комбайнер? — проговорил пораженный тракторист.— Подвод нет. Куда зерно ссыпать станем?

Гриша подумал и спросил меня:

— Какая длина поля до дороги?

Я ответил.

— А ширина?

Я назвал и ширину.

— А сколько здесь можно собрать пшеницы с гектара?

Гриша записал в блокнот цифры, подсчитал что-то и уверенно кивнул трактористу:

— Поедем!.. Наташа, лезь на копнитель.

Ловко цепляясь за перекладины босыми ногами, Наташа забралась по железной лестнице на площадку.

Трактор застучал, повернулся так, словно его неловко сдвинули с места, глубоко вскорябав гусеницами землю. Тяжелый комбайн, упрямо дергаясь, неохотно двинулся за трактором, и поднятый хедер вздрагивал на неровностях. Шум трактора усилился, мотовило стало вращаться, загребать колосья, и за комбайном потянулась коротко остриженная пожня, и стало видно, какими ровными рядками, словно под линеечку, были посеяны весной зерна.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 38, 39.

Семен с тремя другими плотниками заканчивал на току крыть досками навес. Услышав шум трактора, он слез на землю и недоуменно уставился на Любу.

— Куда это они поехали? — спросил он.

— Косить поехали,— отвечала Люба.— Председатель запретил сегодня работать, и подводы услал огородникам, а этот чудак поехал... А куда поехал? Намолотит полный бункер и встанет. Вон Василий Степанович идет. Сейчас будет шуму!

Василий Степанович остановился возле сортировки, оглядел всех по очереди и проговорил:

— Поехал, а?

Все молчали. Трактор с ровным рокотом уходил все дальше и дальше.

— Поехал, а? — повторил Василий Степанович, глядя на Семена и не находя слов, чтобы выразить свое возмущение.— Ты, Люба, говорила ему, что я не разрешаю косить?

— Говорила.

— А ну, Семен, давай, пиши акт!..

— Так ведь, наверное, хорошо молотится зерно, раз он едет,— попробовал Семен защитить своего молодого приятеля.

— Пиши акт, тебе говорят!

Семен достал из кармана тетрадку и вырвал лист бумаги.

— Пиши: «Мы, нижеподписавшиеся...» Поехал, а?

Василий Степанович шагал по чисто выметенной площадке тока, задевая за ручки сортировок, сильно рассерженный.

Пока он диктовал акт, я заметил отца Наташи — Федора Игнатовича. Федор Игнатович шел в нашу сторону неторопливым, запасливым шагом, держа в левой руке кепку. На нем была гимнастерка с отложным воротником, опоясанная крученым поясом с кисточками. Под воротником виднелась аккуратно подшитая белая сатиновая полоска. Ветер закидывал на сторону его белокурые легкие волосы, открывая большой лоб с малиновым следом кепки. На щеке его полного добродушного лица бледнели два незагоревших пятна от бывших когда-то ран. Он был чисто выбрит. И руки у него были чистые и мягкие.

— Об чем речь? — спросил он и взял у Семена бумагу.

— Самовольничают! — отвечал Василий Степанович.— Смотри, Гриша-то поехал без разрешения.

Федор Игнатович внимательно прочел все, что было написано в акте, подумал и сказал:

— А «неподчинение» надо писать вместе. Поехал, значит, без разрешения?

— Ты смотри, подвод-то нет! — сердито говорил Василий Степанович.— Куда он зерно ссыпать станет?

Федор Игнатович посмотрел на комбайн из-под руки.

— А сколько метров тут до дороги? — спросил он.

— С полкилометра.

— Так. Центнеров пятнадцать снимем с гектара, Василий Степанович?

Я насторожился. Федор Игнатович задавал такие же вопросы, как и Гриша.

— Пожалуй, снимем. А что?

— Я думаю, он у дороги вправо повернет. Когда бункер наполнится, он как раз к току подъедет. Прямо на ток и ссыпет.

— Не догадается он вправо свернуть! — заметил Василий Степанович.— Ты всегда придумаешь что-нибудь.

— Я, Василий Степанович, когда мне кажется, что человек ошибается, не люблю сразу акты писать. Я гляжу на него сперва со светлой стороны,— и Федор Игнатович сделал четкий военный жест правой рукой,— а если только ничего не увижу, тогда уж гляжу с темной.

Он сделал такой же жест левой рукой и зашагал дальше тем же скупым, запасливым шагом, рассчитанным на то, чтобы пройти много километров.

— Писать? — спросил Семен.

— Обожди,— сказал Василий Степанович.

Оба они стали смотреть в поле. Комбайн был уже далеко, и виднелась только задняя часть короба, куда подается солома после обмолота, задняя часть того самого копнителя, на котором работала Наташа. Издали казалось, что машина стоит на месте, маленькая фигурка Наташи неподвижно застыла на площадке и только лопасти мотовила бешено мелькают вверх и вниз, как будто рубят землю по одному месту. Но вот трактор выдвинулся с левой стороны комбайна, шум его стал гораздо слышней, как будто открыли окно, и стало видно, что и трактор движется, и комбайн движется, и Наташа быстро и однообразно водит руками, словно вытягивает бесконечную веревку. Комбайн шел вдоль дороги.

— Догадался,— сказал Василий Степанович и вдруг, не удержавшись, весело рассмеялся.— Радиолюбитель, язви его в душу. Порви эту бумагу к чортовой матери. Пойду подводы верну.

Семен наклонился ко мне и сказал с видимым удовольствием: «А хорошо, что Наташа с ним работает. Это я посоветовал Василию Степановичу ее на комбайн направить. Пусть она поглядит, какой он на деле».

Председатель ушел за подводами. К току подъехал комбайн, и Григорий открыл заслонку бункера. Брезентовый рукав расправился, вытянулся, и с сухим соломенным шумом тяжелой струей хлынуло зерно. На земле начал быстро расти правильный желтый конус, стал оплывать плотными языками, расползаться, и девчата с визгом бросились собирать узелки с пирогами и бутылки с молоком, пока их не засыпала пшеница. Бункер опорожнился. Брезентовый рукав обмяк и повис. Наташа сошла на землю и подняла очки на лоб. Глаза у нее были испуганные, словно она только что вынырнула из воды, чуть не захлебнувшись. В волосах, налипших на лоб, застряла полова и зеленые крошки сорняка. Щеки были вымазаны серыми пыльными полосами.

— Да как же мне успеть,— начала она оправдываться, не дожидаясь, когда ее станут укорять.— Соломы целая прорва.

— Надо веселей руками шевелить,— сказал Гриша.— Смотри-ка, совсем запарилась. Завяжи получше лицо.

Гриша бесцеремонно снял с ее головы платок и завязал ей лицо так, что остались видны только глаза.

— Как же я дышать буду? — проговорила Наташа, с трудом двигая сжатыми платком губами.

— Ничего, не задохнешься! Опускай очки!

Семен молча, но неодобрительно смотрел на все это. Я не мог удержаться от улыбки: «Вот, надеялся Сеня, что Гриша влюбит в себя девушку, а как бы не удушил ее от усердия этот Гриша».

— На волосы повяжи другой платок,— командовал Гриша,— а то к октябрьским праздникам волосы не отмоешь.

— Да где ж я его возьму?

— Девчата, дайте косынку. И скорей поедем. Туча-то, вон она!

Действительно, безобидная тучка, висевшая на горизонте, придвинулась ближе и потемнела. Гриша криво повязал голову Наташи косынкой и, когда она по привычке вытянула на щеку белокурое колечко, безжалостно запихал его обратно. Теперь вместо Наташи стояло странное существо с черными круглыми глазами и забинтованным сверху до низа лицом.

Трактор зарокотал, и комбайн тронулся снова.

Между тем неровная тень тучи легла на поле и по пшенице бежали уже не золотистые волны, а какие-то пепельно-серые валы. Ветер мел по дороге лохмотья пыли, и казалось, что вдали дорога дымится. Одинокий куст, растущий возле канавы, дергался, как будто старался вырвать из земли корни, и все листья его вывернулись в одну сторону матовой изнанкой. Внезапно ветер утих, словно прислушиваясь. Куст замер. Но вот на нем кивнул один листочек, потом кивнул второй, третий, и я сначала услышал, а потом увидел падающие капли дождя. Семен вышел из-под навеса, поднял поперечную пилу и медлительно пошел обратно. На земле остался белый сухой рисунок пилы.

Работу пришлось останавливать, ждать, когда просохнут колосья. На ток пришел Гриша и уселся на корточках возле сортировки. Рядом с ним на кучу зерна села Наташа. Гриша осмотрел ее усталые руки и грязное лицо, едва заметно ухмыльнулся и проговорил:

— Теперь хорошо работаешь. Как часы.

Наташа вспыхнула и благодарно взглянула на него. Потом она обвела ясным взором ребят и девчат, собравшихся под навесом, словно хвастаясь своей ловкостью и сноровкой. Но никто, кажется, не слышал слов Гриши. Некоторые завтракали, некоторые беседовали. Только Люба стояла одна, облокотившись о сортировку, и смотрела на пилу так пристально, как будто это была не простая поперечная пила, а какое-то диковинное существо. Наташа вздохнула и, расстелив на коленях платочек, тоже принялась завтракать. А Гриша посмотрел на Любу и сказал:

— Вот видишь, почти четыре гектара обмолотили. Зерно обмолачивается лучше не надо... Ты, секретарь комсомольской организации, должна болеть за работу механизмов...

— Я не люблю болеть,— равнодушно сказала Люба.

— Нет, я серьезно. Если видишь, что колхозные руководители тормозят работу механизмов ради своих узко колхозных интересов...

— Послушай, Гриша,— тихо перебила его Люба,— если бы ты полюбил девушку, стремился бы ты быть с ней...

— Что? — спросил Гриша и встал.

— Если бы ты был занят по уши. С утра до ночи. И с ночи до утра. Нашлась бы у тебя минута, чтобы побыть с ней...

— Ясно, нашлась бы. А что?

— Как бы ни был занят?

— Конечно. В крайнем случае написал бы письмо.

— А после первого круга я ни одной пробки не сделала,— сказала Наташа.— Правда, Гриша?

Она по-детски, обеими руками, держала кружку, и на лице ее белели усики молока.

— Молодец,— ответил Гриша,— ни одной пробки. Сразу освоилась.

И снова глаза Наташи вспыхнули радостью.

— Ну, а если он так занят, что не может даже письма написать? — допытывалась Люба.

— Тогда... тогда все равно она знала бы, что он любит.

— Почему?

— Чувствовала бы.

— А если она не чувствует?

— Кто?

— Теперь я всегда с тобой буду работать,— сказала Наташа.— Весь сезон.

— Конечно,— солидно согласился Гриша,— сначала я не хотел тебя брать. А ты, оказывается, здорово работаешь!

Лицо Наташи сияло.

— Ты, кажется, добился своего,— тихонько сказал я Семену.— Теперь она станет ходить к нему слушать радио.

— Да, станет ходить,— ответил он вслух, грустно вздохнул и отвернулся.

8

После дождя подошли подводы. Целый день Наташа работала на комбайне, и поговорить с ней насчет частушек, а тем более записать их не было никакой возможности. Вечером я отправился в Поддубки, надеясь застать Наташу дома. Надо было торопиться, потому что она должна была уходить на комсомольское собрание.

Я почти дошел до наташиного дома с нарядными, выкрашенными в зеленый цвет наличниками, как меня остановила маленькая старушка, одетая в дырявое пальто и рваные чоботы.

— Ты, сынок, из области? — спросила она, тронув меня за локоть.— Хоть бы ты припугнул наших хозяев. Топить печку вовсе нечем, сучки на дороге сбираю...— подбородок ее затрясся, и она беззвучно заплакала.— Хоть бы они мне дровец привезли... Одна я осталась. Братья бросили, сынов нету, а работать через силу не могу...

Я посоветовал ей обратиться к бригадиру или председателю колхоза.

— Да чего мне к ним ходить? Все одно без толку. Только и слава, что председатель, а никакой в нем заботы об людях нет. Ты бы его припугнул, сынок...

Я, как мог, объяснил старушке, что я землеустроитель. Она перестала плакать и спросила:

— Так, значит, из колхоза в колхоз и ездишь?

— Так и езжу.

— И зимой тоже ездишь?

— И зимой. Поживу дома дня три и снова еду...

Старушка жалостливо посмотрела на меня и спросила:

— Это что же у тебя, принудиловка, что ли?

— Нет, обыкновенная работа.

— Обыкновенная?..— недоверчиво протянула она.— Может, ты деньги растратил или что?

Я сказал, что люблю свое дело и учился ему пять лет. Старушка опасливо оглядела меня с ног до головы и отошла, видно, решив, что у меня, как говорят, «не все дома», а я снова зашагал к Наташе. На мой стук не ответили. Ни в сенях, ни в комнатах никого не было. Наверное, Наташа уже убежала на собрание, пока я разговаривал со старушкой. Я уже собрался уходить, но заметил на столе под кружкой лоскуток бумаги. Округлым, ясным почерком на нем было написано: «Дочка! Пошел на скотный двор. Сделал все, как велела. Картошку поставил в

печь, щи — тоже, молоко вынес в сени. Забеги за матерью к Дементьевым. Хватит ей там шуметь».

«Значит, она еще не приходила. Надо подождать»,— решил я и сел.

Я и прежде бывал в этой комнате, но теперь не узнавал ее: комната выглядела по-новому. Раньше у крайнего окна стоял столик, на котором лежали игрушки младшего наташиного братишки Андрейки: заводной мотоцикл, деревянный грузовик и мельница из консервных банок. Теперь не было ни столика, ни игрушек. Раньше у двери, возле перегородки, стоял комод, а теперь только ровный прямоугольник невыцветших обоев обозначал его место. Большой стол, застланный новой голубой скатертью, поделенной складками на ровные квадраты, был переставлен на середину, а окна затянуты свежей марлей. Белоснежные взбитые подушки лежали на кровати, едва касаясь ее, словно надутые воздухом. В комнате хорошо пахло березовыми вениками.

Заглянув за перегородку, я увидел там и комод и столик с игрушками, приставленные почти вплотную к хозяйской постели. Там же помещалась и этажерка Федора Игнатовича с томиками сочинений Сталина в картонных футлярах и с книжками по животноводству.

Пока я осматривался, стараясь сообразить, зачем сделана эта перестановка, появилась мать Наташи, женщина лет тридцати пяти, статная и худощавая, похожая на физкультурницу. Она была в комбинезоне, в юбке, надетой поверх него, и в косынке из того же материала, из которого было сшито наташино платье.

Она сняла у порога сапоги, надела мягкие туфли и только после этого вошла в комнату.

— Они из рукомойника не умываются,— услышал я ее голос, доносящийся из кухни.

— Кто?

— А чехословацкие люди. Семен рассказывал: они из тазов умываются.

Она внесла в комнату большой эмалированный таз и поставила его в углу на табуретке.

— Что же, они у вас ночевать будут? — спросил я.

— Не знаю. Это я так. На всякий случай. Ну как, по-вашему, по-городскому, хорошо? — спросила она, оглядывая комнату.

— Хорошо,— искренне ответил я, заметив, что она в эту минуту удивительно похожа на Наташу. — А где Андрейка?

— На два дня к бабушке снесла, чтобы не мешался. Надоел. Хорошо, значит? Ну вот. Дементьевы вон всю квартиру на дыбы подняли. Моют все да скребут. А у них как два часа ночи, так ребенок просыпается и давай орать... Пианино три раза с места на место переставляли. А что с него, с пианино, если ребенок по ночам орет? Или Бунаев. Сегодня с культивации иду, вижу: едет из города, цветы везет. «Куда,— спрашиваю,— дедушка, цветы?» «А в школу»,— говорит. Хитрый. Знаю я, в какую это школу. А у него прямо, считай, под окнами циркулярная пила визжит. До двенадцати ночи работает...

Она прервала фразу, увидев записку мужа, прочла ее и улыбнулась:

— Ну, зачем же ты щи в печь поставил? Эх ты, дитя малое. Щи на холод надо,— проговорила она так, словно Федор Игнатович был рядом.

Потом вынесла чугун в сени, вернулась обратно и продолжала:

— Сегодня у нас все бабы переругались, прямо смешно на них смотреть. Три человека приедут, три чехословацких делегата, а им всем охота, чтобы у них гости ночевали. А они и ночевать, наверное, не станут. Приедут, посмотрят и уедут. А наши бабы все равно ругаются. И у нас и в Синегорье. Говорят, завтра утром сам Василий Степанович будет ходить и смотреть, у кого лучше. И мой с ним будет ходить. Что ж, пускай смотрят. Да разве мужики поймут, где лучше? Например, у Иванищева, ничего не скажешь, хорошо дома, чисто, просторно, а разве можно к ним пустить? Он как заснет, так и начинает сам с собой говорить, полные речи произносит. Или к Дементьевым. Разве Дементьевы такие щи сготовят, как я сготовлю? Федя, вытирай ноги,— предупредила она, увидев мужа.

Федор Игнатович стоял у двери, не решаясь переступить порог. За его спиной я увидел ту самую маленькую старушку, которая останавливала меня на улице.

— Ну, и нагнала страху,— заговорил Федор Игнатович,— в собственную избу войти боюсь.

Он на цыпочках прошел, шаркая по стене рукавом гимнастерки, сел к столу, и я почувствовал исходивший от него острый запах иодоформа.

— «Химия» отелилась,— устало сказал он.

— Бычок или телка? — спросила жена.

— Телка. С пятном на носу. Вся в отца... Иди, садись, Мария Евсеевна,— обратился он к старушке. — Что тебе?

— Известно что, Федор Игнатович. Сказали бы хоть вы председателю, чтобы корову обратно в стадо взяли... Ведь одна я... Братья бросили, сынов нету...

И она опять беззвучно заплакала.

— А сколько ты трудодней наработала? — спросил Федор Игнатович.

— А сколько мне наработать? Больная сверху до самых пяток.

— А на своем огороде работаешь?

— Через силу, батюшка. Кабы на огороде не работала, так и вовсе ноги бы протянула.

— Так. А чья корова? — Федор Игнатович быстро взглянул на старушку и стал поглаживать мягкими ладонями неподатливые складки скатерти.

— Чья корова? Моя, батюшка, моя.

— А не брата, который в город уехал?

Старушка утерла слезы и испуганно посмотрела на Федора Игнатовича.

— Нет, не братова корова, батюшка, ей богу, не братова. — Федор Игнатович молчал, поглаживая рукой скатерть. — Моя корова, убей меня гром, моя...

— Дочка, зажги свет,— сказал Федор Игнатович.

За перегородкой кто-то зашевелился, тупо защелкали кнопки платья, и вскоре вышла Наташа. В сумерках я и не заметил, что она спала там. Наташа зажгла свет, подошла к отцу, вынула из его кармана часы и ахнула. После сна она была теплая и розовая, и кругленький отпечаток пуговицы был заметен на ее пухленькой, смуглой щеке.

— Ой, таз! — удивилась она. — Мама, можно я умоюсь в тазу?

— Умывайся,— сказала мать из кухни.

Наташа принесла белый кувшин, наполненный водой.

— Так что же, что корова братова,— неожиданно сказала старушка. — Брат в город уехал и мне ее бросил... Кормить-то ее надо? Куда я ее дену?

— Сдай в колхоз,— посоветовал Федор Игнатович.

Старушка как-то недоверчиво засмеялась, видимо, не понимая, шутит ли заведующий животноводством или говорит всерьез.

— Скажи, батюшка, председателю, скажи...

— Что же я ему скажу, Мария Евсеевна? Есть положение, что за пастьбу единоличных коров в кассу колхоза платить надо.

— Опомнись, батюшка! Где я возьму столько денег?

— Брата корова, пусть он и вносит. Так ему и скажи.

— Скажу, скажу, батюшка. Так и скажу.— Старушка помялась, утерла глаза и губы концом косынки и нерешительно проговорила: — А пускай пока она в стадо ходит...

— Нет, так нельзя. Пусть он или деньги платит или тебе корову передает. Принеси бумагу, что корова твоя, а тогда и веди ее в колхозное стадо.

— Бумагу, значит, надо?— насторожилась старушка.

— Да, бумагу.

— Ну, бумагу-то мы сделаем. Вот спасибо, что выручил... Вот спасибо, батюшка.

Раздался грохот. Наташа уронила на пол кувшин.

— Тяжело, дочка? — спросил отец, не поворачивая головы.

— Пальцы у ней не держат,— сказала мать из кухни.— Умаялась.

— Ничего, сейчас отойдут,— отозвалась Наташа.— Мы сегодня 183 процента дали. Правда, папа, 183! Гриша считал.

— За какое время?

— За двенадцать часов. Да еще стояли час из-за дождя. А 183 процента нормы сделали. А завтра, Гриша сказал, еще больше накосим.

— Смотри-ка, какие вы горячие! — заметил Федор Игнатович, все так же разглаживая скатерть мягкими руками.— Ну все, Мария Евсеевна, все.

Казалось, ему стыдно за старушку.

— Все, все, батюшка... И в сельсовет ходила и в район, ничего и слушать не хотят. Один ты, ровно отец родной...

Умывшись, Наташа подошла к столу и села, подперев кулаком щеку. Старушка поднялась со стула, но не уходила, видимо, ожидая, что Федор Игнатович ей еще что-нибудь посоветует. Наташа жалостливо смотрела на нее.

— Теперь куда пойдешь? — спросил Наташу отец.

— На комсомольское.

— Опять всю ночь заседать?

— Часов до двенадцати.

— А нельзя мне дровишек немного, батюшка? — заговорила старушка и снова собралась плакать.

— Насчет дров — к председателю,— сказал Федор Игнатович и нетерпеливо встал.

— Жалко? — спросил он Наташу, когда старушка ушла. — Вижу, что жалко. А ты ее брата знаешь? Кузнецом в Синегорье работал, Иван Евсеевич. До объединения, когда в Синегорском колхозе не клеилось и бывший председатель на все сквозь пальцы смотрел, этому кузнецу не плохо жилось. Каждый день на колхозных лошадках на базар ездил. А вот как объединились, не пришлись ему по душе колхозные порядки — ушел Иван Евсеевич из колхоза. Работает в городе, а попрежнему живет в Синегорье в своей избе, и огород разводит на нашей земле, и корову гоняет на колхозный выгон, и дровец ему больше, чем другим надо — на базаре продавать. Ты вот работаешь, а он оставил старуху колхозницей, чтобы ее руками наше добро тянуть. Хочет погреться возле организационной неразберихи. А она, небось, думает, что хитра, как лиса. Тебе ее жалко, а у меня, пока я с ней говорил, внутри все кипело...— Федор Игнатович зашагал из угла в угол, не замечая, что сапоги его оставляют на чисто вымытом полу следы извести. — Хорошо еще, что немного таких людей, дочка. В тридцатых годах куда больше было. А вот коммунистов теперь семнадцать человек. Это сила. Разберемся как-нибудь, что к чему. И вас, комсомольцев, вдвое больше стало. Только пореже бы вам заседать надо... Вот вы обсуждали, как принять делегатов из Чехословакии, а толку нет. Что у вас получилось с организацией ночлега? Надо было сразу же, как вам поручили это дело, назначить три дома — и все. А то теперь все словно к октябрьским праздникам готовятся. Кому поручена организация ночлега?

— Любке и...— Наташа опустила глаза,— и мне.

— То-то, что и тебе. Сейчас шел со скотного двора, а про тебя частушку поют — про твою оперативность. Увидали меня — и поют. Каково такие частушки отцу слушать?

— Да ну их, — сказала Наташа, смутившись.— Они ведь про всех сочиняют. Не только про меня. И про землеустроителя пели, бессовестные. Я думаю, надо на комсомольском собрании поставить вопрос, чтобы прекратить это. На то стенгазета есть.

Я слушал, совершенно сбитый с толку.

— Ты что же, дочка,— улыбнулся Федор Игнатович,— хочешь критику только в стенгазету загнать? Чтобы висела эта критика где-нибудь в темном углу да помалкивала? Нет, дочка, критика у нас горластая, ничего тебе с ней не поделать!..

— Федор Игнатович,— проговорил я почти с мольбой в голосе,— скажите хоть вы мне, пожалуйста, кто у вас сочиняет частушки?

— Как кто? — удивился заведующий животноводством.— Да наши, поддубенские.

(Окончание следует)

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

«Повинуясь законам отечества»

Так Сергей Борзенко назвал свою новую повесть. Ее герои, их подвиги, все, что они пережили, передумали, говорит о том, какими благородными побуждениями руководствуется советский человек, повинуясь законам социалистического Отечества.

В феврале 1943 года в тыл противника, на Мысхако, под Новороссийском, высадился десант советских воинов. Он держал в руках Мысхакский плацдарм, и это в немалой степени способствовало освобождению Новороссийска и других временно захваченных гитлеровцами городов Черноморского побережья.

О ряде эпизодов этой замечательной операции и рассказывает повесть. Автор ее сам был участником многих десантов, восемь месяцев он пробыл на Мысхако — Малой земле, окруженной противником и морем. За проявленные в боях мужество и бесстрашие писатель был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

И повесть свою он так написал, как мог написать художник-воин, из личного опыта знающий то, о чем взялся рассказать. Во многих картинах и сценах есть детали, которые только и мог увидеть, запомнить писатель, непосредственно участвовавший в делах, о которых пишет. А именно эти детали и передают своеобразие обстановки, воскрешают события во всей их конкретности.

С. Борзенко в образах героев раскрывает богатый душевный мир советских людей, рисует моральный облик сынов и дочерей социалистической Отчизны.

Когда командир десантного батальона Поцелуйко в беседе с Игнатом Цимбалом и Мусей Кузьминой перечисляет требования, которым должны удовлетворять десантники, Игнат, в доказательство своей и Муси способности выполнить боевое задание, говорит:

«— Мы оба севастопольцы, комсомольцы...»

Именно эта реплика заставляет командира внимательней приглядеться к Цимбалу и зачислить его в свой батальон.

«Мы оба севастопольцы, комсомольцы» — значит, что мы люди, доказавшие свой патриотизм, что мы воспитаны советской Родиной и партией, а это порука мужеству в борьбе за правое дело. Вот истоки рождения доблести.

Заключая яркую сцену, рисующую подвиг Игната Цимбала, остановившего вражеские танки, автор пишет: «Подвиг, длившийся всего несколько минут, был подготовлен всей его жизнью». Эта мысль положена в основу изображения воинского героизма, от нее шел писатель, раскрывая психологию подвига. Будь то люди старшего поколения — командующий фронтом Иванов, командующий армией Леселидзе, руководитель политической работы в войсках Казанцев; или молодые бойцы — Цимбал, Муся Кузьмина, — всех их взрастила Советская земля и лучших из лучших воспитала партия Ленина — Сталина.

Игнат после жестоких боев подает заявление с просьбой принять его в партию. «Он знал, — пишет С. Борзенко, — какую ответственность брал на себя. При первом наступлении парторг роты скажет ему: ты коммунист, ты обязан первым выскочить из траншеи и повести за собой бойцов. И он выскочит и поведет, как это делали до него, — а весь огонь своих пулеметов враг сосредоточивает по ведущему... Члены партии всегда там, где всего труднее. Вступая в партию, он радостно брал на себя эту великую ответственность».

С. Борзенко не скрывает, что даже испытанные, мужественные воины не чужды страха смерти. Игнат Цимбал после того, как в госпитале «отвык» от войны, должен снова к ней «привыкать». В наступлении, в котором он участвовал, был момент, когда, казалось, страх охватил все его существо, когда на мгновенье воля замерла перед лицом смерти, глядевшей на него со всех сторон. Но только на мгновенье. Спокойный голос командира — этот «звук жизни» среди разрушения и смерти, — упоминание имени товарища Сталина возвращают Цимбалу мужество.

Автор показывает, что советский человек побеждает силою любви к Родине, силою коммунистических убеждений, волею к победе, мастерством, выдержкой, желанием жить и биться до последнего.

Советский воин, повинуясь законам социалистического Отечества, руководствуется прежде всего чувством патриотического долга. Законы Отечества неразделимы с велениями своего же разума, совести, чести. Это хорошо выразил Игнат Цимбал в те торжественные минуты, когда ему в Кремле вручали Золотую Звезду Героя. «От дисциплины до геройства один шаг,—говорил он, отвечая на просьбу М. И. Калинина рассказать собравшимся о том, как он стал героем. — Только я хочу сказать, что наша дисциплина — это не просто выполнение приказа. Это поглубже. Это и любовь к Родине, к партии, к советскому народу, к нашему отцу — великому Сталину. И не только любовь, а желание и умение сделать все, что от тебя требуется в каждый момент... Услышать приказ, если даже ты его физически не можешь услышать... Всегда слышать сердцем приказ Родины. Вот такой дисциплиной мы побеждаем гитлеровцев. Мы побеждаем, повинуясь законам Отечества. Нашего социалистического Отечества...»

На переднем крае, в обстановке тягчайших лишений и смертельной опасности, выросла, как прекрасный цветок, любовь, чистая, приносящая обновление жизни и побеждающая смерть. Рассказ о любви Игната Цимбала к Мусе Кузьминой гармонически входит в повествование, потому что источник воинской доблести и лучших человеческих чувств, в том числе чистого чувства любви к женщине, у советских людей один: они воспитаны советским общественным строем.

Думая о Мусе, Игнат вспоминает «ее простоту, ум, твердость, доброту, душевное спокойствие». И так хорошо в образе этой девушки сочетание внешней «обыкновенности», внешней неяркой красоты и драгоценных душевных качеств.

Пришлось Кузьминой изведать мучительную тревогу за жизнь любимого человека: ушел Игнат в разведку и не возвращается; Муся идет искать его.

«Глядя на ничейную землю, женщина задала себе вопрос: а что, если бы там лежал чужой для нее человек? Пошла бы она за ним? И тут же откровенно ответила себе: да, пошла бы».

И читатель верит: да, пошла бы!

В этом целиком проявляется все ее существо: таковы советские патриотки, сочетающие самоотверженность женщины и бесстрашие воина, в военную страду ставшие на защиту Родины рядом с мужьями и братьями, как и они, стяжавшие геройскую славу.

Нужно сказать, что есть в повести и беглые, поверхностные зарисовки. Иной раз досадно становится за то, что чудесные наблюдения не получают развития,— это недостатки хорошей книги.

В повести С. Борзенко жива память о годах мирного труда — к нему они стремятся. Потому закономерно соединены в одной книге повесть о войне и рассказ «Счастливая семья».

Солдат Анпилогов — шахтер по профессии,— честно отвоевав четыре года, возвращается домой. И на фронте он вспоминал свою шахту и теперь, направляясь в родные края, думает о ней. Хороши сцены, рисующие радость и гордость старого рабочего при виде новых усовершенствований в шахте, облегчающих тяжелый подземный труд. И ярко переданы его стремления «каждый день повышать выработку». Коммунистическое отношение к труду укоренилось в сознании шахтера.

Книга С. Борзенко, как и каждая хорошая советская книга, воспитывает, учит жить, работать, бороться во славу советского Отечества, повинуясь его законам, как велениям разума, совести и чести.

М. ЮНОВИЧ

Сергей Борзенко. Повинуясь законам отечества. Издательство «Правда». Москва. 1950. 287 стр.

ЛАНЬДАНЬПАЙЦЗЫ

Рассказ

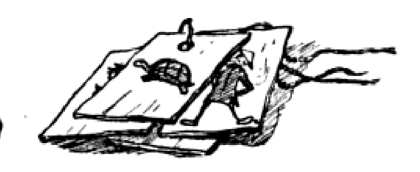
ЧЖОУ ЛИ-БО

Рисунки В. Высоцкого

1. Вместе с петухами

Едва приехав в деревню Цзицзятун, уезда Лалинь, к юго-востоку от Харбина, я попал на собрание крестьян. Мужчины и женщины, юноши и девушки одинаково горячо обсуждали вопрос: как и что нужно сделать, чтобы полностью выполнить годовое производственное задание? На другой день вся деревня с невиданным воодушевлением взялась за работу.

Нашли себе дело и пионеры. Деревенские ребятишки изготовили двадцать штук «ланьданьпайцзы» — деревянных бирок, которые предполагалось вручать тем, кто будет плохо работать. Пионеры были уверены, что двадцать бирок не слишком много для целой деревни. Я видел «ланьданьпайцзы» — еловые дощечки с продетыми сквозь дырочку шнурками. На дощечках было написано: «Лодырь, ты даром ешь свой рис!» или «В этом году все работают изо всех сил, а ты лодырь!» На не-

которых была нарисована маленькая черепаха с вытянутой шеей, на других — подбоченившийся человечек с шапкой набекрень. Изо рта человечка лентой вились позорные слова: «Я лодырь!» Были и такие дощечки, где рисунок изображал праздную женщину с трубкой во рту и рядом презрительно сплевывающего мальчика. По правде говоря, рисунки были не совсем удачные. Человечки напоминали что угодно, только не людей: шеи слишком толстые, а ноги тонкие, как волоконца льна. Но, несмотря на все несовершенство художественного оформления, никому не хотелось заполучить такую бирку.

Крестьяне на собрании выдвинули лозунг: «Ни одного клочка невозделанной земли! Ни одного человека без дела!»

Пионеры, в свою очередь, поставили перед собой задачу: «Научить злых добру, лодырей — работе!»

Еще только чуть-чуть брезжило утро, а уже ребята всех четырех звеньев, вооруженные игрушечными винтовками, разбегались по деревне в поисках провинившихся, решив, если кто с восходом солнца еще нежится на кане, быть тому с биркой. А кто получит бирку,— обязан будет носить воду семьям фронтовиков.

Конечно, нет ничего зазорного в том, чтобы носить воду. Но когда над здоровым и сильным мужчиной с коромыслом на плечах будут смеяться женщины,—это покажется очень обидным. Никто не захочет такого позора.

По утрам я просыпался от громкого крика. Пионеры на самых высоких нотах кричали: «Вставай на работу!»

Услышав крик ребят, мой хозяин, даже не одевшись как следует, соскакивал на пол: он опасался, как бы пионеры, среди которых был и его собственный внук, не застали его в постели. Перекликались ранние петухи, а уже вся деревня была в движении. Люди отправлялись в поле. Пионеры обходили все дворы, но нигде не находили случая пристроить хотя бы одну из своих бирок.

2. На ловлю Чжао Цзы-бина

Снова и снова обходили ребята по утрам деревню. Они навещали каждого, кто слыл лодырем. Но застать кого-либо без дела им никак не удавалось.

Однажды вечером ребята собрались на совещание в помещении начальной школы. Каждый изложил свою точку зрения.

Мальчик, которого звали Чжан Сяо-коу, спросил:

— А нельзя ли повесить бирку помещику?

— Помещик также участвует в общественном производстве, бирку лодыря ему вешать не надо,— ответил вожатый отряда Сяо Нюй-гуан.

Тогда девочка Цао Лу-цзы спросила:

— Может быть, стоит повесить по бирке мужу и жене У?

Всем было известно, какие отсталые люди были муж и жена У. Однако на этот раз Сяо Нюй-гуан сказал:

— У также участвуют в общественном производстве.

Кому же все-таки стоило бы повесить бирку? Неужели нет ни одного подходящего человека в целой деревне?

Чжан Сяо-коу, взобравшись на кан, воскликнул:

— Повесим бирку Чжао Цзы-бину!

Каждому в деревне известно, что с тех пор, как Чжао Цзы-бин выбился из нищеты, за ним водилось три греха: он любил выпить, поухаживать за хорошенькими женщинами и сорить деньгами.

При разделе конфискованного имущества врагов народа он выпросил себе много красивых, но бесполезных безделушек и пару полицейских сапог. Больше ничем он не интересовался.

Крестьянский комитет объявил ему, что выделенная в его распоряжение земля перейдет в его владение только после того, как он исправится. Всем в деревне хотелось, чтоб он получше работал, осенью собрал хороший урожай и женился бы, остепенился... Но у самого Чжао Цзы-бина было на сей счет особое мнение. Он вовсе не помышлял о семейной жизни.

Однажды в школе происходило женское собрание. Чжао Цзы-бин, заломив на затылок заячью шапку, уселся около окна и бросал взгляды то на одну, то на другую женщину. По меткому замечанию сельского врача, в ту пору проводившего в деревне прививку от оспы, при виде каждой красивой девушки глаза Чжао Цзы-бина бегали, как у раненого голубя. Чжао Цзы-бин затеял с одной девушкой, которая скоро должна была выйти замуж, такой шумный разговор, что уже нельзя было продолжать собрание. Женский комитет обратился тогда к крестьянскому комитету с жалобой на Чжао Цзы-бина. На заседании крестьянского комитета поступок Чжао Цзы-бина был единодушно осужден как хулиганство. Чжао Цзы-бина временно исключили из членов крестьянского союза, предупредив, что если он не исправится, то у него отберут землю и дом. Услышав это, Чжао сильно покраснел и медленно побрел домой. В этот день его не видели больше на улице. Не показывался он и на другой день.

Только на третий день Чжао Цзы-бин явился в крестьянский комитет и попросил подорожную для поездки в уездный город Лалинь.

В городе он продал свое нарядное платье, купил взамен грубую крестьянскую одежду и немного кукурузы. Возвратившись домой, он очень редко показывался на улице. Но что он делает дома, никто не знал... Уж не пьянствует ли он и не спит ли беспробудно?..

На рассвете следующего дня пионеры не стали, как обычно, будить спящих криком. Взяв игрушечные винтовки, они разбились на три группы и побежали по направлению к дому Чжао Цзы-бина. Две группы сторожили окна и двери, чтобы задержать лодыря, если он вздумает бежать, а третья группа ворвалась в дом. Чжао Цзы-бин, несмотря на очень ранний час, спокойно плел корзину. Увидев пионеров и смекнув, зачем они к нему явились, он вежливо приветствовал ребят:

— Пожалуйста, заходите, присаживайтесь!

Пионеры были смущены. Они вскоре откланялись и вышли за двери. Вожатый отряда разочарованно сказал:

— Опять неудача!

Чжан Сяо-коу внес новое предложение:

— Пойдемте посоветуемся с врачом, который делал нам прививки от оспы.

— Правильно, пойдемте посоветуемся,— согласился вожатый.

3. На что рассчитывал сельский врач

Сельский врач Ли Фын-мин жил около западных ворот деревни. Он любил возиться с ребятами и часто рассказывал им сказки. Дети дорожили его дружбой, но немного побаивались. Ли Фын-мин охотно читал им исторические книги, в особенности историю «Сань Го»[1]. Когда он рассказывал детям о Чжу Гэ-ляне[2], у него получалось так живо, как будто он сам лично был знаком с ним. Особенно он любил рассказывать о том, как три героя — Сюань Дэ-гун, Гуан и Чжан — в течение девяти дней добирались по снегу против сильного ветра до Наньяна и троекратно просили Чжу Гэ-ляна принять командование над их войсками. Детей эта история всегда очень трогала.

В позапрошлом году, когда рабочие отряды пришли в деревню устанавливать власть трудящихся, Ли Фын-мин думал, что эта власть не продержится долго. Он сидел дома и никуда не показывался. Он думал, что крестьянский комитет

[1] Период трех царств — Вэй, У и Шу,— непрерывно боровшихся между собой (220—264 годы).

[2] Чжу Гэ-лян — полководец царства Шу, один из любимых героев народного эпоса, главное действующее лицо старинного романа «Сань Го Чжи Янь И».

придет приглашать его, как некогда приглашал Чжу Гэ-ляна. Но проходили дни, сила трудящихся с каждым днем возрастала, и никто из крестьянского комитета ни разу не приходил за Ли Фынмином.

Когда пионеры пришли к нему посоветоваться, Ли Фын-мин тихо сказал вожатому отряда:

— Скорее бегите к Ли Лао!

Вожатый отряда возразил:

— Ли Лао — трудолюбивый человек, встает рано, ложится поздно. Чего ради мы побежим к нему с биркой лодыря?

Врач, сделав знак, что нет необходимости говорить так громко, снова очень тихо сказал:

— Он только что женился.

— Ну и что ж из того! — воскликнул вожатый.

Ли Фын-мин укоризненно покачал головой в знак того, что неудобно так громко разговаривать на столь щекотливую тему, и ответил:

— Вы еще ничего не понимаете, идите, и вы обязательно поймаете лодыря!

— И если все-таки не поймаем?

— Тогда возвращайтесь ко мне.

— Давайте держать пари, что там мы не найдем лодыря.

— Согласен на что угодно! — ответил старый врач.

Было решено, что на следующее утро пионеры отправятся к Ли Лао.

У старого врача были причины быть недовольным Ли Лао, своим племянником. Ли Лао был непочтительным племянником. Он сильно досаждал своему дяде и вот теперь получит по заслугам... Конечно, ребята поутру застанут его в постели и хорошенько проучат...

На следующий день, едва занялся рассвет, пионеры пришли в дом Ли. Ли был батраком и получил хорошую комнату в помещичьем доме. Он и в самом деле только что сыграл свадьбу. Над дверями его комнаты висел кусок красной бумаги с иероглифами, призывавшими благословение неба на новую супружескую пару. На стенах были развешаны «дуйлянь» — транспаранты с пожеланиями многих лет счастья.

Однако пионерам некогда было рассматривать убранство жилища Ли. Когда они гурьбой вошли в комнату, кан был пуст. Новое одеяло, аккуратно свернутое, лежало за стеклом шкафа. Старая женщина, мать Ли, плела из соломы цыновку.

Вожатый отряда спросил:

— Где ваш молодой хозяин?

— Давно ушел,—последовал ответ.

— Куда? К родственникам? — поинтересовался Сяо Нюй-гуан.

Старая женщина, с упреком взглянув на него, сказала:

— У кого есть сейчас время ходить к родственникам? Он пошел по дрова!

В эту минуту вожатый увидел за окном молодую женщину с коромыслом на плечах. Ее волосы были коротко подстрижены, и в них красовался большой цветок. Это была молодая невестка, спозаранку трудившаяся по дому.

Пионеры не знали, куда деваться от смущения, и поспешно направились к выходу. Оставалось им утешиться мыслью, что пари у врача они выиграли.

4. Ха! Ха! На этот раз поймали лодыря!

На пятый день председатель крестьянского комитета Лю Дэлин, которого пионеры звали Лао Лю, рано утром проснулся от крика ребят. Всю минувшую ночь он не смыкал глаз, работая в крестьянском комитете. Надо было распределить семена, позаботиться о фураже для скота, помочь семьям фронтовиков... Дел было много, и председатель вернулся домой на рассвете, когда в деревне уже начиналась утренняя перекличка петухов.

Он разделся, укрылся одеялом и только закрыл глаза, как его разбудили крики. Четыре пионера стояли у кана. Потом вошло еще четверо. Все с серьезным видом держали игрушечные винтовки наизготовку, сурово уставившись на лежащего председателя. Вожатый отряда с радостью воскликнул:

— Ага! На этот раз поймали!

Лао Лю протер глаза и спросил вожатого:

— Что вам, собственно, нужно?

— Я пришел, чтобы повесить вам «почетную бирку».

Пионер Чжан Сяо-коу, опередив вожатого, полез на кан. Другие последовали его примеру. Окружив председателя, они пытались навесить ему на шею бирку. Лао Лю отстранил их рукой:

— Не надо спешить, сначала выслушайте меня.

— Хорошо, мы вас выслушаем.

— Прошлую ночь я совсем не спал,— сказал председатель.—Понятно?.. Я вернулся только перед рассветом. Честное слово, я вас не обманываю!

— Мы не верим! — хором закричали пионеры.— Искренне приветствуем председателя Лю! Но пусть председатель Лю сознается в своей вине! Мы застали председателя спящим! Пусть председатель Лю сам повесит себе бирку! — звенели ребячьи голоса.

— А если я не согласен?—спросил председатель.

— Тогда мы будем критиковать вас на общем собрании...

— Если я сейчас навешу бирку, то когда оденусь, ее не будет видно. Дайте сначала одеться!

— Правильно, пусть одевается,— заметил вожатый.

Лю Дэ-лин оделся, спрыгнул с кана прямо к двери и, повернувшись к пионерам, сказал:

— Я уже встал, я уже не лодырь. Приходите завтра,— и выбежал из комнаты.

Пионеры не успели его задержать, и председатель благополучно выбрался за ворота, шутливо бранясь: «Вот ведь какие глупыши! Я всю ночь не спал, а они еще ловят меня, как лодыря! Ишь, бессовестные!»

На следующий день задолго до рассвета пионеры бегом направились к дому председателя Лю, но по дороге встретили его самого. Председатель сказал им:

— На этот раз вы слишком поздно пришли. Если завтра явитесь так же поздно, то мне придется вешать бирки на ваши шеи!

5. Бирку лодыря вешать некому!

В течение шести дней пионеры не могли поймать ни одного человека, который бы лежал на кане и ожидал восхода солнца. С самого раннего утра до поздней ночи в деревне нельзя было обнаружить ни одного человека без дела. В старом Китае всегда можно было видеть много бездельников в тени деревьев или около заборов. Они пели непристойные песни, подтрунивали над проходившими мимо девушками. Сейчас невозможно найти ни одного такого человека. Все население занято работой. Кто везет навоз на поля, кто едет за дровами. Женщины и девушки хлопочут по хозяйству: плетут соломенные шляпы, убирают сено, кормят скот. По утрам старые женщины направляются в курятники посмотреть кур. До глубокой осени на полях идет ожесточенная борьба с сорняками. В прежние времена люди привыкли полагаться на всевышнего. Теперь они уверовали в свои собственные силы и убедились в справедливости поговорки: «Что посеешь, то и пожнешь». Молодые и старые, мужчины и женщины — все старательно трудятся, все мечтают к празднику осеннего урожая стать героями труда.

Я пробыл в этой деревне целую неделю. Когда наступило утро отъезда, мое внимание снова привлекли пионеры. Ребятишки группами забирались на деревья. Я поинтересовался, что они там делают. Оказалось, что, не найдя лодырей, они «переменили профессию» и занялись разорением воробьиных гнезд, чтобы нахальные птицы не вредили посевам. Я спросил их, что они сделали с бирками.

— Бирки! Мы так и не нашли им применения... Может быть, вы захватите их в город?

— В городе они тоже не нужны нынче,— ответил я.

— Разве в городе нет лодырей? — удивились ребята.

В это время с шумом упало воробьиное гнездо, ребятишки рассмеялись и мгновенно забыли о городских лодырях. Пионеры провожали меня до околицы деревни и приглашали осенью снова приехать к ним в гости.

Перевел с китайского
Н. Пахомов

Бомбардировка дробью

— Почему на мою машину, — недоумевал водитель, — поставили две разные рессоры: одну новенькую, а другую старую? Смотрите, она словно оспой изрыта...

Начальник гаража, взглянув на часы, сказал:

— Рессора не так плоха, как вы думаете. Вы сами в этом убедитесь. Отправляйтесь в рейс.

Через несколько месяцев на машине лопнула рессора, но не щербатая, не понравившаяся водителю, а новенькая. Ее заменили другой. Отслужив положенный срок, та тоже износилась. А на старую время, казалось, не влияло.

В чем тут дело? Советские инженеры нашли способ повышения прочности металла, причем рассказанный нами случай — один из многочисленных опытов, на практике подтвердивших теоретические подсчеты.

Вот как увеличивают прочность детали, например, рессоры. Ее помещают в установку, называемую дробометом. Чугунные дробинки бомбардируют рессору. Отскакивая, они проваливаются вниз и по транспортеру снова подаются наверх, чтобы опять яростно обрушиться на деталь. Градом сыплются удары. Через минуту — две гладкая поверхность изборождена мелкими лунками.

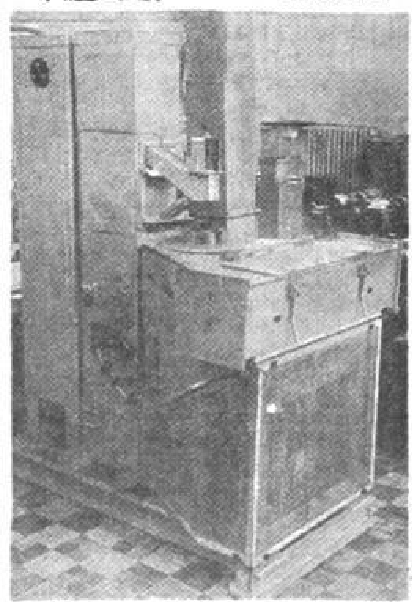
Такие удары изменяют физические свойства поверхностного слоя металла. Он сплющивается и делается более прочным, его выносливость возрастает. Разрушение металла, которое обычно начинается с незаметных простым глазом трещинок, царапин, сильно затрудняется.

Пружины, зубчатые колеса, валы, штанги, обработанные дробью, служат в несколько раз дольше обычных.

Советский дробомет, сконструированный в Институте технологии и машиностроения, превосходит американский. По своим габаритам он гораздо меньше заокеанского, а производительность его больше. Дробь, расколовшаяся во время ударов, удаляется: сильная воздушная струя отбрасывает осколки, и они падают в бункер.

Наша промышленность начинает в этом году серийный выпуск дробометов новой конструкции.

Я. КОРШ

Новый советский дробомет.

Утраченные портреты писателей работы Репина

И. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

Ни один из русских художников не был связан с родной литературой и с ее представителями такими прочными узами, как Илья Ефимович Репин.

О том, как глубоко и всесторонне знал Репин русскую литературу, свидетельствуют его воспоминания и многочисленные письма к друзьям и знакомым; художник постоянно цитирует произведения классиков и молодых писателей, начинавших в те годы литературную деятельность.

Особую ценность в этом отношении представляют письма Репина к друзьям-литераторам; видно, как радовался он каждому новому таланту, с каким вниманием следил за новыми художественными произведениями, с каким восторгом откликался на то, что ему было близко, и вместе с тем с какой прямотой высказывал — даже Л. Н. Толстому и А. П. Чехову — свои критические замечания.

Илья Ефимович отлично понимал ведущую роль литературы в развитии всей культуры в целом. Прочитав новое произведение, присланное ему одним поэтом, Репин писал ему: «Какая сильная вещь! Как сильна вообще литература! Какие острые жгучие стрелы подвластны ей!»

Репин встречался, начиная с 1870-х и кончая 1920-ми годами, едва ли не со всеми выдающимися деятелями литературы, и многие из них подолгу были его друзьями. Двадцатипятилетним начинающим художником он познакомился с Тургеневым, а на закате жизни с большим сочувствием встретил ранние произведения Маяковского.

Близость Репина к литературной жизни его эпохи нашла свое отражение в богатейшей галерее портретов русских писателей, созданной им. Тургенев, Писемский, А. К. Толстой, Гончаров, Аксаков, Фет, Стасов, Григорович, Гаршин, Л. Н. Толстой, Полонский, Майков, Лесков, Фофанов, Чехов, Короленко, Горький, Андреев, Маяковский — вот далеко не полный перечень тех писателей, которых увековечил Репин.

Однако в силу разных обстоятельств многие из этих портретов оказались утраченными, и где они теперь, неизвестно. Эти утраченные произведения можно разделить на две группы. К одной надо отнести те, которые никогда не появлялись в печати, а оригиналы их затерялись и от которых не осталось ни фотографий, ни следа в литературе; все, что известно о них, это весьма краткие сведения, исходящие или от самого художника или от его современников. В более счастливом положении находится другая группа утраченных портретов этой галереи: они демонстрировались на выставках, о них существуют сведения в репинской литературе, и, главное, они воспроизведены в печатных изданиях, правда, в большинстве своем изданиях редких. Эти репродукции или случайно сохранившиеся в музеях фотографии приобретают особую ценность: они единственное, что дает нам зрительное представление о подлиннике.

Публикация шести портретов, исполненных Репиным, оригиналы которых находятся неизвестно где, стала возможной в настоящем номере «Огонька» только потому, что удалось разыскать фотографии или воспроизведения, сделанные с них когда-то.

Быть может, эта статья окажет помощь в розыске утраченных оригиналов.

* * *

Самый ранний из портретов, воспроизводимых здесь,— портрет Елены Ивановны Бларамберг (по мужу — Апрелевой), писательницы, выступавшей в литературе под псевдонимом «Ардов». Позировала она Репину для этюда к картине «Царевна Софья».

Репин познакомился с Е. И. Бларамберг в августе 1878 года в Абрамцеве, где художник с семьей проводил лето у Мамонтовых. «Вчера нежданно-негаданно привалил к нам Иван Тургенев с госпожею Бларамберг»,— сообщал Репин Стасову. Именно Тургеневу Елена Ивановна и была в некоторой степени обязана тем, что роман ее «Без вины виноватые» оказался напечатанным.

Репин, который внимательно следил за современной литературой, несомненно, знал это произведение, но тот интерес, который он проявил к Бларамберг, встретившись с ней в Абрамцеве, был продиктован другими причинами — художник увидел в Елене Ивановне один из возможных прототипов «Царевны Софьи». Вот почему Репин и обратился тогда к Бларамберг с просьбой позировать ему для картины.

В волевом и властном лице молодой писательницы Репин увидел живой портрет «правительницы Руси». «Натура» эта, очевидно, настолько пришлась по душе художнику, что он не только воспроизвел черты внешности Елены Ивановны на картине, но и сделал с нее особый этюд, который показал в 1891 году на своей первой персональной выставке.

Вторично этюд демонстрировался на репинской выставке, организованной в Третьяковской галерее в 1924 году в ознаменование восьмидесятилетия художника (тогда этюд входил в состав собрания И. М. Сегаль).

К сожалению, устроители выставки не удосужились снять с него фотографию, а где он находится ныне, неизвестно. Вот почему до сих пор этюд этот оставался в репинской литературе неописанным и неизданным. И лишь недавно, просматривая в фондах Государственного литературного музея хранящиеся там репродукции с произведений Репина, мы наткнулись на фотографию без всяких пояснительных надписей.

С первого же взгляда стало ясно, что снимок этот сделан в далекие годы с того самого ценного этюда к «Царевне Софье», который был исполнен Репиным в 1878 году с Е. И. Бларамберг. Это наше предположение полностью подтвердилось, когда мы сравнили найденную фотографию с изображением писательницы, приведенном в издании «Галлерея русских писателей», вышедшем в Москве в 1901 году.

* * *

В начале восьмидесятых годов Репин переехал в Петербург, где вскоре сблизился с кружком молодых прогрессивно настроенных писателей. Репин считал их «восходящей плеядой молодых литераторов, культурными умами, животрепещущими талантами», «товарищами времен больших надежд».

Наиболее интересной фигурой для Репина в этой петербургской радикально-литературной среде был В. М. Гаршин. «В Гаршине было что-то очень трогательное и симпатичное, более всего привлекавшее меня в этой плеяде молодых поэтов»,— пишет Репин в своих воспоминаниях. Очень скоро отношения Репина и Гаршина превратились в настоящую дружбу. Нет сомнений, что еще до знакомства с Гаршиным Репин оценил его как талантливого беллетриста.

Произведения Гаршина печатались тогда в самом передовом журнале тех лет — в «Отечественных записках». Особое внимание Репин, вероятно, обратил на рассказ Гаршина «Художники», появившийся в журнале в конце 1879 года. В этом рассказе молодой писатель поднимал ту проблему, которая особенно волновала передвижников,— проблему общественной полезности искусства, служения искусства народу. В трактовке образа художника Рябинина, который написал картину из жизни рабочего-глухаря, заклепщика котлов, обнаружилась прогрессивность взглядов Гаршина.

Нечего и говорить о том, как близка была тема гаршинского рассказа Репину, который в те годы мечтал о картинах «из самой животрепещущей действительности».

Близость взглядов Репина и Гаршина станет особенно понятна, если вспомнить, что их воззрения восходили к одному источнику: художник называл себя в тот период «человеком шестидесятых годов», а Гаршин писал: «Мы — дети людей 60-х годов».

Не могло не привлечь Репина к Гаршину и то, что молодой писатель более всех искусств любил живопись. В своих воспоминаниях один из близких друзей Гаршина пишет: «Он очень любил живопись: всякая художественная выставка привлекала надолго его внимание».

Не приходится говорить о том, что и личность Репина произвела огромное впечатление на молодого писателя. Стоит просмотреть письма Гаршина восьмидесятых годов, чтобы увидеть, с каким великим пиэтетом относился он к Репину-художнику и к Репину-человеку. «Я рад, что живу, когда живет Илья Ефимович Репин». Одной этой фразой, написанной в письме к товарищу, сказано все.

В своих воспоминаниях Репин так рассказывает о своем знакомстве с Гаршиным: «Почти с первого взгляда на Гаршина, захотелось писать с него портрет». Осуществление своего желания Репин не откладывал в долгий ящик и уже в 1883 году принялся за тот этюд, работа над которым послужила основой для создания образа царевича в картине «Иван Грозный»; этюд этот широко известен: на протяжении шестидесяти с лишним лет он экспонируется в Третьяковской галерее.

Но Репиным был написан и другой портрет Гаршина, неизмеримо более интересный, принадлежащий к числу самых выдающихся произведений русского портретного искусства. Где этот шедевр теперь, неизвестно.

Портрет Гаршина был написан летом 1884 года в Петербурге. Репин остался в городе для окончания картины «Иван Грозный» и «в виде отдыха» работал над портретом писателя. «Вот уже несколько дней, как я хожу к Репину и позирую ему. Портрет выходит, кажется, очень хороший, из лучших репинских портретов»,— сообщал Гаршин 30 июля 1884 года матери.

Своему ближайшему другу, В. М. Латкину, Гаршин писал 10 августа: «Очень я сошелся с Репиным. Как человек он мне нравится не меньше, чем как художник. Такое милое, простое, доброе и умное создание божие этот Илья Ефимыч, и к этому еще, насколько я мог оценить, сильный характер, при видимой мягкости и даже нежности. Не говорю о том, как привлекателен уже самый талант его. Я, кажется, писал тебе, что он начал мой портрет. Скоро он будет кончен».

И в тот же самый день, 10 августа, когда Гаршин написал это письмо, Репин, в свою очередь, поделился с П. М. Третьяковым впечатлениями о новом друге: «Между делом, в виде отдыха пишу два портрета: Всеволода Гаршина здесь, в Питере, и Надежды Васильевны Стасовой на даче в Юкках. Люблю я этих обоих субъектов, симпатичные люди, особенно Гаршин — этой кротости, этой голубиной чистоты в человеке, мне еще не приходилось встречать в жизни».

Восторженное, влюбленное отношение художника к Гаршину отразилось на самом портрете. Даже глядя на фотографию,— а это единственное, чем мы сейчас располагаем,— можно почувствовать, какой необычайной прелестью веет от этого шедевра. В стихотворении, прочитанном на могиле Гаршина, были такие строки:

«Я ничего не знал прекрасней и печальней
Лучистых глаз твоих...»

С каким мастерством передан на портрете взгляд этих «лучистых глаз», о которых и Репин писал, что они были «особенной красоты»! Все пленяет в этом портрете: и острота характеристики, и жизненность позы, и выразительность формы. Портрет был

показан Репиным на XV Передвижной выставке в 1887 году, за год до трагической гибели Гаршина. Рецензенты, которые знали писателя лично, отмечали, что Репину удалось «уловить характер, настроение лица — это редкая удача даже у больших талантов».

Вскоре после выставки портрет был приобретен киевским собирателем И. Н. Терещенко. В 1905 году он демонстрировался на известной «Историко-художественной выставке русских портретов», которая была устроена в Петербурге в Таврическом дворце; тогдашним владельцем этого произведения, как указано в каталоге выставки, был уже другой киевский коллекционер — Б. И. Ханенко. В той части ханенковского собрания, которая поступила в начале 1920 года в музеи Киева, портрета Гаршина не оказалось. Ни к каким результатам не привели розыски его и в других советских музеях.

В тридцатых годах промелькнуло сообщение о том, будто портрет оказался в Париже; проверить это сообщение не удалось. Где он сейчас, неизвестно.

* * *

Рассказывая о кружке молодых литераторов, с которыми он подружился в Петербурге, Репин пишет: «К Гаршину и Фофанову в этом кружке относились нежно». Именно этим словом можно охарактеризовать и отношение самого художника к поэту К. М. Фофанову. Большое участие принимал Репин в этом неуравновешенном, больном человеке, вечно нуждавшемся, обремененном семьей да к тому же еще страдавшем запоями. На протяжении тридцати с лишним лет Репин находил время и силы, чтобы устраивать Фофанова в больницу, когда он заболевал, навещать его там, оказывать помощь его семье.

Знакомство Репина с Фофановым произошло в конце 1886 года. Как вспоминала вдова поэта, в первый раз к Фофанову привез Репина писатель В. И. Бибиков. В это время Фофанов был автором всего лишь немногих стихотворений, напечатанных в газетах и журналах, и готовил к изданию первую свою книгу, которая весной 1887 года вышла в свет. Получил ее в подарок от автора и Репин: в тогдашних своих письмах к друзьям он упоминает о тех стихотворениях, которые ему понравились: «Знакомы ли Вы с произведениями молодого поэта Фофанова? — спрашивал Репин В. Г. Черткова в письме от 24 мая 1887 года. — Вот сила! Вот гигант! Прочтите его, особенно «Каменотес в Японии» — уверен, что и Вам понравится».

Характерно, что в этом отзыве, несмотря на преувеличенную восторженность общей оценки, Репин отмечает именно то произведение, которое выгодно отличается от остальных стихов, составляющих первый сборник Фофанова: в этом стихотворении прославляется труд. Трезвый ум и литературный вкус Репина вскоре взяли в нем верх над необоснованной восторженностью, и сам художник с большой проницательностью объяснил, почему Фофанову, поэту, отнюдь не лишенному дарования, не суждено оставить заметный след в литературе родной страны. «Репин предсказывает, что Фофанова скоро забудут, так как он не сумел... показать себя пионером прогресса, борцом за идею», — записал 12 марта 1890 года литератор А. В. Жиркевич в дневнике.

Предсказание Репина о том, что «Фофанова скоро забудут», оказалось пророческим: хотя поэт прожил после записи Жиркевича еще двадцать один год (умер в 1911 году), ему не удалось завоевать крупное место среди русских поэтов: он редко откликался на живую действительность, общественные интересы были чужды его музе, а черты эстетства и подражательности поставили его в один ряд с эпигонами Фета и Тютчева.

В рукописном наследии Репина существует малоизвестный мемуарный отрывок — воспоминания о К. М. Фофанове. Особую ценность отрывок этот представляет для нас потому, что из него ясно, какие именно черты в облике Фофанова заинтересовали Репина и внушили ему мысль сделать портрет поэта.

«Я знал всю плеяду современников, талантливых товарищей К. М. Фофанова... Какой несомненный — типичный образ поэта из всей этой компании представлял собою Фофанов. Особенно ярка в нем была черта почти религиозного культа служения поэзии... Я всегда приятно был удивлен тоном его традиционной величавости, когда он переступал порог своего храма. Совершалось преображение... И Фофанова уже нельзя было узнать: он казался — в длинном сюртуке, с высоким воротником и гофрированными манжетами, — вдохновенный, недоступный, важный идеей своего высокого поста... В половине 80-х гг. в моей мастерской у Калинкина моста собирались литераторы и художники, и часто фигура Фофанова была центром вдохновенного подъема всего собрания».

«Образ поэта» — вот что интересовало Репина-портретиста в Фофанове, и Репин решил запечатлеть его.

Вот что рассказывает сын К. М. Фофанова со слов отца о том, при каких обстоятельствах художником была найдена поза, увековеченная на портрете. Сообщая, что Репин часто заезжал к Фофанову «на журфиксы, устраиваемые по средам», К. К. Фофанов пишет: «Однажды на журфиксе в присутствии Репина, Ясинского, Бибикова, Величко и других мой отец декламировал стихи, причем... положил нога на ногу и обнял коленку обеими руками. Репин внимательно смотрел на его позу. Спустя несколько дней И. Е. Репин приглашает его на сеанс к себе на квартиру. Когда отец пришел, то увидел у него натянутое полотно с угольным наброском его портрета».

Фофанов и изображен на портрете Репина в той самой позе: голова с живописными волнами светлых волос немного откинута назад, руки охватили колени, лицо озарено вдохновением: видно, что в эту минуту для него во всем свете существуют только стихи, которые он произносит. Даже в великом наследии Репина-портретиста не много полотен, равных по силе характеристики портрету Фофанова.

Вспоминая о Фофанове в одном из своих писем, А. М. Горький писал: «Его небесно-голубые глаза сияли именно так, как это изобразил Илья Репин».

Портрет Фофанова был приобретен М. П. Рябушинским, сейчас местонахождение его неизвестно.

* * *

Даже в молодые годы И. А. Гончаров был человеком недоверчивым и мнительным и трудно сходился с людьми. В почтенном возрасте нелюдимость усугубилась — он стал совсем избегать людей, и жизнь старого холостяка потекла еще более замкнуто. К тому же в середине восьмидесятых годов Гончаров после мучительной операции потерял один глаз. «Он побледнел и похудел, — пишет А. Ф. Кони, — и по целым неделям не выходил из своей малоуютной и темноватой квартиры на Моховой, в которой прожил тридцать лет».

И тем не менее в последние годы жизни Гончарова, в годы его угасания, Репину все же удалось нарисовать его. Как же это могло случиться? Художнику негде было даже встретиться с Гончаровым: писатель в эту пору почти нигде не бывал, а от новых знакомств решительно отказывался. Кроме того он никогда не любил позировать; несмотря на просьбы П. М. Третьякова, он целых пять лет оттягивал свое согласие позировать И. Н. Крамскому. Однако, несмотря на все препятствия, нашелся человек, который не только добился от Гончарова согласия познакомить его с Репиным, но уговорил больного старика позировать художнику.

Стасов был знаком с Гончаровым давно. Зная, как мало существует портретов Гончарова, тем более в пожилом возрасте, Стасов упросил писателя разрешить Репину зайти и нарисовать его. В январе 1888 года встреча их состоялась.

«Он как-то сразу превратился видом в старца, отпустил седую бороду», — так описывает П. Д. Боборыкин внешность Гончарова тех лет. «Старцем» выглядит писатель и на рисунке Репина. Художник не без умысла посадил его у стола так, чтобы правый глаз оставался в тени; тем не менее у зрителя все же создается ощущение, что правого глаза нет.

Репину удалось передать болезненное выражение лица Гончарова. Рисунок явно не закончен. Так, например, не дорисована правая рука: повидимому, писатель был утомлен, и Репину пришлось бросить работу, не доведя ее до конца. Тем не менее рисунок этот представляет несомненную ценность, хотя бы потому, что другого изображения Гончарова, исполненного в те же годы, не существует (на рисунке дата: «26 генв[аря] 1888»).

Ни в тогдашних своих письмах, ни в позднейших воспоминаниях Репин не рассказал о визите к Гончарову и о беседе с ним. Но сохранился отзыв художника об очерках писателя, появившихся в печати как раз в январе 1888 года, незадолго до визита к Гончарову. Репин восторгался типами слуг Гончарова (речь идет о «Воспоминаниях и очерках» и о «Слугах», напечатанных в январских номерах «Вестника Европы» и «Нивы»).

Изображения Гончарова были такою редкостью, что журнал «Всемирная иллюстрация», решив отметить семидесятипятилетие писателя, воспроизвел рисунок Репина на первой странице юбилейного номера (№ 1012 1888 года). Под рисунком написано «Иван Александрович Гончаров. Рисовал с натуры И. Е. Репин».

Прошло три с лишним года. Гончаров чувствовал себя все хуже и хуже, а 15 сентября 1891 года скончался.

В связи со смертью Гончарова рисунок Репина был снова воспроизведен на страницах «Всемирной иллюстрации» (№ 1183 1891 года). Наконец, в третий раз он был напечатан в иллюстрированном приложении к газете «Новое время», посвященном тридцатилетию художественной деятельности Репина (№ 9217 от 31 января 1901 года). И хотя при жизни Репина рисунок этот был воспроизведен по крайней мере трижды, ни в одном списке работ художника он не упоминается.

* * *

Д. В. Григорович был одним из тех немногих писателей, с которыми Репин познакомился еще тогда, когда был учеником в Академии художеств. Рассказывая советским художникам, посетившим его в 1926 году, о своей первой поездке на Волгу и о спутнике своем, пейзажисте Федоре Васильеве, Репин говорил: «Он дружил с Григоровичем из Общества поощрения художеств и смастерил себе 200 рублей для поездки на Волгу. Рассказал Григоровичу про меня, и мне дали денег и даровой проезд по Волге». Несомненно, что до поездки или после нее Васильев и познакомил Репина с Д. В. Григоровичем.

Григорович, который был знатоком искусства и сам в молодые годы учился в Академии, с 1864 года занял должность секретаря Общества поощрения художеств. Благодаря его помощи Васильев и Репин получили возможность совершить свою волжскую поездку.

В 1873 году Репин в качестве пенсионера Академии художеств был послан на три года за границу. Приезжая в Париж, Григорович каждый раз навещал его. Зная о том, что художник находится в стесненных материальных обстоятельствах, Григорович устраивал ему тогда заказы.

С 1882 года, когда Репин поселился в Петербурге, встречи его с Григоровичем были нередкими. Оба они состояли членами одних и тех же литературных и художественных обществ, одновременно входили в состав жюри выставок и т. д. В частности, оба аккуратно посещали заседания Русского литературного общества. На этих заседаниях Репин не только слушал, но и рисовал. На одном рисунке (1889 год) он запечатлел Григоровича в кругу писателей (рисунок недавно опубликован в первом репинском томе «Художественного наследства»).

Неоднократно зарисовывал Репин Григоровича и в других местах — и на людях и дома. Одна такая зарисовка (1888 год) хранится ныне в Третьяковской галерее. Другая (без даты) недавно поступила в собрание московского коллекционера, профессора В. Н. Виноградова. Зарисовка, датированная 1894 годом, на которой писатель изображен у себя в кабинете, наиболее значительная из всех, доселе известных.

Впервые напечатана она была в том же 1894 году, в юбилейном 53-м номере журнала «Нива», выпущенном в связи с двадцатипятилетием журнала. В числе «рисунков-автографов», представленных художниками для этого номе-

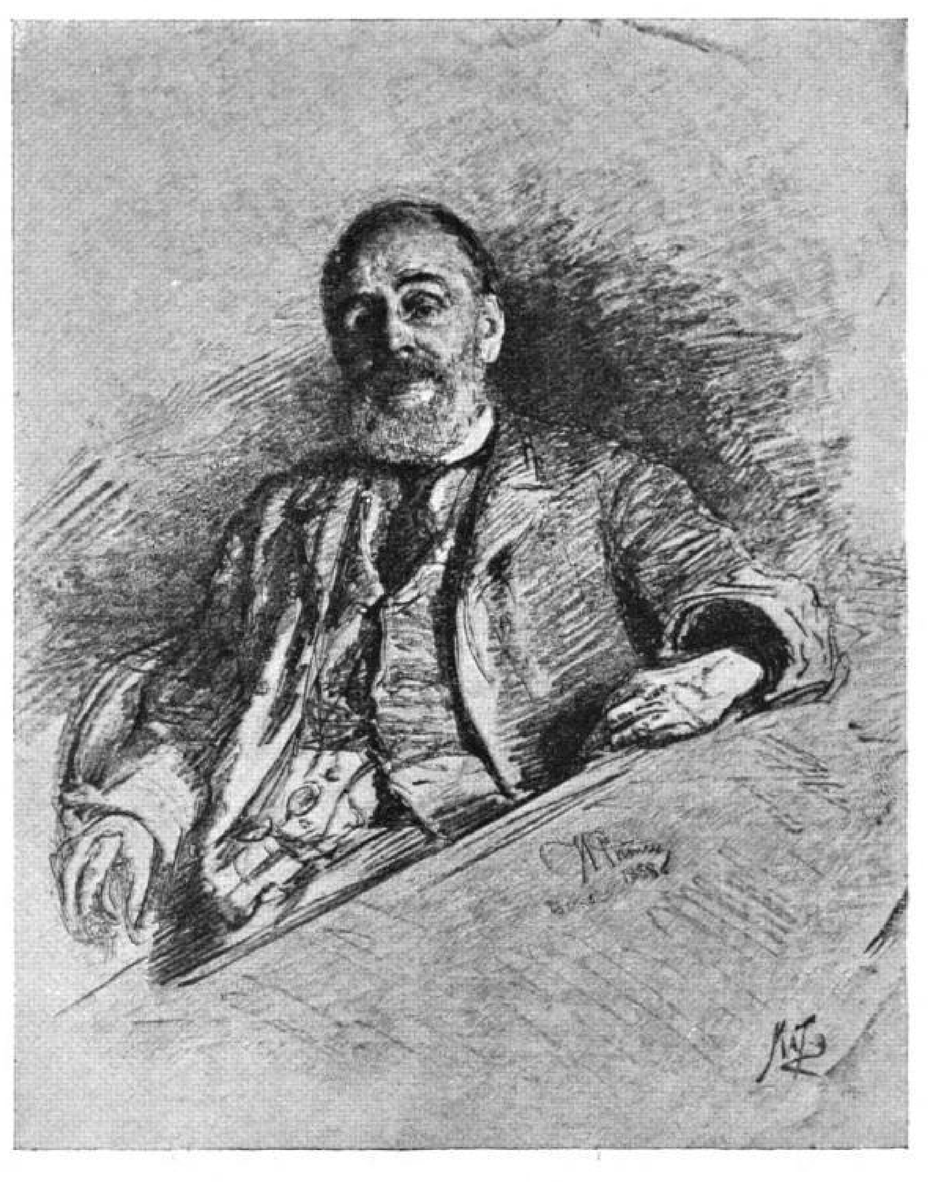

И. Е. Репин.

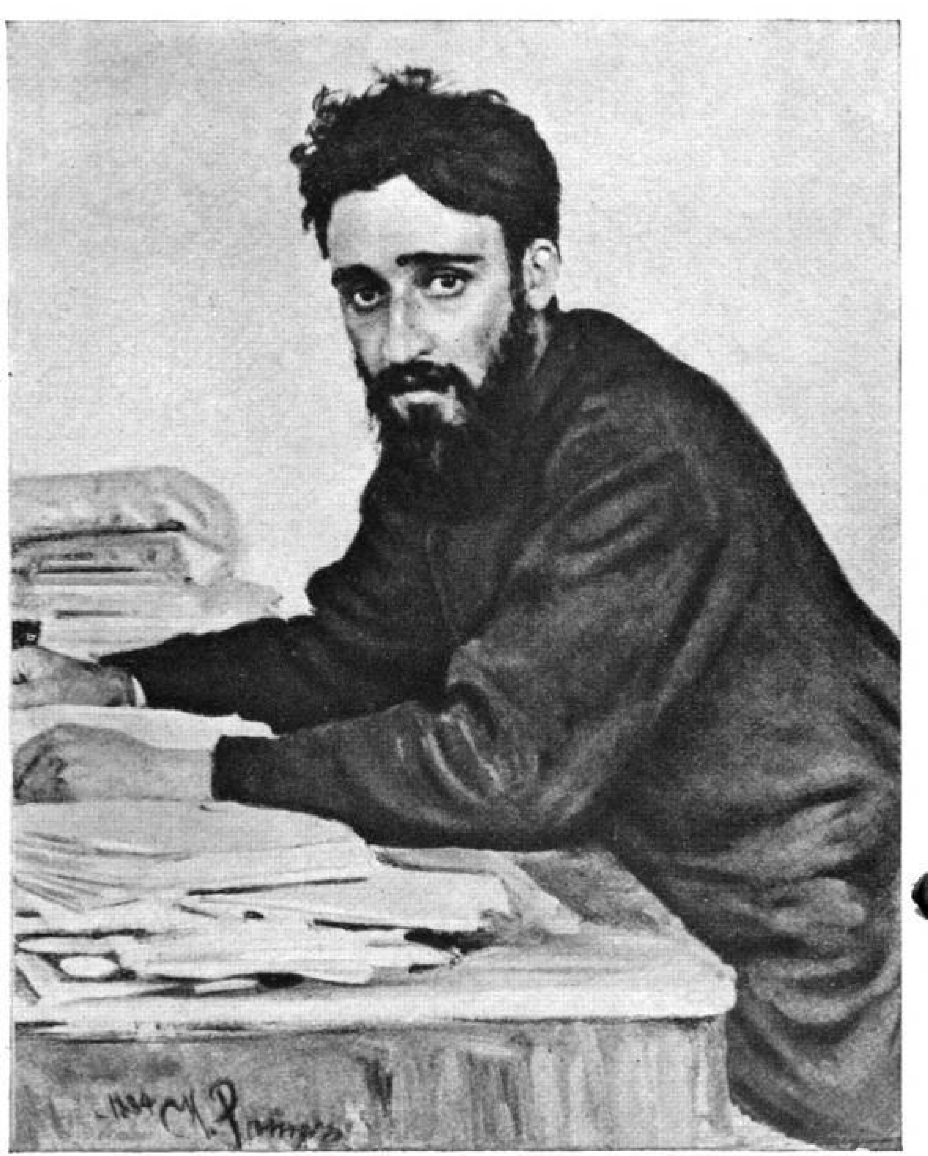
«ОСЕННИЙ БУКЕТ»

(портрет В. И. Репиной).
1892 г.

Государственная
Третьяковская
галерея.

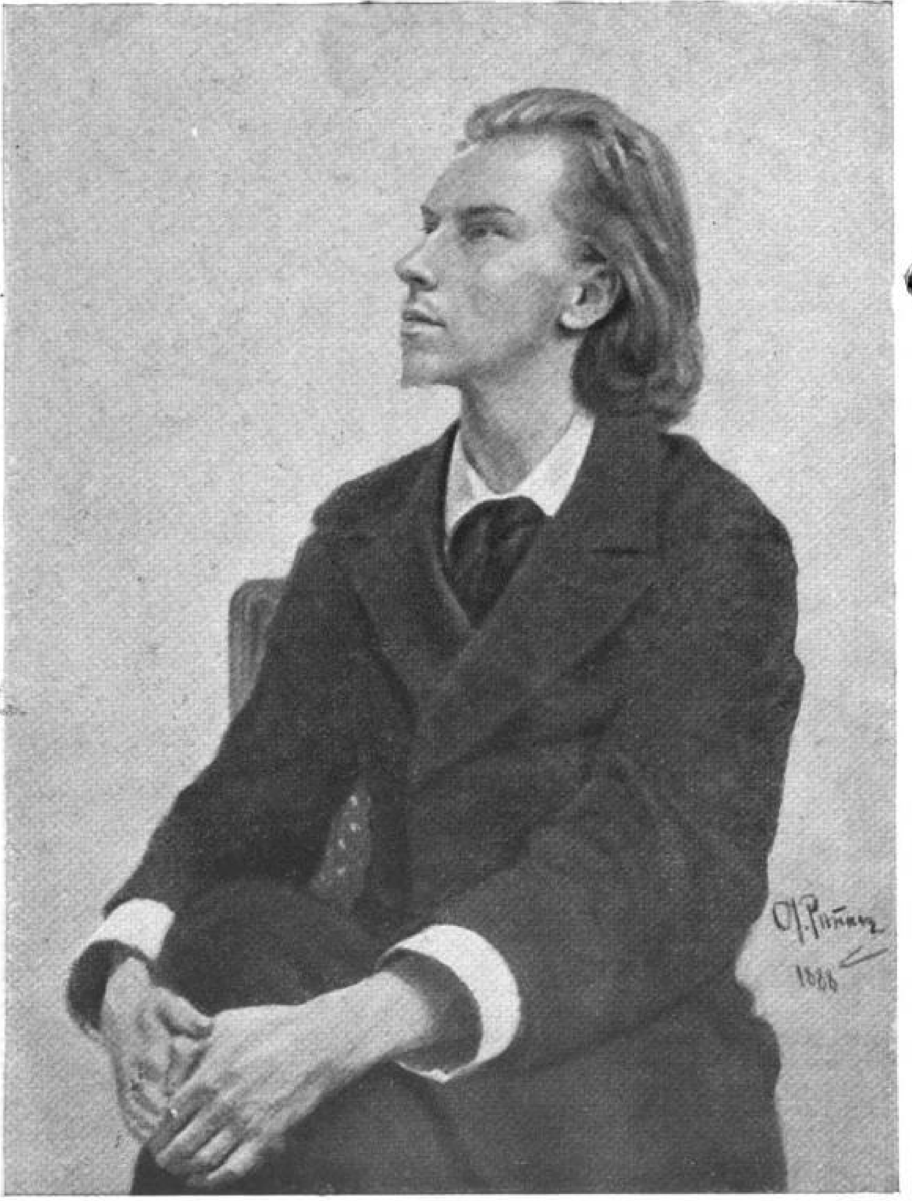
И. Е. Репин. ПОРТРЕТ И. А. ГОНЧАРОВА. 1888 г.
Нынешнее местонахождение портрета неизвестно.

И. Е. Репин. ПОРТРЕТ В. М. ГАРШИНА. 1884 г.
Нынешнее местонахождение портрета неизвестно.

И. Е. Репин. ЭТЮД ДЛЯ ГОЛОВЫ ЦАРЕВНЫ СОФЬИ.
Исполнен с писательницы Е. И. Бларамберг-Апрелевой. 1878 г.

И. Е. Репин. ПОРТРЕТ К. М. ФОФАНОВА. 1888 г.
Нынешнее местонахождение портрета неизвестно.

ра, находился и рисунок Репина. Под его воспроизведением было лишь помечено, что это «оригинальный рисунок профессора И. Е. Репина», кто изображен, указано не было. Вторично воспроизведение его дано было в том же журнале в связи со смертью писателя (№ 1 за 1900 год), причем на этот раз, естественно, имя Григоровича было названо.

Рисунок исполнен карандашом и сепией. Даже по репродукциям в «Ниве» он производит большое впечатление. Превосходно передан свет, падающий на лицо и на руку писателя. И в смысле сходства рисунок, несомненно, находится на весьма высоком уровне.

Ни на одной выставке рисунок этот не появлялся, и нынешнее его местонахождение неизвестно.

⁂

Среди друзей и знакомых Репина не было другого человека, которого он писал и рисовал с таким удовольствием и так часто, как Владимира Васильевича Стасова. Даже образ Л. Н. Толстого занимает в галерее портретов, созданной Репиным, не столь большое место. Многие портреты Стасова принадлежат к лучшим живописным произведениям художника и наиболее совершенным из его рисунков.

До сих пор не существует исчерпывающего и аннотированного списка портретов Стасова, исполненных Репиным. А между тем такой список изображений дал бы возможность установить, что некоторые из них в настоящее время находятся неизвестно где. Едва ли не самым замечательным среди этих утраченных портретов и вместе с тем не получившим широкой известности является портрет Стасова, публикуемый в настоящем номере. В репинской литературе о нем ни слова, в списках произведений художника тоже, а воспроизводился он всего лишь один раз, в одном из альбомов репродукций, сделанных с произведений Репина.

Фотографию этого портрета мы разыскали в архиве В. В. Стасова, хранящемся в Институте русской литературы в Ленинграде. Судя по фотографии, даты на портрете нет. Никаких пояснительных надписей не оказалось и на снимке.

Изучив имеющиеся документальные данные, мы пришли к убеждению, что перед нами фотография того портрета Стасова, который был сделан Репиным в 1901 году углем на холсте и принадлежал Е. П. Тархановой-Антокольской.

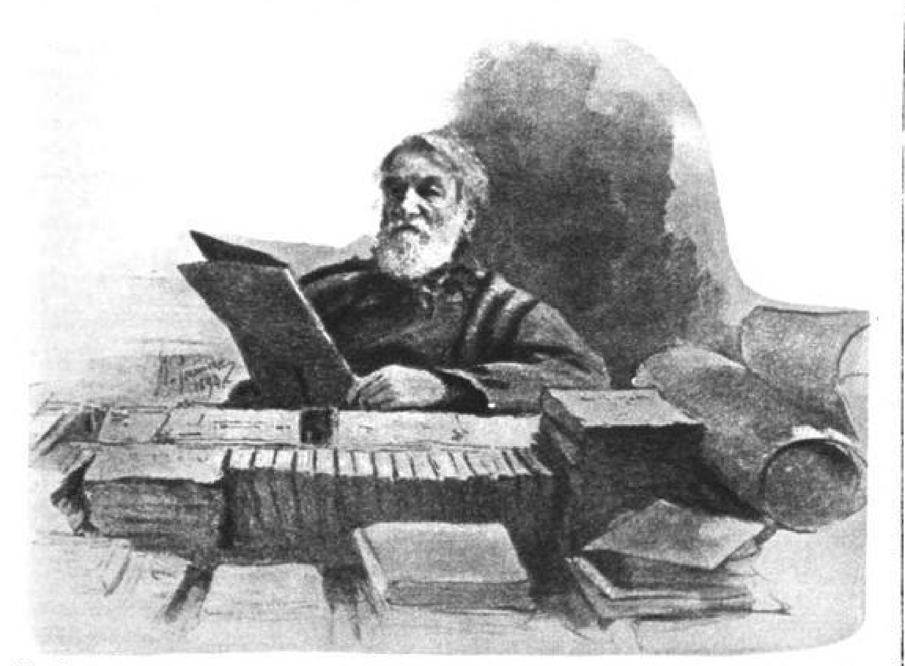
Портрет В. В. Стасова относится к выдающейся серии крупных по размерам портретов, которые в те годы Репин исполнил углем. Они имели не подготовительное, а вполне самостоятельное значение. Несмотря на одноцветную технику, многие портреты этой серии справедливо причисляются к шедеврам портретного искусства Репина. Пределом совершенства среди них считались до сих пор два портрета — Элеоноры Дузе (1891 год) и В. А. Серова (1901 год). К ним должен быть причислен теперь и портрет Стасова; о его высоком качестве можно судить даже по фотографии.

Приходится пожалеть, что такие замечательные работы Репина, как публикуемый здесь портрет Стасова, неведомо где скитаются и что их «открытие» стало возможным благодаря случайно сохранившейся фотографии.

Таковы публикуемые нами воспроизведения с шести созданных Репиным и впоследствии утраченных портретов писателей. Но немало и таких портретов, после которых не осталось даже фотографии. Мы имеем в виду прежде всего портрет И. С. Тургенева, написанный художником в 1879 году в Москве; последние сведения о нем восходят к 1909 году — тогда портрет принадлежал варшавскому коллекционеру Н. Н. Максимовскому. Никаких сведений нет о рисунке, сделанном Репиным в конце восьмидесятых годов с А. П. Чехова («очень удачный набросок, кто-то выпросил — по обыкновению», — писал Репин).

Есть точные данные о том, что за рубежом нашей страны находятся прижизненные изображения Л. Н. Толстого и А. М. Горького, исполненные Репиным. Нет следов портрета В. В. Маяковского и этюда к нему, которые еще в 1930 году находились в Пенатах.

Многие работы Репина рассеяны по всему миру, и мы не всегда знаем, где они сейчас обретаются. Особое значение в этом ряду имеют портреты замечательных русских писателей, исполненные великим художником. Необходимо приложить все усилия, чтобы обнаружить их и сделать достоянием советского народа.

И. Репин. — Портрет Д. В. Григоровича. 1894 г. (Нынешнее местонахождение портрета неизвестно.)

Корейская пьеса на московской сцене

Л. СЛАВИН

В одном из портовых городов Южной Кореи свирепствует террор лисынмановской полиции и американских оккупантов. Трудящиеся голодают. Коммунистическая партия в подполье. Ее призывы к борьбе против поработителей родины встречают горячее сочувствие народа. Атмосфера накалена. Достаточно искры, чтобы загорелся пожар. Такой искрой является столкновение портовых грузчиков с американским офицером, который ранит рабочего Чан Хая. В порту вспыхивает забастовка. Чан Хай с помощью товарищей скрывается от преследования полиции.

Так начинается пьеса корейского драматурга Тхай Дян Чуна (русский текст и сценическая редакция И. Штока) «Южнее 38-й параллели».

Это не сегодняшний день Южной Кореи. Это лисынмановская Корея до 25 июня, это канун войны, спровоцированной Вашингтоном.

— Жизнь-то ведь у крестьян насквозь дырявая, — говорит один из героев пьесы, лудильщик Пак Тар.— Помещики у крестьян отбирают весь рис, а взамен дают горсть заплесневелой кукурузы... Шел я по горам, сосны там голые стоят, как скелеты. Крестьяне всю кору объели. А вон там тысячи тонн риса, который мы своими же руками отдаем американцам...

Только три месяца прошло с начала освободительной войны корейского народа. Но все коренным образом переменилось на освобожденной земле Южной Кореи. Великие демократические свободы распространились к югу от 38-й параллели. Крестьяне получили землю. Рабочие — обеспеченный труд, восьмичасовой рабочий день, охрану труда, обязательное социальное страхование. Женщины уравнены в правах с мужчинами. Вместо лисынмановских сатрапчиков и американских «советников» управляют жизнью народные комитеты, избранные трудящимися.

Но это не значит, что пьеса Тхай Дян Чуна устарела. Напротив. Поставленная Московским драматическим театром, она служит выразительной иллюстрацией событий, к которым сейчас приковано внимание всего мира.

Развиваясь, действие приводит нас во второй картине в управление лисынмановской полиции. Комната в японском стиле — след сорокалетнего владычества японских империалистов. Сейчас здесь новые властители, надменные и невежественные американские «советники» Джонсон (артист В. Исаев) и Спельман (артист Н. Евстигнеев). Это спекулянты в военных мундирах. Жестокость и заносчивость захватчиков соединяются в них с алчностью и бездушием бизнесменов.

Американские фермеры и рабочие не помышляют об овладении корейским рисом и золотом. Им бы впору обеспечить себе кусок хлеба на собственной американской земле. Чувства и помыслы рядовых трудящихся американцев воплощены в образе Дэвиса (артист П. Исаков).

— Нельзя ли мне вернуться на родину? — обращается он с просьбой к Спельману. — Там без меня голодает семья.

Спельман. Ерунда! Там и без тебя несколько миллионов безработных. А деньги можно посылать и отсюда.

Дэвис. Но у меня здесь нет денег...

Спельман. Ты солдат американской армии. Деньги этих желтокожих — твои деньги.

Дэвис. Но ведь это грабеж!

Спельман. Дурак!.. Мой товарищ по полку Роберт Берк за три года службы в Греции скопил полмиллиона.

Закабаление Южной Кореи было источником наживы не только для мелких американских бандитов, но и для крупных американских концернов, в частности для дома Моргана,— существенный мотив, который не подчеркнут в пьесе. Рядовые люди США умирают ради прибылей могущественных корпораций, захвативших южнокорейскую нефть, уголь, золото, вольфрам, рис, судоходство, торговлю.

Идея войны популярна не среди людей, подобных солдату Дэвису, не в тех 46 так называемых «районах бедствия» в США, где безработица охватила уже треть трудоспособного населения, а в узком кругу военных промышленников, чьи барыши от гонки вооружений возрастают в геометрической прогрессии.

Если бы рядовой американец Дэвис имел фактическую возможность сам распоряжаться государственным бюджетом страны, он не стал бы истреблять народные богатства на разбойничьи войны. Он нашел бы более достойное применение плодам своего труда на своей же родине, где миллионы мужчин и женщин годами скитаются без работы.

Полиция и «советники» озабочены поимкой Чан Хая (артист В. Александров) и инициаторов забастовки — коммунистов — во главе с их местным руководителем Ким Ин Ченом (артист М. Постников). Жандармы не подозревают при этом, что сотрудница полиции, корейская девушка Ин Сен,— отважная подпольщица, работающая в логове оккупантов.

Американцы предлагают ее отцу, популярному среди населения врачу Мен Хи, стать мэром города и уговорить рабочих прекратить стачку. Сдержанная и полная внутренней силы игра артиста Г. Шамшурина в роли доктора Мен Хи — одна из самых крупных актерских удач спектакля. Старый врач далек от революционных настроений. Им владеют безжизненные конфуцианские идеалы непротивления и всеобщего расплывчатого милосердия.

Но он прямой человек и патриот. Он отклоняет бесчестное предложение «советников» и начальника полиции Сан Мана (мрачно-живописную фигуру которого выразительно обрисовывает артист Б. Свобода). Он отказывается служить орудием в руках захватчиков и этим навлекает на себя подозрения.

В дальнейшем течении пьесы доктор Мен Хи под влиянием трагедии своего народа и личной драмы отвергает свою непротивленческую философию. В финале пьесы он говорит Ким Ин Чену, склоняясь над трупом своей дочери, убитой Спельманом:

— Мне казалось всю жизнь, что главный источник мудрости — любовь и сострадание ко всем людям без разбора... Вы научили меня другой мудрости — мудрости борьбы и ненависти к врагам...

Доктор Мен Хи не знал раньше, что его дочь Ин Сен и была той смелой разведчицей революции, которая работала в стане врагов. Он презирал ее как сотрудницу полиции. И это было источником страдания для Ин Сен.

В обрисовке интересного образа Ин Сен автор сосредоточил все внимание свое на изображении именно этой психологической коллизии. Он пренебрег разработкой других черт, естественных в молодой революционерке,— энергии, дерзкой находчивости, постоянно бодрствующей воли. Однотонное решение образа в стиле мучительной обреченности сообщило игре артистки Г. Васюковой некоторое однообразие.

Другие персонажи очерчены в пьесе штрихами хоть и беглыми, но резкими. Автор проводит тонкое различие между двумя «советниками». Спельман — американский фашист, пьяница, хам, развратник, убийца. Джонсон благообразней. В одном из своих былых шпионских перевоплощений он даже выступал в роли духовного лица. Он не убивает собственными руками. Он это делает посредством пушек и самолетов. Это палач с «философией». Он пускается в рассуждения о «цивилизаторской миссии США». Он живо напоминает в этот момент генерала Макартура, который, умерщвляя корейских женщин и детей, обращая в прах корейские школы и университет, не постеснялся заявить, что США намерены «пронести англо-саксонскую цивилизацию через Японию в Азию».

Можно подумать, что самолеты генерала Макартура сбрасывают на Корею сонеты Шекспира, а не фугаски, разрушающие мирные деревни, сеющие смерть среди гражданского населения. Корейские дети умирают, чтобы Морган и зять Макартура, банкир Стосбери, могли владеть корейскими золотыми приисками и нефтяными месторождениями.

В интимной беседе «советники» обсуждают свои кровавые планы:

— Туземные солдаты,— говорит Джонсон,—обученные и вооруженные американцами, под американским командованием — вот сила будущей войны... Здесь создана первая колонна армии будущего, которая сметет с лица земли коммунизм...

Пьеса «Южнее 38-й параллели» точно запечатлевает подготовку агрессоров к преступному нападению на Корейскую народно-демократическую республику. Они полагали, что для завладения Кореей им достаточно стотысячного лисынмановского корпуса, экипированного и выдрессированного на американский лад, с прибавлением небольшого американского экспедиционного отряда. Они плохо усвоили китайский урок. Они заплатили за него шесть миллиардов долларов, но выучка не пошла им впрок.

Третья картина лучшая в спектакле. Она выгодно отличается своей четкостью от несколько сумбурных массовых сцен в начале и в конце представления. Ночь. Квартира доктора Мен Хи. Режиссеру С. Майорову удалось точно отобранными приемами, паузами, всем темпом действия передать волнующий контраст между тишиной, господствующей в этой квартире, и грозовой напряженностью окружающей ее ночи, наполненной облавами, арестами, погоней за корейскими революционерами. Чувствуется, что хоть город и во власти оккупантов, но почва под их ногами горит. Это то положение, о котором газета «Нью-Йорк пост» писала:

«Мы имеем значительно больше оснований рассчитывать на повсеместную враждебность корейцев, чем на их поддержку».

Из этой тревожной и мрачной корейской ночи, от которой тщетно хотят отгородиться старый доктор и его жена (артистка З. Зорич), приходит в сопровождении лудильщика Пак Тара раненый и преследуемый Чен Хай. Пренебрегая опасностью, доктор оказывает ему помощь.

Живая и свободная игра артиста С. Соколовского в роли Пак Тара приобретает наибольшую выразительность не здесь, а в заключительной картине пьесы. В сцене допроса, образ, созданный артистом, достигает такой внутренней красоты и правды, что С. Соколовскому незачем прибегать к театральным, балетно-«красивым» позам, от которых он временами несвободен. На допросе Пак Тар-Соколовский почти неподвижен. Но есть большая убедительность в его хладнокровии, исполненном достоинства, в иронических интонациях его речи, пересыпанной меткими народными поговорками, в его спокойной уверенности, под покровом которой скрыто убийственное презрение и ненависть к врагам.

Все, что идет от внешней красивости, не к лицу этой драме, полной суровой правды и революционной страсти, ради которой прощаешь ей и композиционную рыхлость и местами прорывающуюся декларативность.

Герои пьесы — борцы и мечтатели. Их благородные мечты хорошо выражает раненый Чен Хай в четвертой картине.

— Я неграмотный грузчик,— говорит он, лежа на куче тряпья в грязной портовой ночлежке.— Всю жизнь я носил на спине тюки, пока спина не согнулась. Но я хотел бы, чтобы мои дети ходили прямо и открыто смотрели в глаза любому, не зная страха и унижения. Как ты думаешь, это будет?

— Это уже есть на одной половине нашей земли,— отвечает Пак Тар.

— Расскажи, Пак Тар, как там живут наши братья, на Севере? — просит Чан Хай.

— Вся земля там принадлежит народу. Там нет американцев, нет безработицы, нет страха, вечного страха за себя, за детей, за то, что случится с тобой завтра... Там мужчины и женщины равны. Люди работают только восемь часов в сутки. Там ребят учат бесплатно. Корейцы, которые живут по эту сторону границы, часто слушают песни, которые поют северяне, и завидуют им.

— О чем они поют, Пак Тар? — спрашивает Чан Хай.

— Они поют о свободе и о счастье, о Ким Ир Сене, о великом друге корейского народа — Сталине, имя которого озаряет жизнь свободных людей и будит надежду в сердцах рабов...

Чан Хай не доживает до осуществления своей мечты. Его убивает тут же, в ночлежке, палач Спельман.

Оккупанты встревожены. К городу приближаются партизаны. Это соответствует жизненной и исторической правде: в Южной Корее возникло стихийное движение партизан, число которых доходило до ста тысяч. Только за первые три месяца нынешнего года было отмечено около четырех с половиной тысяч боевых действий партизан.

Но «советники» Джонсон и Спельман, ослепленные самомнением, собираются в поход на Север. Их авантюристические планы еще шире.

— Вся кампания продлится не больше недели,— самоуверенно заявляет в финальной картине Джонсон.— Красные молодчики понюхают американскую технику — сначала здесь, в Корее, а потом и там, дальше...

Вопреки расчетам американских зачинщиков гражданской войны на Корейском полуострове она переросла во всенародную освободительную войну против вооруженной интервенции США.

Этого пьеса корейского драматурга не показывает. Но зритель знает ее продолжение в жизни. Бесчеловечность американских фашистов миру известна. До сих пор они зверствовали у себя в стране, линчуя негров. Ныне бандиты вырвались за пределы своей страны. Они пытаются линчевать целый народ, мирную героическую Корею, не отличая мужчин от женщин, гражданское население от солдат, детей от взрослых.

Пьеса наглядно демонстрирует планы американских империалистов — захватить всю Корею и лишить ее национальной независимости. В самом материале драмы Тхай Дян Чуна есть волнующая притягательность. Смотря ее, зритель еще раз преисполняется уверенности, что правое дело корейского народа победит.

— Вы напрасно верите, господин Спельман,— говорит Ким Ин Чен,— в свою неприкосновенность. Настанет день, когда народы мира вместе с американским народом будут судить военных преступников, так же судить, как судили в Нюрнберге их друзей — гитлеровцев.

Аплодисменты, раздающиеся в этот момент, относятся не только к искусству артистов, но и к правде этих слов.

Сцена из пьесы «Южнее 38-й параллели» в Московском драматическом театре. Лудильщик Пак Тар — артист С. Соколовский (слева), Ким Ин Чен — артист М. Постников.

Фото Е. Мастюкова (ТАСС).

ПОБЕДА китайского народа

Кадр из фильма «Победа китайского народа».

Л. ВАРЛАМОВ,
заслуженный деятель искусств

Тысячные толпы заполнили первого октября 1949 года улицы древнего Пекина, объявленного в этот день столицей Народной республики Китая. Алые знамена торжественно реяли над колоннами демонстрантов. Задорная дробь барабанов, призывные звуки труб, мелодии боевых маршей неумолчно неслись над городом.

Только миллион человек могла вместить нарядная площадь Пекина, но казалось, что сердца сотен миллионов граждан Китая радостно бились на площади, когда над нею взвился государственный флаг новой республики — символ единения всех демократических сил страны.

Сбылись вековечные мечты китайского народа о свободе и независимости. Об этом дне будут сложены поэмы и песни, о нем участники великой освободительной борьбы будут рассказывать своим детям, внукам и правнукам.

Захваченные волнующим зрелищем, китайские и советские кинооператоры запечатлели на пленке все, что проходило перед их взорами: ликующий народ, трибуну с руководителями коммунистической партии, военный парад, который принимал главнокомандующий Народно-освободительной армией, легендарный Чжу Дэ.

Все эти кадры вошли в художественно-документальный цветной фильм «Победа китайского народа», созданный совместными творческими усилиями китайской и советской кинематографии.

Зритель увидит яркие эпизоды двадцатидвухлетней борьбы китайского народа за свою свободу и независимость.

Эпизоды народно-освободительной войны в Китае, включенные в фильм, воспроизводят на экране решающие сражения, завершившиеся полным разгромом гоминдановской военной клики.

* * *

Все в этой стране, охваченной великим порывом освободительного движения, было для нас ново, увлекательно.

Создать такую картину мы смогли только потому, что работали совместно с китайскими кинематографистами. Советские кинохроникеры А. Воронцов, С. Гусев, Л. Зайцев, П. Касаткин, А. Крылов, И. Лыткин, В. Микоша, Д. Рымарев, А. Семин, В. Цитрон работали над этим фильмом бок о бок с операторами Пекинской студии У Вэнь-хи, Хо Юй-шень, Ли Ху-а, Сюй Лай, Ли Бинь-джун, Е Ху-эй. Китайские кинооператоры помогали нам отличным знанием истории родного края, его обычаев, глубоким пониманием психологии бойцов-патриотов.

Помощь командного и политического состава четырех полевых армий и военных округов Китайской народной республики обеспечила нам все условия работы в сложной боевой обстановке. Безмерно помогала нам огромная любовь трудящихся Китая к Советскому Союзу, исключительное внимание к советским людям, которое мы ощущали ежечасно, везде и всюду.

Вступив на путь борьбы за свободу и независимость, трудящиеся Китая беззаветно отдались благородному делу освобождения своей родины. Нам довелось беседовать с одним генералом китайской Народно-освободительной армии. Руководитель и участник многочисленных сражений, этот немолодой человек рассказывал о военных подвигах китайского народа, о своем боевом пути. На наш вопрос о его семье, детях генерал смутился и ответил нам, что он только совсем недавно женился. Двадцать два года беспрерывной войны оторвали его от каких-либо мыслей о личном, всю свою жизнь он отдал делу народа.

Так же сложилась судьба многих китайских патриотов. Мы видели, как матери встречали своих сыновей, ушедших юношами и вернувшихся зрелыми, закаленными в боях людьми.

Высок моральный облик китайских солдат. Они свято чтут боевые заповеди Мао Цзе-дуна о поведении в походе, при встречах с населением. «Все трофеи принадлежат государству», «Ни иголки, ни нитки — ничего не брать у населения», — гласят эти правила. И мы были свидетелями, как свято выполняли революционные солдаты наказы своего вождя.

О беспредельном мужестве и героизме рассказывают многие эпизоды нашей картины. Так же как советские войска в дни Великой Отечественной войны беззаветно выполняли лозунг «стоять насмерть», люди Китая на полях сражений строго блюли слова приказа: «За свой класс стоять, не жалея жизни».

Более тридцати тысяч метров пленки засняли советские и китайские операторы для фильма. Материала хватило бы на несколько кинокартин, и трудно было в дни монтажа отказываться от многих кадров и эпизодов. Хотелось подробнее рассказать о фронтовых событиях, о героях, о мужественных партизанах, о крестьянах и крестьянках, рыбаках и их женах — о прекрасном народе великого Китая.

Фильм «Победа китайского народа» делался одновременно на китайском и на русском языках. Текст к фильму написан писателем Константином Симоновым. Китайский писатель Лю Бэ-юй был литературным консультантом картины. Китайский композитор Хо Ши-дэ провел большую работу по музыкальному оформлению фильма.

Первый просмотр состоялся в Пекине; 1600 человек заполнили зал кинотеатра.

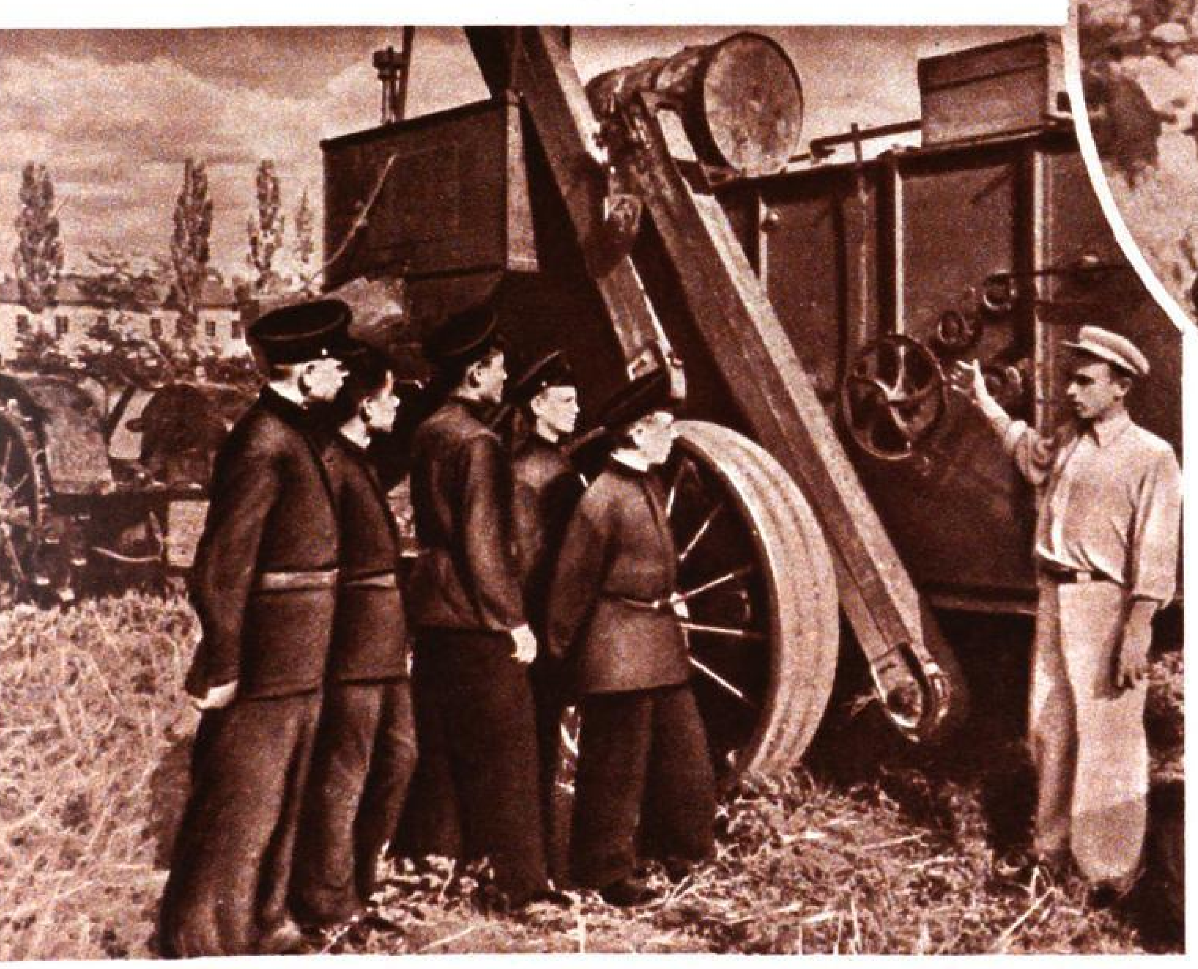
Понятно наше волнение, когда фильм смотрели первые зрители — представители китайской общественности. Содержание его было, по существу, рассказом о их жизни.

И на этом и на последующих просмотрах фильм горячо принимался китайскими зрителями. Выйдя из кинозала, люди говорили не только о прошлом, они говорили о будущем своей страны, о той жажде созидания, которой охвачены сейчас китайские труженики.

Народ Китая живет идеей мира. По всей стране развернулся сбор подписей под Стокгольмским Воззванием. Люто ненавидя поджигателей войны, китайские патриоты безоговорочно вступили в лагерь сторонников мира, чтобы словом и делом помочь установлению и сохранению мира во всем мире.

Специальное СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ...

Фото А. Шишкина

Учащиеся группы полеводов внимательно слушают рассказ старшего агронома М. И. Булгакова.

Директор училища В. И. Меркулов со своими воспитанниками на кукурузном поле. Эта кукуруза выращена самими учащимися.

Уже третий год занимается в училище Григорий Сорокин. На своем опытном школьном участке он знакомится с различными сортами овса.

На берегу речки Чамлык, в Курганинском районе, Краснодарского края, в чудесном степном оазисе раскинулся зеленый городок. Сквозь густые деревья виднеется большое двухэтажное каменное здание — главный учебный корпус — и маленькие аккуратные домики, в которых разместились кабинеты агрономии, географии, истории, столярная и слесарная мастерские, сельскохозяйственный музей.

Здесь же, у домиков, в образцовом порядке расставлены комбайны, тракторы, плуги, молотилки, сеялки. Вокруг городка раскинулся земельный массив, разбитый на сто пятьдесят опытных делянок.

Это — специальное сельскохозяйственное ремесленное училище № 12. Здесь живут и учатся дети, чьи родители погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Родина стала им матерью, училище — отчим домом.

Училище создано в 1947 году. Со всех концов страны сюда приехали тринадцати—четырнадцатилетние мальчики, пожелавшие стать специалистами сельского хозяйства. Григорий Сорокин, Игорь Власов, Виктор Кравцов, Роман Шутов, Алексей Клясук и другие определились, кто в группу полеводов, кто — овощеводов.

Три года назад робко вошел в класс Виктор Кравцов; неуверенно отправился он на отведенную ему опытную делянку. Все казалось непонятным, сложным.

Сейчас по полю уверенно шагает юноша в форменной одежде ученика ремесленного училища. Подойдя к своему опытному участку, Виктор Кравцов внимательно осматривает капусту, свеклу, баклажаны, измеряет плоды и что-то старательно записывает в тетрадь.

Виктор учится на отделении овощеводов. Он отличник. Знания, полученные в училище, он с успехом использует на практике. Сейчас юноша занят выведением нового сорта капусты.

Романа Шутова здесь называют зачинателем опытничества. Роман учится в группе полеводов. Уже на втором году учебы он заинтересовался опытом знатного кубанского хлебороба Никиты Бухалова и бригадира тракторной бригады, депутата Верховного Совета СССР Ивана Шацкого. Шутов первым среди учащихся получил разрешение заниматься селекционной работой и энергично принялся за дело. Нынешним летом Роман снял по 196 пудов озимой пшеницы с гектара.

Сейчас в училище напряженное время: начался четвертый, завершающий учебный год. Идет отшлифовка практических знаний. Одновременно ученики проводят осенние полевые работы.

Через год выпускники сельскохозяйственного ремесленного училища будут направлены в совхозы Кубани. Сто пятьдесят полеводческих и овощеводческих бригад получат грамотных, умелых руководителей, в совершенстве владеющих опытом выращивания высоких урожаев.

Вл. ДАРМОДЕХИН

В ГОРАХ Кавказа

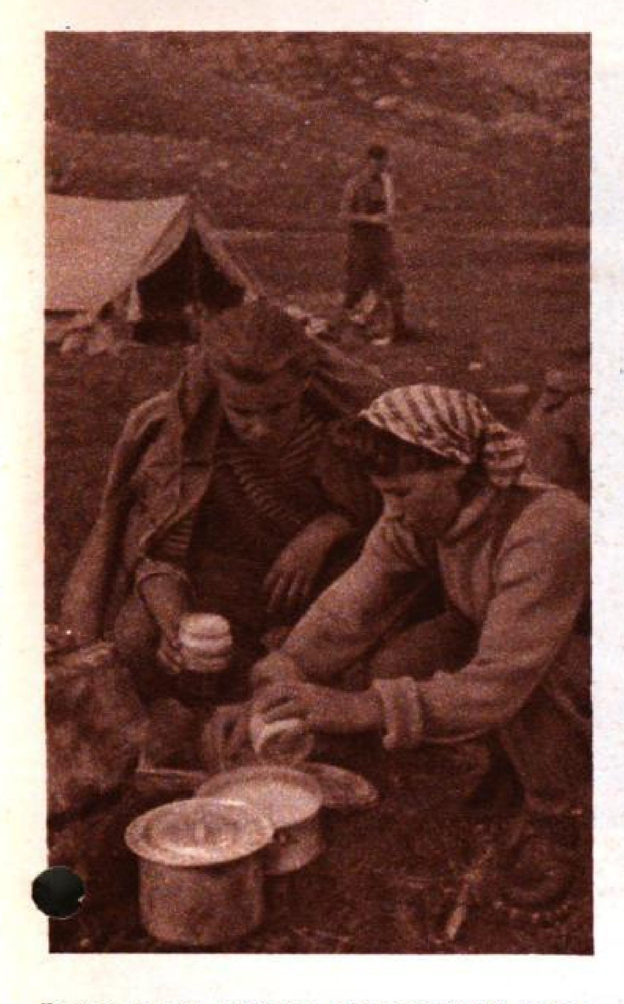
Е. ГАЛИНИН

Фото В. Руйковича

В заоблачную высь вздымаются вершины Главного Кавказского хребта. От снежных их шапок спускаются вниз по суровым ущельям величественные ледники. Десятки ручьев со звоном вырываются из-под вечной ледяной толщи. Тут истоки студеных и пенистых горных речек. Прыгая по камням, они стремят свое беспокойное течение мимо сочных альпийских лугов, мимо скал и обрывов.

Уже в зоне хвойного леса три речки — Аманауз, Алибек и Домбай — сплетаются в единый поток. Здесь раскинулась на высоте 1580 метров живописная Домбайская поляна, где находится альпинистский лагерь добровольного спортивного общества «Буревестник». В лагерь приезжают провести свой отпуск сотни альпинистов — работников связи.

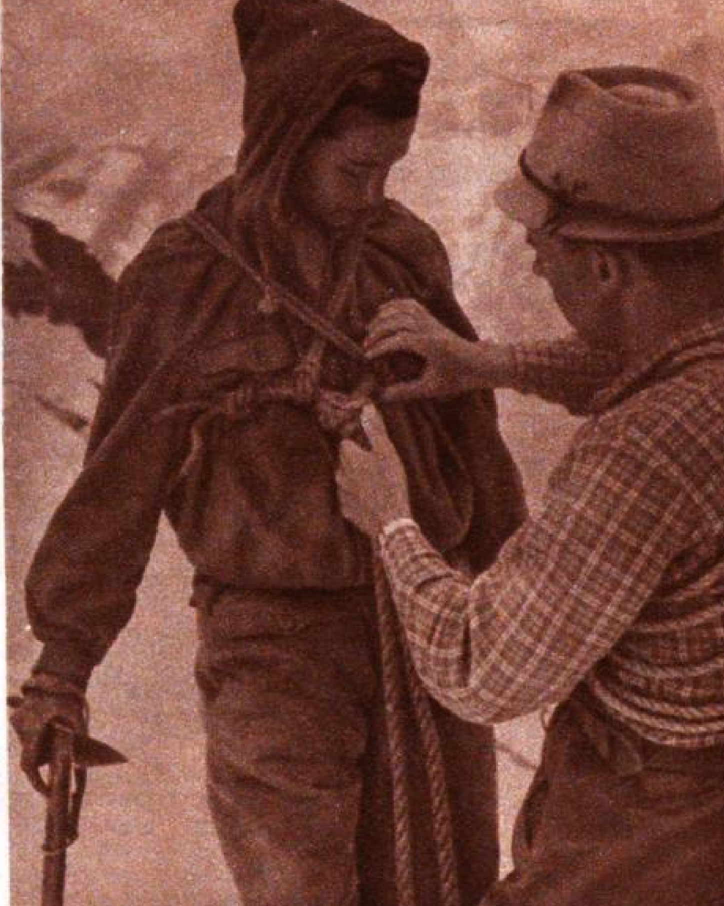
Альпинизм — увлекательный и мужественный вид спорта. Путь к вершинам гор — труднейший путь по ледникам, над пропастями — требует от человека выносливости, настойчивости и отваги. Но не только эти качества дают альпинисту горные восхождения. Ника-

Далеко внизу остался альпинистский лагерь спортивного общества «Буревестник». Участники восхождения на зачетную вершину раскинули походный бивуак. Монтер Валентин Полторацкий и радиотехник Надежда Кузавкова отлично справляются с возложенными на них поварскими обязанностями. Подкрепившись, можно тронуться дальше.

Пройден первый этап. Участники похода достигли перевала Хутый. Старший инструктор Александр Хоменко составляет записку о прохождении группой перевальной точки. Эта записка будет спрятана в расщелине скалы.

Подъем все трудней и опасней. Начальник учебной части лагеря Ф. Кропф проверяет обвязку у альпинистки Тамары Литвиновой.

Путь спортсменов пролегает по живописным местам. Связисты шагают по изумрудным коврам альпийских лугов, а рядом простерлись вечные снега, громоздятся суровые утесы и скалы...

Трудно узнать контролера Московского Центрального телеграфа Анастасию Давыдову в ее полном альпинистском снаряжении! Связисты-спортсмены забрались на такую высоту, где не обойтись без ледоруба, «кошек» на ногах, страховочной веревки, темных очков...

кой другой спорт не развивает в такой степени чувства коллективности, товарищеской спайки, взаимопомощи.

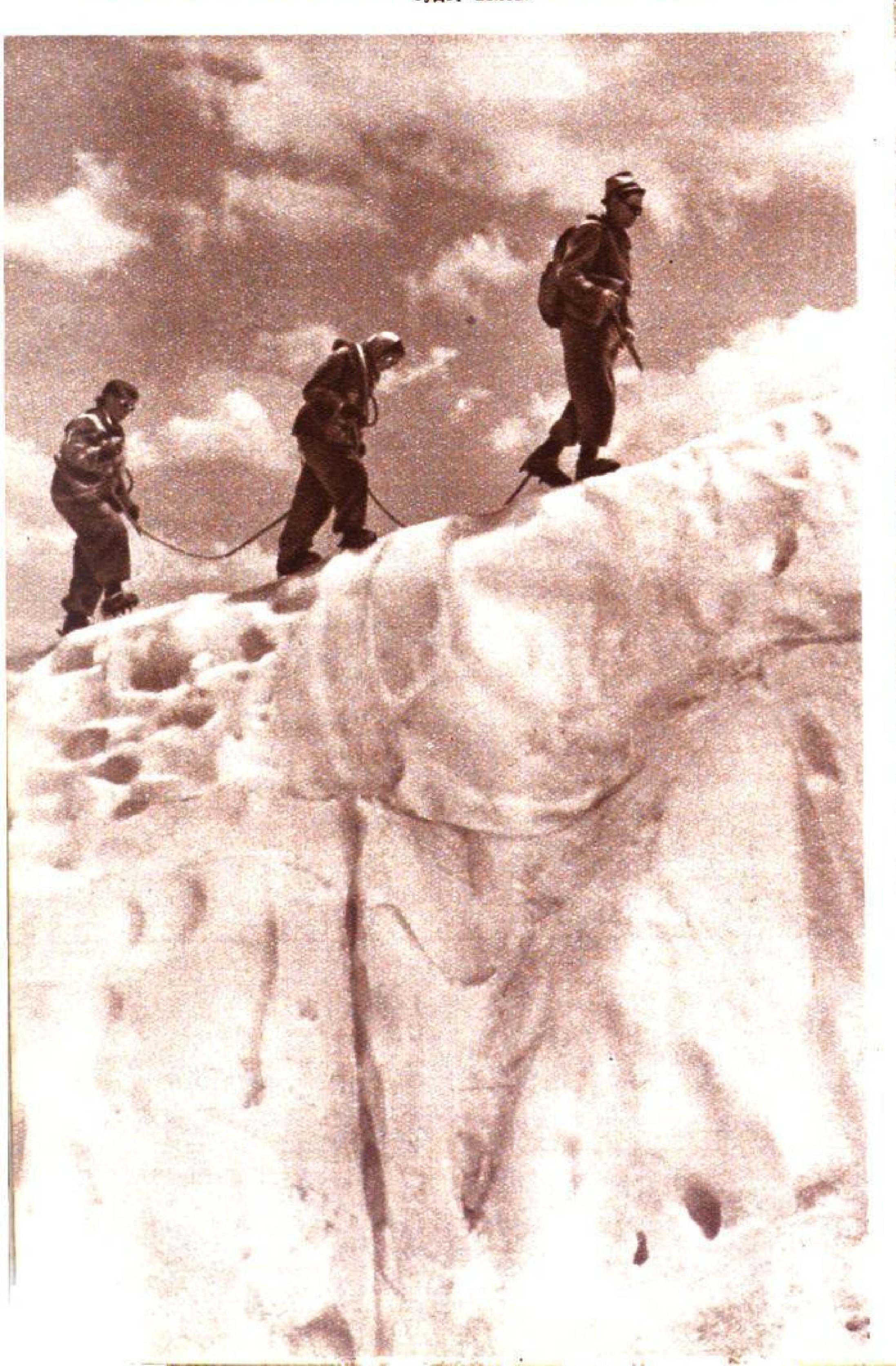
Для того чтобы подняться на неприступную, казалось бы, вершину, альпинист должен уметь передвигаться по скользкому ледяному склону и взбираться по отвесным скалам. За двадцать дней пребывания в альпинистском лагере даже новички, впервые попавшие в горы, познают многое. Под руководством опытных инструкторов — К. Кузьмина, И. Галустова, А. Хоменко и других — они знакомятся с техникой скалолазания, практикуются в передвижении по снегу и льду, делают тренировочные вылазки в окрестности Домбайской поляны.

Пребывание в лагере обычно завершается участием в походе на «зачетную» вершину. Успешное восхождение на такую вершину дает право получить значок «Альпинист СССР 1-й ступени».

Но в лагерь общества «Буревестник» приезжают не только новички. Здесь встретишь и опытных, бывалых спортсменов. Они совершенствуются в альпинистском мастерстве и участвуют в походах, требующих особого опыта и сноровки.

Незаметно пролетает время, проведенное на Домбайской поляне. Покидают ее альпинисты бодрыми, жизнерадостными, здоровыми, набравшись в горах новых сил. Многие мечтают приехать сюда и в следующем году.

Альпинисты — у цели! Еще несколько шагов по ледовому склону — и вершина будет взята!

М. И. Дьяков (в центре) беседует с молодыми физкультурниками-железнодорожниками Петром Ивановым (слева) и Алексеем Федотовым.

Фото Я. Барского

Ветеран русского спорта

Михаилу Ивановичу Дьякову 78 лет. Но еще и сейчас его часто можно видеть на улицах Ленинграда или где-нибудь на загородном шоссе пригнувшимся к рулю велосипеда. Свое свободное время этот невысокий, коренастый старик неизменно посвящает любимому виду спорта, в котором он когда-то не знал соперников.

В нынешнем году исполнилось 60 лет с того дня, когда М. И. Дьяков вышел на старт первых в своей жизни велосипедных состязаний. Тогда, в 1890 году, ему было 18 лет. Скоро на велотреках не только России, но и всего мира не оказалось никого, кто мог бы равняться с Дьяковым.

Многими замечательными достижениями отмечена спортивная жизнь М. И. Дьякова.

В 1893 году Михаил Дьяков, выигравший до того чемпионаты Петербурга и севера России, завоевал звание чемпиона страны. В течение нескольких лет он никому не уступал это звание.

Весной 1896 года в Петербурге, в Михайловском манеже, происходила так называемая «часовая гонка» по специально сооруженному деревянному треку с очень крутыми виражами. Дьяков, которого тренировал тогда его сверстник и товарищ по спорту Н. А. Панин-Коломенкин, впоследствии прославленный конькобежец-фигурист, первым был на финише. За один час он проехал 37 верст 338 саженей — больше 40 километров!

В том же году в Англии разыгрывался национальный чемпионат по велоспорту. Среди его участников были спортсмены других стран и в том числе представитель России Михаил Дьяков. В Лондоне хвастали, что англичане — лучшие гонщики мира и никто не в состоянии опередить их. Пять дистанций входили в программу чемпионата. По четырем из них победу одержал русский спортсмен Михаил Дьяков. Он выиграл звание чемпиона Англии.

Вспоминая сейчас об этой славной странице своей жизни, Михаил Иванович, улыбаясь, говорит:

— Да, русский спортсмен показал кичливым англичанам, как надо ездить на велосипеде!

Лондонские спортивные дельцы попытались тогда «купить» Дьякова и, обещая большие деньги, предложили ему выступать от Англии.

— Я русский человек, — ответил Михаил Иванович.

Не раз участвовал М. И. Дьяков в международных состязаниях и всегда достойно отстаивал спортивную честь России. Позади Дьякова оставались лучшие гонщики Англии, Германии, Швеции, Дании и других стран. Англичанин Бардслей, ирландец Рейнольдс, швед Клейн, немец Родервальд и многие другие известные велосипедисты того времени испытывали, состязаясь с Дьяковым, горечь поражения.

Почти триста раз выходил Михаил Иванович на старт велосипедных соревнований. И только три раза оказался на финише вторым. Во всех остальных случаях первенство было за Дьяковым. Ему принадлежало несколько всероссийских и четыре мировых рекорда по велоспорту.

...Последние годы Михаил Иванович работает в 1-м паровозном депо Ленинградской железной дороги. Он мог бы уже давно перейти на пенсию, но не хочет покинуть свой трудовой пост. Михаил Иванович чувствует себя бодрым, крепким и, как он любит говорить, молодым.

Тесная дружба связывает ветерана русского спорта с молодыми физкультурниками-железнодорожниками. Частенько собираются они вокруг старика и слушают его рассказы о прошлом русского спорта, его советы, указания...

— Родина все дает вам, — неизменно напоминает Михаил Иванович молодежи. — Старайтесь же и вы всегда и во всем прославлять ее!

Гр. МИХАЙЛОВ

ТОЛСТЫЙ и ТОНКИЙ

(Почти по Чехову)

Евг. СЕРГЕЕВ

Рисунки Г. Валька

В Ленинграде на Московском вокзале Октябрьской железной дороги встретились два приятеля: толстый и тонкий. Оба они уезжали в Москву, и судьба свела их у ступенек одного вагона. Толстый только что пообедал, и глаза его, подернутые маслянистой влагой, глядели на мир ласково и сонно. Тонкий примчался к поезду прямо с заседания. Пахло от него табаком и крепким чаем.

— Григорий! — воскликнул тол[illegible]ый, увидев тонкого. — Ты ли [illegible]о? Дружище! Сколько лет, сколько зим!

— Батюшки! — изумился тонкий. — Костя! Друг детства!

Приятели расцеловались и похлопали друг друга по плечу, словно желая окончательно убедиться, не произошла ли ошибка.

— Однако что же это мы! — спохватился толстый. — Пойдем в вагон, до Москвы наговоримся. А у меня, кстати, и коньячок найдется.

Вскоре толстый сидел в купе тонкого и рассказывал:

— Расстались мы с тобой, дай бог памяти, в тридцатом. Помнишь, директор нашей школы на выпускном вечере сказал: «Что-то с вами лет через двадцать произойдет?» Ты тогда предсказал, дескать, я стану директором универмага и буду толстым, как доменная печь.

— Похоже, так оно и вышло, — улыбнулся тонкий.

— Не совсем, брат, не совсем. Конечно, в смысле объема есть немного, но насчет торговли — только потребитель.

— Чем же ты, Костя, занимаешься, на каких хлебах добреешь?

— Не скрою, Гриша, на литературных.

Толстый скромно потупил глаза и щелчком смахнул соринку с рукава своего добротного пиджака.

— Позволь, — удивился тонкий. — В юности ты ненавидел словесность и мечтал о финансовой деятельности, а тут вдруг...

— Мало ли что в юности! Времена, голуба, меняются. Образование я, действительно, получил экономическое, но с годами, так сказать, познал самого себя.

— Ну, а читатели тоже познали?

— Как тебе сказать? Конечно, я не Шолохов или там Тихонов, но ведь и лодка — судно.

— Судно, оно, брат, с трюмами.

— Это ты в смысле грузов? Не скажи, писали — не гуляли. И стихов не чуждаюсь и прозы не избегаю.

— Серость наша, — вздохнул тонкий. — Стыдно сказать, не читал.

— Бездетный ты, что ли?

— Да нет, трое у меня. Однако это к делу не относится.

— Напротив. Я, брат, долгие годы именно для карапузов и сочинял. Маленькие такие штучки с картинками. Тиражи, признаюсь, у лилипутиков ох как хороши! Последняя тысяч на сто набежала. И издатель невидный — Коммунхоз, а вот, вишь ты, — пошла.

— Занятно. Но почему Коммунхоз? Специально для детей водопроводчиков писал, что ли?

Толстый укоризненно покачал головой. Помолчав, он в очередной раз отхлебнул из походного стаканчика и жестом фокусника бросил в рот ломтик лимона.

— Неужели я тебе кажусь таким ограниченным? Нет, голуба, по замыслу это общечеловеческая книжица. Развитие смекалки и жизненные наставления. Да вот, полюбопытствуй.

Толстый вытащил из пухлого портфеля книжицу, отпечатанную на оранжевого цвета картоне, и протянул ее приятелю.

— «Отчего и почему?» — прочел тонкий на обложке, усыпанной жирными и черными, как пиявки, вопросительными знаками. На первой странице он увидал стран-

ный рисунок: пожилой человек стоит на четвереньках в окружении своры собак. Четырехстишье под рисунком вопрошало:

Тише, дети, не шумите,
А задачку мне решите:
У собачек — хвост и лапы
Почему их нет у папы?

— М... да, — неопределенно протянул тонкий. — Ехидный вопрос. И глубокомыслие какое!..

— Во, во, — оживился толстый. — Заметь, как я их, шельмецов, незаметно к теории подвожу. Тут, если вдуматься, и до Дарвина недалеко.

Тонкий пожевал губами, но ничего не сказал.

Его компаньон в очередной раз хлопнул стаканчик, аппетитно крякнул, но тотчас нахмурился.

— Нашелся, понимаешь, тип — фельетончик в газете тиснул. И чорт его знает, откуда у нас завистники берутся! Все же живучи еще пережитки проклятого прошлого. Ну, может быть, я допустим, в чем и ошибся. Так напиши мне личное письмо, и кончено дело. Ан нет — сразу в газету. И подписался как-то странно — «Читатель». Попробуй узнать, что это за личность!..

— Критика, — неопределенно сказал тонкий.

— Злопыхательство, — твердо отрезал толстый. — Небось думал, я каяться буду или в спор с ним вступлю! Не на такого напал. Не нравятся вам детские книжки Константина Кукушкина, извольте! Помолчал я год — полтора и принялся за произведения для взрослых.

— Решил ответить делом?

— Вот именно. Творчество — моя стихия. За письменным столом я, брат, как рыба в воде.

Долго думал о жанре. Роман писать — громоздко, да и материалов очень много требуется. Сборник рассказов? Чортова пропасть сюжетов требуется. Решил путевые очерки сочинять. Жизнь, она вроде бездонного колодца: век черпай — не вычерпаешь.

— Золотые слова, — поддакнул тонкий. — Боюсь только, не тяжело ли тебе у этого кладезя нагибаться. Шутка сказать, путевые очерки! Ведь это же непрерывные разъезды, расспросы, огромный поток людей и событий. Или ничего, втянулся?

— Вот тут и весь фокус, — широко улыбнулся толстый и еще раз наклонил бутылку. — Понимаешь ли, в каждом деле есть свои производственные приемы и секреты. Раньше их было мало, и нашему брату тяжело приходилось. Взять того же Гончарова. Сколько он мук претерпел, пока свой «Фрегат Паллада» написал. Парусник, океаны, штормы — чорт знает что! А сейчас куда как легче. Даже сравнить невозможно.

— В смысле передвижения, что ли?

— Да нет же. Ну, скажи на милость, зачем мне, к примеру, ехать на Сахалин, если о нем уже десятки книг написаны? Идешь ты себе в одно прекрасное утро в публичную библиотеку, берешь список литературы на эту тему и начинаешь творить. Вначале выписки, уйма выписок. Затем — для этого у меня обеденный стол на двенадцать персон отведен — разложишь их по порядку. Чехова, предположим, передвинешь правее, очерки из местных газет — те пониже могут лечь. И так это все стройно получается — загляденье. Детей у меня, слава богу, нет, а мы с женой в такие дни на кухне обедаем.

Затем составляешь зачины. Тут уж не скупись — придумывай. Есть испытанные фразы, вроде: «Я побывал в... и узнал много интересного»; или: «Помню как-то...», «Нам рассказали, что...» Есть и специальные выражения, такие, как: «Мы подходим к берегу в штормовую погоду», «С океана надвигался тайфун, но мой спутник сказал: вперед...» Ну, а затем соединишь запевы с выписками, пошлифуешь материал недельки три — четыре — и книжица тут как тут.

— Позволь, — подмигнул тонкий. — Но это чистейшая компиляция!

— Ох-хо-хо, — зевнул толстый. — Сразу видно, что ты, братец, далек от литературы. Компиляция, если ты хочешь знать, слово латинское и обозначает оно грабеж. А я разве похож на грабителя? С каких это пор мы отказываемся от культурного наследия? Ну, а побывал я на Сахалине или нет — какое читателю до этого дело! Не то слово употребил. Ты скажи лучше — композиция, вот это да. Отобрал фразу к фразе, как курочка по зернышку, отряхнул от пыли, пригнал одну к одной — это же адский труд!

— Возможно, — согласился тонкий. — Однако, помнится мне, какого-то Кукушкина в одной московской газете за такую вот композицию здорово осмеяли. Однофамилец твой, что ли?

— Не читал, не читал, — торопливо сказал толстый. — Впрочем, что это я все о себе да о себе. Расскажи-ка о своей судьбе. К каким берегам она тебя вынесла?

— Где уж мне до тебя, — вздохнул тонкий. — Окончил геологический, живу в провинции и работаю по специальности.

— В районе, в области? Зачем в Ленинград приезжал? Да ты не стесняйся, говори все как есть: свои же люди.

— Ну если так, то изволь. Работаю на Сахалине. Время от времени пописываю под псевдонимом «Читатель». Был в Москве после отпуска и приезжал в Ленинград по следам того самого выступления газеты. Собрал все материалы, во многом пополнил свои изыскания здесь, в купе, и возвращаюсь восвояси, чтобы окончательно изобличить плагиатора.

Походный стаканчик упал на пол и жалобно звякнул. Лицо толстого, словно под кистью художника, мгновенно превратилось из розового в багровое с лиловым оттенком.

— Поз... поз... позвольте, Гриша!.. Григорий Степанович! Дорогой товарищ Кузнецов! Так это вы... так это я... Не может быть!

Тонкий брезгливо взглянул на толстого и отвернулся.

Экспресс, набирая скорость, мчался к Москве.

Как говорит пословица, «октябрь ни колеса, ни полоза не любит». Стоит уже глубокая осень. Последние листья сорваны с деревьев ветрами-листодерами, пасмурно, плывут туманы, моросят похожие на туманы дожди, а то вдруг начнут порхать снежинки или посыплется крупа.

Заканчивается отлет и пролет птиц. Грачи, появляющиеся в средней полосе России первыми, улетают в числе последних. Они как бы открывают и закрывают теплый сезон. Несмотря на заморозки, даже под снегом еще зеленеет сирень, но уже вся природа готовится к зиме: засыпают деревья, перекрашиваются куропатки, белки, зайцы, нагулявшие жиру барсуки к концу месяца заваливаются в норах спать, рыба уходит в самые глубокие места водоемов, и травы опускаются на дно.

По осенней, почерневшей от дождей земле, по чернотропу, начинается охота с гончими на зайцев, лисиц и волков.

В совхозах и колхозах производят осенние лесопосадки, идет уборка поздней капусты, в свеклосеющих районах — копка сахарной свеклы, на крайнем юге заканчивают сев озимых, убирают кукурузу и хлопок.

Октябрь — последний месяц с положительной температурой. Таких месяцев в году обычно семь, считая с апреля. Средние температуры этих двух крайних месяцев по Москве, например, 3,7 градуса для апреля и 3,9 для октября, — очень близки между собой, но в апреле дело идет к теплу, а сейчас к холоду: ложится снег, на реках появляются забереги, к концу месяца замерзают пруды.

На севере, на Белом море, уже трещат морозы, и поморы ходят, одетые в меха, а на Черном море еще продолжается купальный сезон — так разнообразны климатические условия нашей великой страны.

В октябре исчезают кучевые облака. Они появляются и пропадают почти одновременно с грачами, также свидетельствуя о начале и конце теплого периода. Кучевые облака сменяет сплошная низкая облачность, но если выпадет ясная погода, то 6 октября под утро на востоке можно наблюдать Сатурн и Меркурий: к этому времени они близко подойдут друг к другу.

Становятся видны и зимние созвездия. Из-под горизонта, на востоке, поднимается Орион. В этом созвездии лежит исходная точка третьего по обильности метеорного потока Орионид, время видимости которого приходится на 14—26 октября, а максимум на 21—22.

Б. М.

Обо всем

На длине в один сантиметр, то есть на протяжении такой черточки ——— помещается сто миллионов атомов.

• • •

Современные киты не нуждаются в зубах, но произошли они от зубастых предков. Зародыш кита и теперь имеет зубы, но рождается кит уже без зубов и остается беззубым всю жизнь.

Точно так же личинка рыбы угря, которая самостоятельно не добывает себе пищи, имеет зубы, а когда она превращается в угря, зубы выпадают.

Один из примеров подобного атавизма был обнаружен Дарвином у слепого грызуна туко-туко, постоянно роющегося в земле: у него родятся зрячие детеныши, но вскоре они слепнут.

• • •

В 1926 году над Одессой пронесся ливень с крупным градом. Вес некоторых градин достигал 300 граммов.

Наибольший вес выпавших градин зарегистрирован во время ливня в Индии в 1929 году, когда отдельные градины, вернее куски льда, имели 13 сантиметров в диаметре и весили около килограмма.

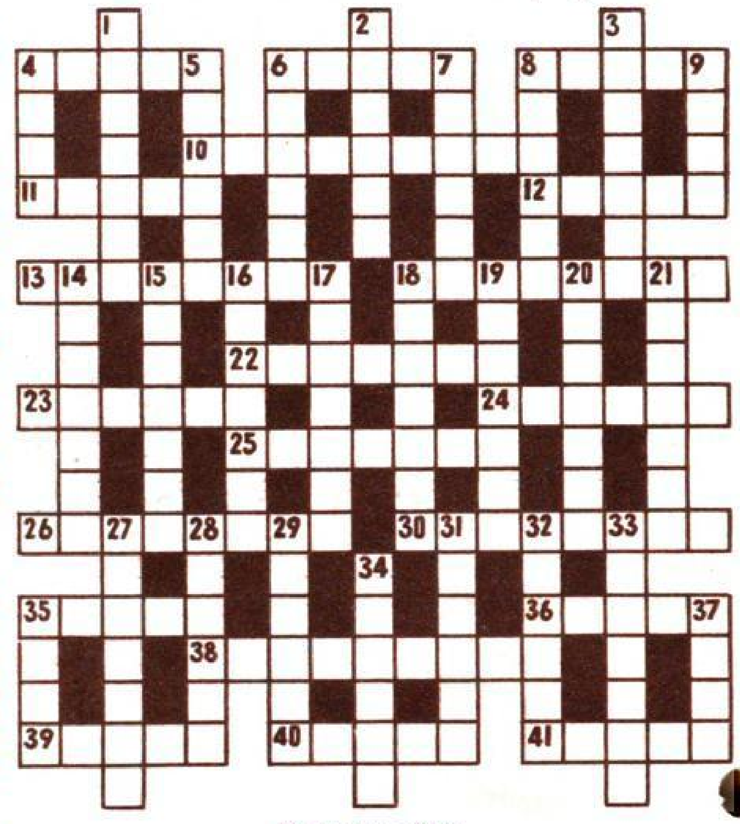
• • •

В любом источнике звука весьма незначительная часть затрачиваемой работы переходит в энергию звука.

Так, человек при разговоре или пении превращает в энергию звука всего лишь около одной сотой части совершаемой работы, а 99 частей пропадают, переходя главным образом в тепловую энергию.

Если бы вся энергия гудков и сирен превращалась полностью в энергию звука, то они были бы слышны на сотни километров.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Железнодорожный состав. 6. Рана. 8. Система револьвера. 10. Известковый нарост на потолке пещеры. 11. Мечта. 12. Город на Украине. 13. Снабжение каким-либо товаром. 18. Выжигание кислотой. 22. Сосуд для перегонки жидкостей. 23. Соединение элементов с углеродом. 24. Позвоночник. 25. Обратная сторона. 26. Ручательство, обеспечение. 30. Особый аллюр лошади. 35. Небольшой общественный сад. 36. Вечнозеленый декоративный кустарник. 38. Лесная птица. 39. Заключение, завершение. 40. Пионерский лагерь. 41. Сторона прямоугольного треугольника.

По вертикали:

1. Нервная реакция организма на внешнее раздражение. 2. Большой вооруженный флот. 3. Бабочка-вредитель. 4. Сельскохозяйственное орудие. 5. Чувство раздражения, неудовольствия. 6. Женский головной убор. 7. Запирающийся механизм у орудий и машин. 8. Соль азотной кислоты. 9. Окружающее землю сферическое пространство. 14. Название породы собак. 15. Кафедра для оратора. 16. Приговор. 17. Морское животное из класса коралловых полипов. 18. Горная цепь в Европе. 19. Веер. 20. Работа по изготовлению изделий ручным, кустарным способом. 21. Плоды или ягоды, сваренные на сахаре. 27. Ровная земная поверхность. 28. Морское животное. 29. Певчая птичка. 31. Лампочка, зажигаемая на ночь. 32. Волокно хлопчатника. 33. Полусон. 34. Подушный налог в старой России. 35. Несгораемый шкаф. 37. Минерал.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 39

По горизонтали:

1. Блок. 6. Орша. 8. Обелиск. 11. «Бородино». 12. Рольганг. 15. Аргон. 16. «Фундамент». 18. Прага. 21. Отчизна. 25. Процент. 27. Креозот. 28. Какаду. 29. Натиск. 30. Спица. 31. Дюшес. 32. Ремонт. 35. Педаль. 37. Мазурка. 38. История. 39. Принцип. 43. Инбер. 44. Диспетчер. 47. Амеба. 50. Киловатт. 51. Масленка. 52. Секунда. 53. «Деды». 54. Тент.

По вертикали:

2. Лоток. 3. Косинус. 4. Рекорд. 5. Нихром. 6. Окалина. 7. Шпага. 9. Половица. 10. Антрацит. 13. Сабо. 14. Наст. 17. Автор. 19. Индустрия. 20. Транспорт. 22. Траверс. 23. Вроцлав. 24. Монюшко. 26. Носилки. 33. Орошение. 34. Фурье. 36. Динамика. 38. Ирис. 40. План. 41. Финансы. 42. Реостат. 45. Патока. 46. Тамань. 48. Колье. 49. Щецин.

ШАШКИ

Под редакцией мастера
Г. Я. ТОРЧИНСКОГО

ЭТЮД

А. Буткевич (Новосибирск)

Белые начинают и выигрывают.

ОТВЕТ НА ЗАДАЧУ в № 39 «ОГОНЬКА»

СУДЬИ БЕЗ СЕКУНДОМЕРОВ

Возможно, если использовать фотореле. «Фотоэлектрический глаз» отметит время старта и финиша с точностью до сотых долей секунды.

Ленту на финише можно заменить лучом света. С одной стороны беговой дорожки надо установить осветитель, а с другой — фотореле. При пересечении бегуном луча света фотореле сработает, включив электромагнит, нажимающий кнопку секундомера.

ЮМОР

(Из американских журналов)

ОБРАЗЦОВАЯ ЖЕНА

— А ваша Адель знает все, что нужно для счастливого замужества?

— Да. Она великолепно подслушивает, умеет незаметно вскрывать письма, аккуратно сообщает о всех домашних разговорах своему начальству и сама умеет чинить слуховую аппаратуру.

ЛЮБИТЕЛЬ КИНО

— Пойдем сегодня в «Метрополитен»: говорят, там интересная картина — «Гамлет».

— Нет, пойдем лучше в «Палас»... Там во время сеанса разносят виски по залу и можно курить...

БЛИЗОРУКОСТЬ

— Из-за чего дерутся эти два сенатора?

— Они делают вид, что принадлежат к разным партиям!

КУЛЬТУРНЫЙ АМЕРИКАНЕЦ

— Как, Билл, ты еще не женат?! Неужели такой образованный парень, как ты, с университетским дипломом и доступом в высшие сферы, не мог подобрать себе девушку?

— У меня тут была одна история...

— Я слышал! Разве она кончилась плохо?

— Понимаешь, в тот вечер, когда я хотел сделать ей предложение, она мне заявила, что любит Шекспира, Байрона и Шелли! На чорта мне девушка, которая влюблена в троих сразу!

— Но она была богата?

— Потом выяснилось, что не очень. Тысяч двести всего.

— Тогда нет ничего удивительного! В малосостоятельных семьях очень нескромные нравы!

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, К. В. СМИРНОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова

А—04404. Подписано к печати 26/IX 1950 г. Изд. № 651. 5½ печ. л. Тираж 406 000. Заказ 2438. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

СТАРШЕГО СЛУШАЙ
РАЗУМНУЮ РЕЧЬ:
— ДЕНЬГИ В СБЕРКАССЕ
НАДО БЕРЕЧЬ!

Цена 3 руб.